

Образование и духовная безопасность

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
НИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БГПУ им. М. АКМУЛЛЫ

ISSN 2587-6457

№1 (1)
2017

ISSN 2587-6457

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
Научно-исследовательский институт духовной безопасности
и развития религиозного образования

ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ**

№ 1 (1)

УФА
2017

Учредитель журнала – Научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы. Журнал основан в 2017 году.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Данияр Мавляирович Абдрахманов
Директор Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы (НИИ ДБ и РРО), кандидат философских наук, доцент

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Юсуф Ильдарович Малахов
Специалист по научной работе НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Раиль Мирваевич Асадуллин
Ректор БГПУ им. М. Акмуллы,
доктор педагогических наук, профессор

Артур Русланович Сулейманов
Ректор Российского исламского университета
ЦДУМ России

Тахир Мажитович Аминов
Профессор кафедры педагогики БГПУ
им. М. Акмуллы, доктор педагогических наук,
профессор

Мухамет Мустафович Галлямов
Имам-хатиб, кандидат медицинских наук

Ибрагим Джавпарович Ибрагимов
Директор Института государственно-конфессиональных отношений
Пятигорского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент

Мурат Желилович Киекбаев
Академик-секретарь отделения социально-гуманитарных наук Академии наук
Республики Башкортостан, доктор социологических наук,
профессор, член-корреспондент АН РБ

Елена Васильевна Кулеш
Руководитель Ресурсного центра «Поликультурное образование и этнокультурное развитие личности»
Тихоокеанского государственного университета

Алмаз Флюорович Мустаев
Проректор по учебной работе БГПУ им. М. Акмуллы,
кандидат физико-математических наук, доцент

Канат Жалилович Садыков
Ректор Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына,
кандидат филологических наук, доцент

Руслан Линицевич Саяхов
Заместитель председателя-муфтия Духовного управления мусульман
Республики Башкортостан по вопросам образования,
внешних связей и связей с общественностью

Диляра Медехатовна Солодовник
Заместитель директора Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
кандидат исторических наук, доцент

Марсиль Нурулович Фархшатов
Заведующий отделом истории и истории культуры Башкортостана ИИЯЛ УНЦ РАН, кандидат исторических наук, доцент

Валерий Семенович Хазиев
Заведующий кафедрой философии, социологии и политологии, н.с. НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы, доктор философских наук, профессор

Рамиль Равилович Хайрутдинов
Директор института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, кандидат исторических наук, доцент

Альфит Асхатович Шарипов
Председатель Духовного управления мусульман Оренбургской области,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зарина Лероновна Сизоненко
Старший научный сотрудник
НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы,
кандидат социологических наук, доцент

Резеда Рафитовна Мухитдинова
Специалист по научно-методической работе
НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы

Научный журнал НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы «Образование и духовная безопасность». Вып. № 1. – Уфа: Мир печати, 2017. – 100 с.

Журнал подготовлен в рамках реализации Плана мероприятий по развитию исламского образования и обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на период с 2017 по 2020 год, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р, реализуемого БГПУ им. М. Акмуллы совместно с РИУ ЦДУМ России.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения авторов публикуемых материалов может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Асадуллин Р.М.</i> Вступительное слово	5
---	---

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

<i>Абдрахманов Д.М.</i> Социальные трансформации и детерминанты развития мусульманского образования в БГПУ им. М. Акмуллы	6
---	---

<i>Калимуллин Р.Х.</i> Интегративные источники гуманитарных дисциплин в религиозном высшем учебном заведении	15
--	----

<i>Аминов Т.М.</i> Развитие мусульманского образования в Башкортостане: история и современность	20
---	----

<i>Муталлимова С.А.</i> Мультикультурный калейдоскоп в оптике образования: социокультурные стратегии современности	31
--	----

<i>Галияскарова Л.Р.</i> Применение исламского дидактического шамаила в духовных учебных заведениях – путь к улучшению методики преподавания	37
--	----

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

<i>Осмонова Д.А.</i> Сущность, специфика и проблемы религиоведческого образования (на примере КНУ имени Ж. Баласагына)	43
--	----

ВЕРОУЧЕНИЕ И САКРАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

<i>Саяхов Р.Л.</i> Исламские первоисточники о профилактике возникновения конфликтов через воспитание договорных отношений	49
---	----

РЕЛИГИЯ В РОССИИ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

<i>Гарифуллин А.С.</i> Теории и практики развития традиционного ислама на Дальнем Востоке ...	53
---	----

<i>Кулбахтина А.З.</i> Политический курс государства в мусульманском образовательном сегменте на рубеже XIX–XX вв.: задачи, проблемы, решения	56
---	----

КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РЕЛИГИЙ

<i>Сизоненко З.Л.</i> К вопросу о роли семьи в формировании культуры этноконфессиональных отношений	65
---	----

ТЕОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

<i>Хазиев В.С.</i> Есть ли предел познавательных возможностей разума?	71
---	----

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

Малахов Ю.И. Социальные технологии профилактики экстремизма и терроризма
в молодежной среде 74

РЕЛИГИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИТИКА

Уразметов Т.З. Проблемы структурной организации конфессиональных групп 81

Даянова Э.М. Правовые основы изучения религии в образовательном законодательстве России 87

ФОРУМЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ 92

ЮБИЛЕИ 98

Дорогие читатели!

Сейчас, когда вопросы сохранения мира на нашей планете вновь становятся крайне актуальными, развитие религиозного образования приобретает особую значимость. Трагические события в странах Ближнего Востока и по всему миру наглядно свидетельствуют об опасных последствиях межконфессиональных противоречий. История и многовековой опыт подтверждают: только духовное просвещение может указать верующим истинный путь, защитить от разрушительного радикализма, искажающего традиционные основы вероучений.

В России по инициативе Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина в течение десяти лет реализуется проект развития исламского образования. Уфа является одним из признанных центров этой важной работы. Здесь успешно работают Российский исламский университет ЦДУМ России, медресе, продолжающие лучшие отечественные традиции. Религиозные образовательные организации активно способствуют оздоровлению нравственного климата в обществе, воспитанию у молодежи чувства патриотизма и веротерпимости. Объединение усилий РИУ ЦДУМ России и БГПУ им. М. Акмуллы, как вузов-партнеров в рамках реализации федерального проекта, вносит важный вклад в развитие содержания и форм религиозного образования с учетом современных реалий.

Образование – это процесс, затрагивающий душу, сердце, менталитет человека. И здесь в качестве главного инструмента должны выступать такие средства, которые никогда не поддаются инфляции. Традиционный ислам, наряду с православием и другими конфессиями, как раз и является кладом нравственных и моральных норм, опорой для человека, источником тех самых духовных скреп, на которых строится жизнестойкость и будущее нашего государства и народа.

Уверен, что продолжая многовековые гуманистические традиции мировых религий, с опорой на самые передовые образовательные технологии, мы поднимем духовное просвещение на качественно новый уровень, еще больше укрепим в нашей стране межконфессиональный мир и согласие.

Желаю Журналу успешного роста, плодотворной работы по расширению диалога государства и конфессий, эффективного обмена опытом развития духовной и светской науки и религиозного образования.

**Ректор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы,
доктор педагогических наук, профессор
РАИЛЬ МИРВАЕВИЧ АСАДУЛЛИН**

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

УДК 74:28

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ДЕТЕРМИНАНТЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Абдрахманов Данияр Мавлярович
Директор Научно-исследовательского
института духовной безопасности
и развития религиозного образования БГПУ
им. М. Акмуллы, канд. филос. наук, доцент

Современное российское общество, находящееся в условиях глубинных социальных и политических трансформаций сталкивается с множеством деструктивных факторов, противодействие которым становится важной задачей модернизационного развития и условием выживания всей социальной системы. Рост социальной энтропии нуждается в определении масштабов и разработке действенных технологий упорядочения нелинейных, порой хаотических процессов. В ряду деструктивных факторов в современном обществе можно выделить социально-экономическую напряженность, архаизацию социальных практик¹, возрастание активности экстремистских социальных и религиозных течений, снижение уровня этнической толерантности, рост употребления психоактивных веществ, суицидов, сложнопрогнозируемое влияние внешней миграции² и пр.

В последнее время популярным стало определение современности как турбулентного времени, времени, когда распространяются угрозы «организованной безответственности»³. Дж. Урри⁴ рассуждает о посткарбонном обще-

стве, говоря, что интенции всего человечества сейчас определяются потребительским отношением к ресурсам и, соответственно, всему прочему. У. Бек отмечает, что «не имеет значения, живем ли мы в мире, который «объективно» более безопасен, чем тот, который был ранее – инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие»⁵. Возникает качественно новая стадия индивидуализации. «Ни наука, ни господствующая политика, ни масс-медиа, ни бизнес, ни правовая система, ни даже военная сила не в состоянии определить и контролировать риски рациональным образом. Индивид вынужден не доверять обещаниям рациональности этих институтов. В силу этого люди отброшены в положение, в котором они вынуждены полагаться только на самих себя: высвобождение без укорененности – есть иронично-трагическая формула для определения размеров индивидуализации в мировом обществе риска»⁶.

В ряде научных изданий определяются факторы, угрожающие социальной сплоченности⁷:

1. Сохраняющееся социальное неравенство.
2. Миграция.
3. Политические и экономические преобразования.

⁵ Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 11.

⁶ Beck U. Указ. соч. P. 54.

⁷ Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2011 год. – ООН, Нью-Йорк, 2012. / www.incb.org. С. 3–5.

¹ Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. – 404 с.

² Абдрахманов Д.М., Демичев И.В., Нугуманов М.М., Кагарманов Р.Ф., Дусмухаметов Ф.А. Интеграция инокультурных мигрантов в России. Уфа: ДизайнПресс, 2014. – 248 с.

³ Кравченко С.А. К итогам X конференции ЕСА // Социологические исследования. № 3, 2012. С. 6–13.

⁴ Urry J. Climate change and society. Cambridge: Polity Press, 2011.

4. Появление культуры, характеризуемой неводержанностью.
5. Рост индивидуализма и потребительства.
6. Изменение традиционных ценностей.
7. Общество, переживающее или недавно пережившее конфликт.
8. Стремительная урбанизация.
9. Утрата уважения к закону.

Можно также выделить следующие факторы ментальной экологии современного общества¹:

1. Уплотнение информационной среды – каждые 18 месяцев объем информации удваивается.
2. Нарастание некомпетентности населения в условиях информационного взрыва.
3. Глобализация идеологической агрессии и геополитического противостояния.
4. Поточно-конвейерное производство массовой культуры и культурная дезориентация.
5. Рост маргинальности, утрата социальных связей и отчуждение.
6. Высокие темпы роста криминальной субкультуры, увеличение объема психического насилия как средства совершения преступлений.
7. Психологическая неграмотность населения как предпосылка любых манипуляций.
8. Доступность психотехнологий и широкое бизнес-консультирование.
9. Истеродемонический ренессанс, проявляющийся индустриализацией деятельности разнообразных медиумов и экстрасенсов.
10. Отсутствие эффективных и доступных институтов психогигиены и психопрофилактики. Все это нередко приводит к образованию духовного вакуума, который заполняется «хаосом новой духовности».

Начиная с 90-х гг. прошлого века идет процесс атомизации общества, утрата населением традиционных форм солидарности, коллективизма. Нынешняя Россия – это не только резкое неравенство доходов, но и неравенство возможностей. То, что выходцам из бедных

семей трудно пробиться наверх, признал и В.В. Путин, сделав «создание социальных лифтов» одной из ключевых задач учрежденного Агентства стратегических инициатив.

Остро стоят также вопросы общественного здоровья, алкоголизма, наркомании², самосохранительного поведения. Помимо собственно медицинских аспектов, «курение и пьянство есть мощные средства десубъективации субъектов, мощнейшие антимодернизационные средства (один литр выпиваемого спирта на душу населения в стране приводит к падению производительности труда на 1%. У нас сейчас потребление спиртного составляет 18 литров чистого алкоголя на человека в год)»³.

Важно выделить следующий момент. Неблагоприятные тенденции в развитии образования будут проявляться в последующем, поскольку его финансированию в стране не уделяется должного внимания. Если в США доля расходов на образование составляет 13,7% к валовому внутреннему продукту (ВВП), в Японии – 11,7%, Великобритании – 11,4%, то в России – лишь 3,5%. Финансирование образования сегодня составляет три четверти затрат от уровня 1991 г.⁴ Традиционные (индустриальные) институты высшего образования уже не в состоянии выступать основным агентом формирования новой транслокальной идентичности. Они тщетно поддерживают и пытаются максимально усилить национальную и социокультурную принадлежность индивидов, надеясь таким образом зафиксировать, «зацементировать» ускользающую национальную идентичность. И добиваются тем самым противоположного эффекта, порождая этноконфессиональные риски, поскольку носители новой транснациональной идентичности уже априори оказываются вне зоны действия традиционных образовательных институтов, а носители традиционной идентичности и морали, активно «подогреты»

² Киекбаев М.Д., Абдрахманов Д.М. Основные подходы к совершенствованию системного противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков: опыт Башкортостана // Этносоциум, 2011. № 1 (33). С. 122–131.

³ Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2011. С. 296..

⁴ Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования, № 10, 2011. С. 113.

¹ Сидоров П.И. Наркологическая превентология. – М.: МЕДпресс-информ, 2006. С. 535.

во мнении об уникальности своей культуры/религии/государства, нередко воображаемой, становятся чересчур активными защитниками собственной идентичности, выходя на тропу экстремизма и терроризма¹.

В последнее время обострились процессы «политизации религии» и «религизации политики». Процесс религизации политики, по словам З. Баумана, «еще более опасен и часто по своим последствиям сопровождается гораздо большим кровопролитием». В религиозном пространстве России имеет место фундаментализм. Характеризуя логику развития исламского фундаментализма в России, Е.М. Дринова выделяет следующие его специфические черты: 1) внедрение в традиционное исламское сознание идей ваххабизма; 2) декларирование восстановления «чистого» ислама, не испорченного цивилизацией; 3) утверждение доктрины джихада; 4) стремление к созданию во всех северокавказских республиках ваххабитских общин, функционирование которых предполагает существование исламских социально-правовых институтов, таких как школы при мечетях и шариатский суд для воспитания новых поколений; 5) склонность к сакрализации политического конфликта, основу которой составляет идея иррациональности религиозного насилия; 6) религиозно мотивированное насилие и оправдание террористических актов в отношении мирных граждан России.

Особенность православного фундаментализма в России проявляется в том, что православию стремится к активной политической деятельности. В церковных кругах существует тенденция и крепнет убежденность в необходимости примата религии над политикой, как во внутренней, так и во внешней политике государства. В самом государстве также наметилась тенденция по христианизации политики, которая заключается в утверждении моральных и религиозных ценностей как абсолютных норм в обществе; отмечается активное внедрение системы религиозных православных ценностей в систему светских и политических институтов в стране. Совсем недавно судебный процесс над группой «Pussy Riot» и последовавшие

¹ Песегова Е.В. Флексиби́льная модернизация института высшего образования в современной России: автореф. дис... докт. социол. наук. М., 2011. С. 42.

за ним события и процессы, показал всю глубину имеющихся в обществе противоречий.

Обозначенный выше комплекс идей фундаментализма позволяет говорить о параллельном формировании в России политического, православного и исламского фундаментализма, существенное различие между которыми заключается в том, что первый для достижения целей использует исключительно мирные формы, а второй практикует ультрарадикальные формы².

Ведущий отечественный социолог Ж.Т. Тощенко считает данную проблему крайне важной. «С недавних пор российское общество испытывает давление иерархов православной церкви по поводу необходимости изучения всеми школьниками «Основ православной культуры», как якобы единственного средства налаживания нравственности в стране. Если бы это было так! Введение такого курса (наравне с исламом, буддизмом и иудаизмом) приведет к еще одному расколу общества – по религиозному признаку. Появится еще более дестабилизирующий фактор, чем раскол на бедных и богатых, титульные и нетитульные народы, на знатных и простых»³.

Экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума изменяет формы своего проявления, все чаще принимая виртуальный характер, зарождаясь и развиваясь в глобальной компьютерной сети, трансформируется в явления объективной реальности посредством социально-групповой самоорганизации молодежи. Возникающий тип коммуникации «виртуальная реальность – объективная реальность» позволяет молодежному экстремизму, первоначально развиваясь в Интернете, на последующих стадиях выходить за пределы виртуальной реальности и превращаться в различные формы соответствующего девиантного поведения молодежи (в политической, религиозной, информационной и других сферах). При этом как виртуальные, так и реальные молодежные группы посредством групповой коммуникации

² Дринова Е.М. Религия и политический процесс: религиозно-политическая экспансия и политизация религии в современном мире / Автореф. дис. докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2012. С. 39.

³ Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования, № 12, 2011. С. 5.

интенсифицируют процесс генезиса и развития молодежного экстремизма¹.

При организации системной работы по профилактике молодежного экстремизма помимо непосредственной, прямой профилактики – необходимо выстраивать систему этой деятельности с опорой на методы и формы работы, затрагивающие и среду, и личность. Главное внимание должно быть сосредоточено на особой социально-психологической ситуации в жизни любого человека, которая приходится на возрастной период от 14 до 22 лет.

В основе организации системы профилактической работы, особенно с группами лиц, пребывающими в кризисном возрасте, должна лежать идея управляемой социализации, когда социально-психологические процессы, происходящие с подростком, профессионально сопровождаются соответствующими специалистами. Безусловно, одним из основных направлений профилактики экстремизма является образовательное.

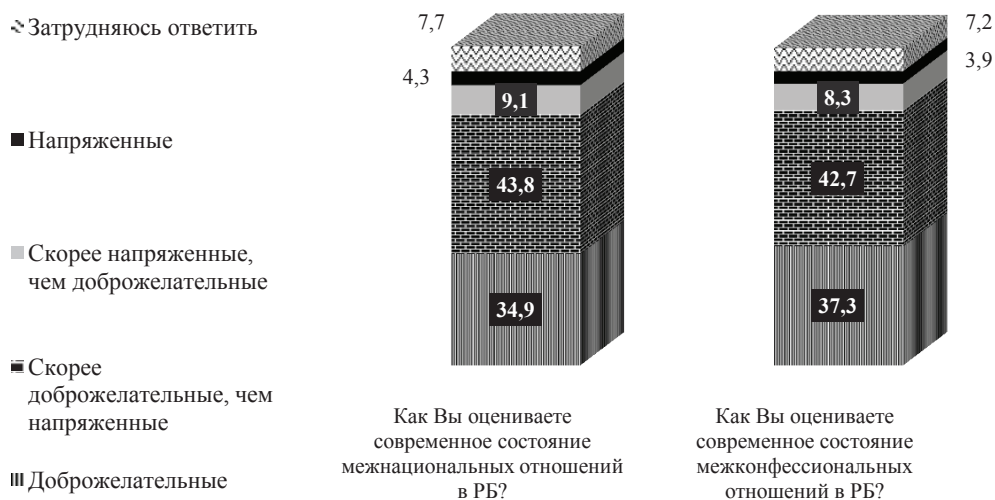
В июле-октябре 2016 г. Межведомственным научно-исследовательским центром развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы (в июле 2017 г. переименован

в научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования) проведено комплексное социологическое исследование (социологический опрос, фокус-группы, экспертные интервью) «Конфессиональные отношения и религиозное образование в Республике Башкортостан». В ходе социологического исследования было опрошено 900 респондентов. Тип выборки – квотная, многоступенчатая. Выборка репрезентирует население РБ в возрасте 16 лет и старше по полу, возрасту, образованию, типу населенного пункта. Метод опроса – личные формализованные интервью по месту жительства респондента.

Текущее состояние межнациональных отношений в Башкортостане можно охарактеризовать как в целом доброжелательные (78,7%), что является нормой для многонациональной республики, где взаимоотношения между представителями разных этносов выстраивались в течение многих столетий. Многонациональный состав населения республики оказывает позитивное влияние на межконфессиональные отношения, которые характеризуются респондентами, как спокойные и скорее спокойные (80%).

Рисунок 1

Как Вы оцениваете современное состояние межнациональных/межконфессиональных отношений в РБ? (в % от респондентов)

¹ Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9.

В религиозном срезе фиксируются определенные отличия в оценке межконфессиональных отношений. Спокойными и скорее спокойными отношения между представителями различных конфессий считают 89,3% мусульман

в республике носят напряженный характер, чем среди мусульман (8,1%).

Мусульмане более оптимистичны в оценках межнациональных отношений. 43,8% мусульман считают, что отношения в республике

Рисунок 2

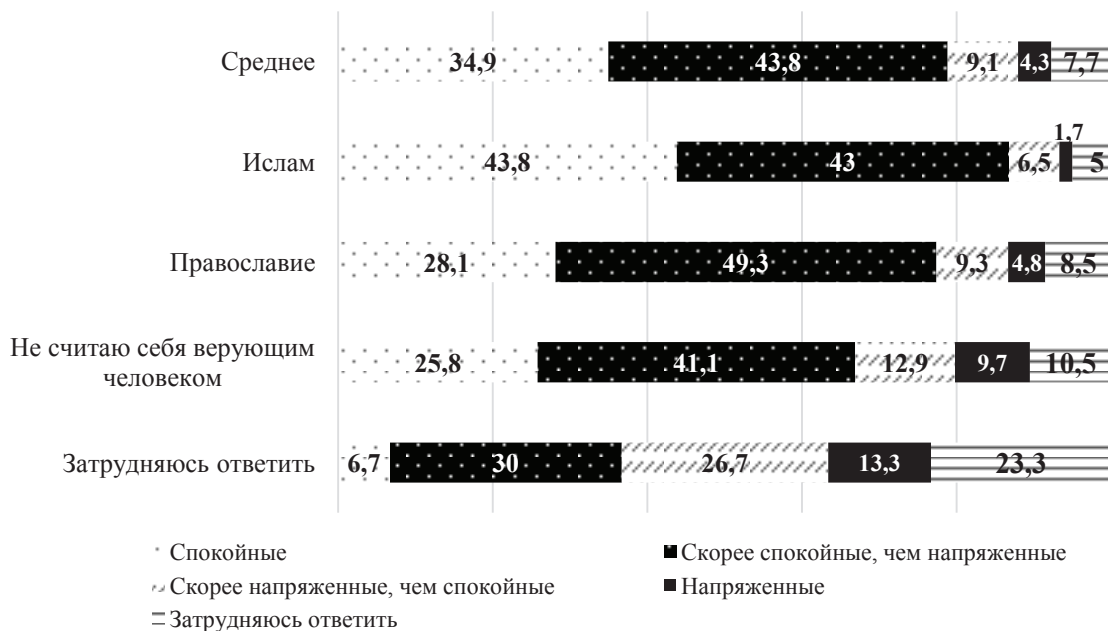

и 76,3% православных христиан. Также среди христиан больше респондентов (10,7%), считающих, что межконфессиональные отношения

доброжелательные. Среди христиан доля «позитивистов» несколько меньше – 28,1%.

Рисунок 3

Как Вы оцениваете состояние межнациональных отношений в Республике Башкортостан?
(% от респондентам, по вероисповеданию)

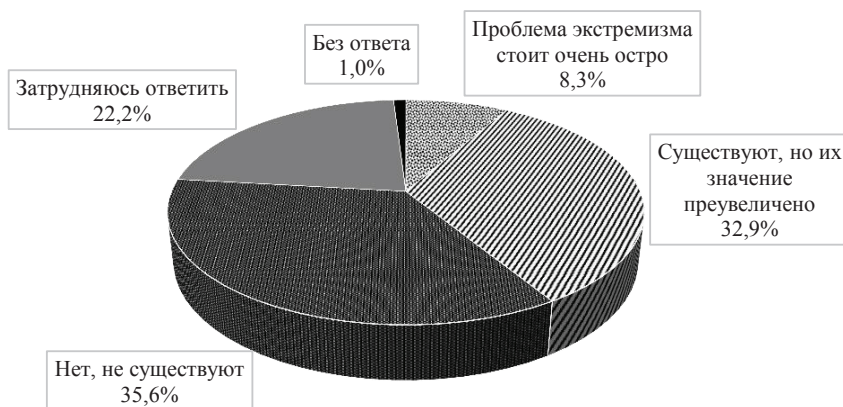

Обращает внимание, что среди представителей двух основных конфессий Башкортостана незначительно число алармистов, склонных негативно оценивать состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в республике.

Фиксируется связь между трудовой миграцией и угрозой экстремизма в представлениях респондентов. 63,3% участников исследования, считающих, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро, отрицательно оценили влияние трудовой миграции на состояние

Рисунок 4

Существуют ли, по Вашему мнению, реальные предпосылки для распространения экстремизма в Вашем городе?

Анализ данных исследований позволяет говорить об устойчивом характере доброжелательных отношений в республике. По мнению 35,6% респондентов предпосылки для распространения экстремизма отсутствуют, порядка 32,9% опрошенных отмечают их наличие, но считают, это маловероятно. Лишь 8,3% участников опроса считают, что проблема экстремизма в республике стоит очень остро.

межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан.

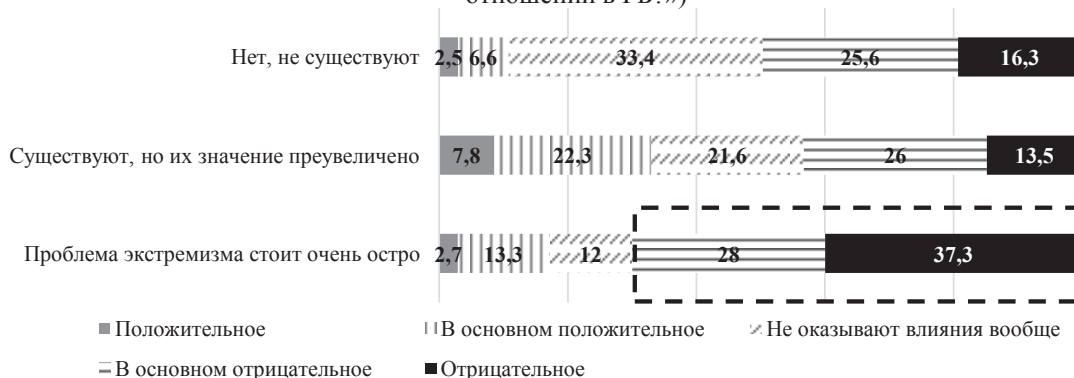
Таким образом, по мнению значительной части участников исследования, трудовая миграция представляет один из каналов распространения экстремизма в Республике Башкортостан.

Далее обозначим основные достижения реализации федерального плана мероприятий

Рисунок 5

Существуют ли, по Вашему мнению, реальные предпосылки для распространения экстремизма в Вашем городе?

(% от респондентов от «Как Вы считаете, какое влияние оказывает приток мигрантов на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в РБ?»)

по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы».

По результатам многолетней совместной работы можно с уверенностью сказать, что Российский исламский университет ЦДУМ России состоялся как полноценная образовательная организация, авторитетная в исламском мире, он возвращает себе имя крупного образовательного и культурного центра. Не вызывает сомнения влияние РИУ ЦДУМ России на общественное сознание евразийского региона.

Самым главным достижением проекта в Уфе стало появление когорты учёных-богословов, теологов и их объединение вокруг проекта в БГПУ им. М. Акмуллы. Сегодня в республике мы ставим задачу оформления при Университете Научно-исследовательского института. Кроме задач проекта эта структура будет решать широкий круг задач по проведению междисциплинарных исследований, связью с мировыми духовными центрами, работой со всем населением республики и пр. Научно-исследовательская и научно-образовательная деятельность в сфере отечественного исламского образования и богословия предполагает создание модели исламского образования с учетом потребности духовных управлений мусульман.

Нами ведется обучение педагогических работников духовных образовательных организаций высшего образования и среднего профессионального образования по основным образовательным программам. Также осуществляется повышение квалификации и профессиональная переподготовка религиозных деятелей, сотрудников духовных управлений мусульман, педагогических работников светских и духовных образовательных организаций, специалистов государственных и муниципальных органов власти по программам, связанным с развитием исламского образования и конфессиональных отношений.

Значимым достижением реализации проекта является разработка и поддержка нормативно-правового обеспечения образовательного процесса в духовных образовательных орга-

низациях, разработка и внедрение локальных нормативных правовых актов.

События последних лет показали необходимость работы со всем населением, в том числе нерелигиозным. Осуществляется работа с группами риска, идет процесс создания волонтерских школ и школ лидерства для студентов духовных образовательных организаций. Уже шестой год реализуется проект выездных лекторских групп по городам и районам Республики Башкортостан по профилактике религиозного экстремизма и радикализма.

Основопологающей в деятельности БГПУ им. М. Акмуллы по реализации проекта развития мусульманского образования стала работа с молодым поколением. Основной целью является системная реализация инновационных проектов по развитию молодежных инициатив и противодействию экстремистскому влиянию. Исследования по региону показывают, что все больше молодежи интересуются религией и идут в ислам. Поэтому совместно с Аппаратом Правительства республики и муфтиятами усилена работа с молодежью, в которой акцент делается на просвещение, образование, работу с неформальными лидерами. В республике ежегодно проводятся образовательные, спортивные и культурные мероприятия для мусульманской молодежи.

Аналогичная работа с 2016 г. организована с чиновниками муниципального и регионального уровня. Проведены курсы повышения квалификации председателей и секретарей комиссий по государственно-конфессиональным отношениям при главах муниципальных образований по 72-часовой программе дополнительного профессионального образования. Такие курсы, на наш взгляд, должны быть организованы не только в Республике Башкортостан, но и во всех регионах России.

Научно-исследовательским институтом духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы ведется активная работа по подготовке учебных пособий и хрестоматий для духовных и светских образовательных учреждений, для удовлетворения потребности в образовательной и просветительской литературе, начаты разработки пособий на языках народов республики. За период реализации проекта, подготовки специалистов

с углубленным знанием истории и культуры ислама было разработано более 160 УМК и 200 учебных пособий и хрестоматий. Разработанные учебные пособия передаются в медресе и РИУ ЦДУМ России, используются в учебном процессе.

Значительным эффектом реализации проекта в Уфе, стало то, что его признанный высокий уровень явился источником трансляции ценностей ислама, традиционного для народов России, на Евразийское пространство. Так, муфтий Республики Кыргызстан выступил с инициативой открытия в Бишкеке филиала РИУ ЦДУМ России. В ноябре 2017 г. БГПУ им. М. Акмуллы запланировано открытие Центра исламского образования на базе Кыргызского национального университета. Реализация данного проекта позволит осуществлять распространение идей и ценностей российского ислама, культуры и языка далеко за пределы России, снимет потенциальные риски и угрозы. В данном ключе, учитывая невысокое знание населением современного Кыргызстана русского языка, на базе БГПУ им. М. Акмуллы, как Университета ШОС, создан опорный центр по продвижению русского языка за рубежом. Принципиально важным, по нашему мнению, является трансляция ценностей ислама, традиционного для народов России на Дальний Восток и Евразийское пространство.

Важной составляющей по выполнению данной программы является работа со СМИ, она была сосредоточена не просто на акцентировании внимания журналистов на освещении религиозных праздников и обрядов, а на их обучении с помощью дискуссионных площадок, круглых столов, семинаров, мастер-классов грамотному бережному подходу к религиозной тематике. Также БГПУ им. М. Акмуллы активно развивает собственные информационные ресурсы, обеспечено функционирование информационно-образовательного портала, идет развитие образовательной деятельности по основным и дополнительным образовательным программам с применением дистанционных образовательных технологий.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы ведет большую работу по профилактике экстремизма: проводятся научные исследования, разра-

батываются учебные пособия, методические материалы, проводятся семинары, круглые столы и научно-практические конференции, совместно с Антитеррористической комиссией Республики Башкортостан проводится обучение педагогов по специальным образовательным программам. Семь лет совместно с Советом по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан действует выездной лекторий по профилактике религиозного экстремизма, работают информационные просветительские ресурсы, ориентированные на все население республики. Наш ВУЗ становится региональным центром по системной профилактике экстремизма.

Ежегодно проходят десятки конференций, круглых столов, семинаров. 19 октября этого года в Уфе пройдет уже X международная научно-практическая конференция «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века», которая соберет несколько сотен специалистов из десятков стран мира. Конкретные практические мероприятия оказываются тесно вплетенными в ткань социальной жизни, при этом резко повышается необходимость научной рефлексии динамичных социальных процессов. Особенность современной глобальной социокультурной ситуации заключается в том, что новая культура и стратегия консолидированного устойчивого развития и перманентной модернизации пробивают себе дорогу к жизни одновременно параллельными курсами. На этом пути возможны повороты и откаты назад, но курс развития неизменен. Он определяется потребностями объективно происходящих процессов в отношениях между человеком, обществом и природой¹. Как нам кажется, важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Принципиально важным в настоящее время, считает Т.А. Хагуров, «для любой социальной системы является «воспроизводство Смысла». Общество должно обеспечить своим членам достаточную смысловую нагрузку – некий «пантеон идеалов», организующий социально одобряемые цели

¹ Левашов В.К. Мировой экономический кризис и устойчивое развитие // Социологические исследования, № 11, 2011. С. 13.

и практики»¹. Только имея высшие идеальные цели можно сплотить общество, обеспечив ему не просто выживание, но и процветание и лидерство² в новом меняющемся мире.

В настоящее время целью Научно-исследовательского института духовной безопасности и развития религиозного образования является решение ключевых проблем в количественном и качественном выражении посредством создания республиканской ресурсной площадки по содействию развитию исламского образования и обеспечению духовной безопасности Республики Башкортостан. Решаются следующие основные задачи:

1. Синтез теоретических и практических наработок по духовно-нравственному благополучию, региональной идеологии и общероссийской идентичности.
2. Создание эффективного идеологического противодействия идеологии экстремизма.
3. Создание системы исламского образовательного пространства для отечественных богословов.
4. Сопровождение и контроль качества основных и дополнительных образовательных программ по исламскому образованию и просвещению.

Стратегическими эффектами создания и деятельности НИИ для Республики Башкортостан и Российской Федерации станут:

1. Рост качества исламского и исламоведческого образования в России (в т.ч. ПФО, Дальний Восток и др.);
2. Содействие институционализации системы отечественного исламского богословия, распространение идей традиционного ислама на зарубежные страны.

¹ Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения / Материалы четвертой ежегодной всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. Т. 1. С. 41.

² Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. – М.: Эксмо, 2011. 356 с.; Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 224 с.

3. Снижение уровня религиозного экстремизма, числа выехавших в места боевых действий, заслон идеологии терроризма в информационном пространстве.
4. Снижение конфликтности внутри мусульманской уммы.
5. Содействие появлению экспертов по этноконфессиональным отношениям, росту профессионального уровня государственных служащих, сотрудников общественных организаций, граждан.
6. Разработка четкой, понятной системы идеалов, норм, ценностей, целей и установок населения Башкортостана.
7. Снижение социально значимых заболеваний, отклонений, рост социальной активности населения.
8. Появление ресурсного центра по духовной безопасности Республики Башкортостан.

Республика Башкортостан как один из самых многонациональных и поликонфессиональных регионов характеризуется дружным и мирным сосуществованием всех религиозных и этнических групп. Во многом это заслуга и БГПУ им. М. Акмуллы, реализующего важный федеральный проект по развитию исламского образования.

УДК 378.1

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В РЕЛИГИОЗНОМ ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Калимуллин Ринат Хадимович

*Проректор по учебной работе РИУ ЦДУМ
России, канд. пед. наук, профессор*

Религиозное образование предусматривает преподавание богословских и светских дисциплин. Первоисточниками исламских знаний являются: Священный Коран – Откровение Всевышнего Аллаха, и хадисы Пророка Мухаммада, мир ему. Кроме этого используются дополнительные религиозные источники, связанные с исламским вероубеждением, исламским правом, духовно-нравственной составляющей ислама и др. Для светских гуманитарных дисциплин сложно определить, какие источники необходимо использовать в качестве первоисточников. Наука, связанная с рассмотрением источников познания относится к источниковедению.

Традиционно под источниковедением понимают «науку об исторических источниках»¹. В данной работе рассмотрены мировоззренческие и эпистемологические основания источниковедения, его теории и методы.

Автор выделяет три составляющие современного источниковедения: 1) научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания; 2) метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе; 3) инструмент исторического мира.

Как правило, источниковедению отводят роль прикладной исторической дисциплины, подчеркивая его связь с историческими исследованиями².

Учебное пособие, отвечающее новому статусу источниковедения в современной эпистемологической ситуации, характеризуемой уси-

лением полиметодологизма, стремлением к гуманитаризации исторического знания, усилением интеграционных процессов рассмотрено в работе³.

Современные науковеды рассматривают источниковедение и как науку об исторических источниках, и как общегуманитарную дисциплину, знание которой необходимо специалистам разных отраслей науки, всем тем, кто работает с первоисточниками⁴.

Источниковедение рассматривается также как целостная система произведения культуры, особый метод гуманитарного познания. Цель гуманитарного познания – приращение и систематизация знаний о человеке и обществе. Общими целями служат и методы источниковедения. Источниковедение – это наука об источниках, которые используют вспомогательные исторические дисциплины.

Соответственно, источниковедение имеет следующие задачи:

- во-первых, поиск и выявление новых источников;
- во-вторых, определение степени достоверности сведений документов;
- в-третьих, выработка методов извлечения из источников достоверной информации.

Таким образом, задачами курса источниковедения являются ознакомление с различными типами источников и рассмотрение основных принципов их анализа.

В учебном пособии⁵ системно представле-

¹ Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Теоретические проблемы: учебник для вузов – М.: Проспект, 2016. – 258 с.

² Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2010 – 461 с.

³ Кабанов В.В., Данилевский И.Н., Румянцева М.Ф., Медушевская О.М. Источниковедение: учебное пособие – М.: РГГУ, 2004 – 702 с.

⁴ Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Понятийно-терминологические и методические проблемы. Учебник для вузов. М.: Проспект, 2016 – 192 с., 248 с.

⁵ Данилевский И.Н., Казаков Р.Б., Добровольский Д.А. Источниковедение: учебное пособие – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015 – 688 с.

но источниковедение в качестве научной дисциплины и метода научного познания. В основе концепции учебного пособия – актуальный статус источниковедения как строгой науки, понимание исторического источника как объективированного результата деятельности человека – продукта культуры и трансформации объекта источниковедения от исторического источника через видовую систему корпуса исторических источников к эмпирической реальности исторического мира. Специальное внимание уделяется мировоззренческим и эпистемологическим основаниям источниковедения, его теории и методу. Принципиальная новизна учебного пособия состоит в том, что впервые четко разделены три составляющие современного источниковедения. В первом разделе источниковедение представлено как научная дисциплина и как системообразующее основание гуманитарного знания. Во втором разделе источниковедение позиционируется как метод получения нового строгого знания о человеке и обществе в их исторической перспективе. В третьем разделе источниковедение рассматривается как инструмент исторического исследования.

Разнообразие понятийно-терминологических и методических проблем источниковедения представлено в работе¹. Автор рассматривает следующие вопросы источниковедения: структура источниковедческого исследования; названия, цель и задачи его трех частей (эвристический, текстологический и герменевтический этапы); понятия «патернизация источника», «двойная» и «дублирующая датировка», «генеалогическое родство» и «генетические связи источников»; методика эвристической работы исследователя, установления авторства, хронологической и пространственной локализации источников, их подлинности и достоверности их информации. В век компьютерных технологий источниковедение также стало инновационным. Современный подход к источниковедению представлен в работе². Автор рассматривает широкий круг вопросов архивоведческого

и источниковедческого изучения технотронных документов. Их анализ осуществлен в актуальном – междисциплинарном и системном – ключе.

Освещаются современное состояние и перспективы исследования изобразительных, звуковых, аудиовизуальных и электронных документов, а также научно-технической и экономической документации. В центре внимания – вопросы хранения и использования данных групп информационных ресурсов. Кроме того, затронуты проблемы преподавания курсов, относящихся к архивоведению и источниковедению технотронных документов, в высших учебных заведениях, а также вопросы оптимизации форм профессиональной самореализации выпускников этих вузов в культурно-просветительских учреждениях (особенно в архивах) Российской Федерации.

На основе учебно-методологической базы и научно-педагогических традиций исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Боднарчук Д.В.³, Сиренов А.В.⁴ представляют современные учебные пособия из серии «Бакалавр. Академический курс». Широкий спектр представленных материалов предоставляет возможность молодым преподавателям создавать вариативные авторские курсы и спецкурсы.

Важная роль в вузовском образовании отводится роли методического сопровождения образовательного процесса⁵. Учебное пособие создано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом по направлению подготовки 030600 – История (квалификация «бакалавр»), имеет Гриф УМО по классическому университетскому образованию. Данное пособие даёт современное, цивилизационно-культурологическое изложение теоретико-методологических и методических основ источниковедения. Авторы показывают как необходимо сформировать у студентов

³ Боднарчук Д.В. Источниковедение. – М.: Юрайт, 2015 – 396 с.

⁴ Источниковедение: учебник для академического бакалавриата /А.В. Сиренов [и др.]; под ред. А.В. Сиренова. – М.: Юрайт, 2015. – 396 с.

⁵ Голиков А.Г., Круглова Т.А. Методика работы с историческими источниками. Учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. Гриф УМО по классич. университетскому образованию – М.: Academia, 2014 – 224 с.

¹ Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Понятийно-терминологические и методические проблемы. Учебник для вузов. М.: Проспект, 2016 – 192 с., 248.

² Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения. Под ред. Дьюковой Г.Н. – М.: РГГУ, 2011 г. – 307 с.

общие навыки методологического мышления, как привить им основные принципы цивилизационного подхода к источнику. Приводятся практические рекомендации по выработке у студентов основных навыков и приёмов источниковедческой социокультурной критики источников, показаны пути совершенствования навыков восприятия конкретных видов письменных источников. Теоретические проблемы источниковедения рассмотрены в работе Георгиевой Н.Г.¹ Учебник содержит обобщенную информацию о накопленном историками XVIII–XX вв. опыте решения теоретико-методологических и понятийно-терминологических проблем исторического источниковедения.

Медушевская О.М. в своей работе «Теория исторического познания»² считает, что слово «источник» многозначно. При почти буквальном совпадении значений слова объем понятия «источниковедение» имеет различное содержание. Известно, что любое понятие надо толковать системно, в контексте той научной школы, в которой оно создается и функционирует.

Практически распространённым по проблеме источниковедения является классификация источников, предложенная С.О. Шмидтом³:

1. Вещественные источники во всем их многообразии (от предметов археологии до современных машин и бытовых предметов). Это, кстати, позволяет учесть, что в результате деятельности человека изменялся и растительный и животный мир (флора и фауна). К данному типу можно отнести не только чучела животных, птиц и муляжи плодов, гербарии (выставленные в музеях), но и самих животных, птиц, растения и другие природно-географические источники исторического (искусственного) происхождения.

2. Изобразительные источники:

а) художественно-изобразительные (произведения изобразительного искусства, искусство кино и фотографии);

б) изобразительно-графические (источники, которые содержат информацию, переданную при помощи графических изображений);

в) изобразительно-натуральные (фотографии, документальные кинокадры).

3. Словесные источники:

а) разговор (и фонодокументы его фиксирующие);

б) памятники устного творчества (фольклор);

в) письменные памятники (включая эпиграфические) во всем многообразии их форм и видов.

4. Конвенциональные источники (от латинского *conventionalis* – условный). К настоящему времени имеется огромное количество их форм и видов – нотная запись, знаки математической и другой символики, информация, зафиксированная на машинных носителях и т.д. Можно предположить, что это один из наиболее недостаточно определенных типов источников.

5. Поведенческие источники. Сюда, во-первых, С.О. Шмидт относит визуально наблюдаемые обычаи и обряды (ритуалы) – коллективные и индивидуальные действия (трудовые, семейно-бытовые, праздничные, спортивные и т.д.) Обычаи и обряды изучаются этнографами. Однако термин «этнографические источники» (как справедливо отмечает С.О. Шмидт) нельзя признать удачным, ибо собственно этнографическими материалами, которые используются этнографами в своих исследованиях и даже в полевой практике являются и вещественные источники, и определенные письменные записи, и т. д.

6. Звуковые и аудиальные источники. Сюда С.О. Шмидт включает звуки в широком и узко музыкальном смысле («звуки», «звоны», «шумы»), записи голосов птиц, животных. Можно предполагать, что сюда же следует отнести и эмоции, выражаемые человеком, но не облеченные в словесную форму.

Для практического применения важная роль отводится письменным источникам⁴, подразделяемым на следующие виды: 1) летописи, 2) законодательные акты, 3) делопроизводственную документацию, 4) частные акты,

¹ Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Понятийно-терминологические и методические проблемы. Учебник для вузов. М.: Проспект, 2016 – 192 с.

² Медушевская О.М. Теория исторического познания. Избранные произведения – М.: Университетская книга, 2010 – 576 с.

³ Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. 16. – Л., 1985. – С. 3–24.

⁴ Сидоренко О.В. Источниковедение современной истории: учебное пособие – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2005 – 52 с.

5) статистические источники, 6) периодическую печать, 7) документы личного происхождения (мемуары, дневники, письма), 8) литературные памятники, 9) публицистику и политические сочинения, 10) научные труды.

Не отвергая исторический подход по проблеме источниковедения, мы учитываем позицию, характеризующую источниковедение как метод гуманитарного познания. Целью гуманитарного познания является приращение и систематизация знаний о человеке и обществе. В системе образования каждая учебная дисциплина ориентируется на свой набор источников. Данный подход успешно используется в условиях светского учебного заведения.

В религиозных учебных заведениях при преподавании светских дисциплин необходимо учитывать конфессиональную направленность учебного заведения. Реализовать эти условия удаётся не всем светским преподавателям, поэтому наиболее приемлемым подходом при преподавании светских дисциплин будет выбор интегративных источников. Например, основные требования, декларируемые Болонским соглашением, требования Закона об образовании в Российской Федерации, Федеральных государственных образовательных стандартов, профессионального стандарта педагога, Концепции подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама и др.

Учитывая специфику подготовки специалистов в религиозном учебном заведении, необходимо познакомить светских преподавателей с моделью образования, реализуемого в данном учебном заведении. Например, современное отечественное исламское образование реализует трёхуровневое образование (медресе, вуз, магистратура (центр повышения квалификации), учитывающее отсутствие начального общего, основного и среднего образования в условиях общеобразовательной школы и отсутствием на данный момент развития исламского образования кадров высшей квалификации – кандидатов, докторов теологических наук. Использование интегративных источников позволит минимизировать те содержательно-методические недочёты, которые проявляются при преподавании светских дисциплин.

В Законе об образовании в Российской Федерации считается, что высшее образование

имеет целью обеспечение подготовки высококвалифицированных кадров по всем основным направлениям общественно полезной деятельности в соответствии с потребностями общества и государства, удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, углублении и расширении образования, научно-педагогической квалификации. Данное определение не противоречит исламским представлениям. Однако светские преподаватели должны учитывать, что светские определения основаны на рациональном подходе.

Иррациональный подход учитывает конфессиональный характер познания. По этим вопросам за консультацией светским преподавателям рекомендуется обращаться к преподавателям, ведущим богословские дисциплины. Светским преподавателям рекомендуется при составлении программ учитывать религиозную основу подготовки специалистов, не включать вопросы, противоречащие положениям ислама, приводить примеры, давать задания на самостоятельную работу, учитывая профиль подготовки специалистов и др.

Таким образом, использование интегративных источников при преподавании гуманитарных светских дисциплин позволит преподавателям светских дисциплин решать задачу социализации, развития личности студентов, не искажая требований, предъявляемых законодательством РФ и локальных актов, носящих конфессиональный характер при подготовке теологов, служителей и религиозного персонала исламского вероисповедания.

Литература

1. Боднарчук Д.В. Источниковедение. – М.: Юрайт, 2015 – 396 с.
2. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Теоретические проблемы: учебник для вузов – М.: Проспект, 2016. – 258 с.
3. Георгиева Н.Г. Историческое источниковедение. Понятийно-Терминологические и методические проблемы. Учебник для вузов. М.: Проспект, 2016 – 192 с., 248.
4. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие

для студ. высш. учеб. заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2010 – 461 с.

5. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Методика работы с историческими источниками. Учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. Гриф УМО по классич. университетскому образованию – М.: Academia, 2014 – 224 с.

6. Данилевский И.Н., Казаков Р.Б., Добровольский Д.А. Источниковедение: учебное пособие – М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015 – 688 с.

7. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата /А.В. Сиренов [и др.]; под ред. А.В. Сиренова. – М.: Юрайт, 2015. – 396 с.

8. Кабанов В.В., Данилевский И.Н., Румянцев М.Ф., Медушевская О.М. Источниковеде-

ние: учебное пособие – М.: РГГУ, 2004 – 702 с.

9. Медушевская О.М. Теория исторического познания. Избранные произведения. – М.: Университетская книга, 2010 – 576 с.

10. Сидоренко О.В. Источниковедение современной истории: учебное пособие – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2005 – 52 с.

11. Технотронные документы – информационная база источниковедения и архивоведения. Под ред. Дьюковой Г.Н. – М.: РГГУ, 2011 г. – 307 с.

12. Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. – Вып. 16. – Л., 1985. – С. 3–24.

УДК 74:28 (470.57)

РАЗВИТИЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аминов Тахир Мажитович

*Профессор кафедры педагогики
БГПУ им. М. Акмуллы, доктор пед. наук*

Проблема просвещения, образования и воспитания мусульманских народов дореволюционной России сегодня стала все больше привлекать внимание исследователей. В этом отношении безусловный интерес представляет Башкортостан.

История ислама в целом и мусульманского образования в частности – удивительный пласт мировой культуры. Основным источником всей исламской идеологии является Коран, один из величайших памятников человеческой цивилизации. Коран, вобравший в себя проверенные жизнью постулаты, особое внимание уделил формированию целостного мировоззрения, развитию ума, росту интеллекта, образованности человека. Знание в идеологии ислама занимает центральное положение среди измерений духовной, интеллектуальной и общественной жизни. Так, исламское учение определило целых 7 ступеней развития ума (инстинкт, рабочий ум, эстетическое созерцание, научный подход, социальная практика, аналитический ум, познание истины), которые истинный мусульманин должен был пройти. Не случайно известный ученый средневекового Востока Аль-Газали (XI–XII в.) писал, что стремление к знанию – обязанность каждого правоверного мусульманина. Необходимо отметить характерную черту исламской образованности: она основывалась на принципе единства светского и религиозного знания. Отсюда и проистекал известный афоризм «Кто верует, тот знает, а кто знает, тот верует».

Развитие ума, интеллекта и образованности происходило в тесной связи, а точнее, в «лоне» нравственного формирования человека. В нравственном совершенствовании ислам предлагал наличие трех ступеней преобразования человека, соответствующих его трем состояниям: физическому, нравственному и духовному. Счита-

лось, что физическое (естественное) состояние, так же как и нравственное, в человеке заложено изначально. Более того, физические состояния не являются чем-то совершенно отличным от нравственных состояний. Только тогда поступок, совершенный под влиянием естественных потребностей, становится нравственным, когда он управляется разумом. Вторая ступень преобразования осуждает всякое зло, порок и невыдержанность. Самоосуждающая человеческая душа «противостоит подчинению человека его природным страстям и необузданному существованию по звериному образу. Она хочет, чтобы человек постоянно пребывал в добром расположении духа и был добродетельным, чтобы человеческая жизнь не являла никакой невыдержанности ни в одной области, и чтобы естественные страсти и эмоции регулировались доводами рассудка»¹. Третья ступень, называвшаяся «душа упокоившаяся» или «душа, обретшая мир», являлась самым высоким уровнем духовного состояния человека.

Трем состояниям человека ислам предлагает три ступени его преобразования. Первая состоит в том, чтобы неразумная дикость была обучена элементарным человеческим нормам. Второй ступенью преобразования человека является воспитание высоким нравственным качествам, которые способствуют, во-первых, избегать зла, во-вторых, творить добро. На этой ступени обращается внимание воспитанию таких качеств, как целомудрие, честность, порядочность, справедливость, удержание себя от причинения другим физического страдания, миролюбивый образ поведения, терпеливость, снисходительность, беспристрастность, доброжелательность, милосердность, мужество, стойкость, сочувствие к человечеству и др. Тре-

¹ Философия исламских учений. Хазрат Мирза Гулам Ахмад из Кадияна. – Исламабад, 1991. – 50 с.

тья ступень преобразования состоит в том, что человеку, уже воспитавшему в себе высокие нравственные качества, должен быть «привит вкус любви и причастия к Богу».

Как видно, в мусульманском вероучении широко освещались проблемы совершенствования всех сторон развития человека, а также указывались определенные пути её решения. Безусловно, обозначенные постулаты оказали непосредственное влияние на особенности мусульманского образования в России и Башкирии.

Система просвещения на территории Башкирии начала складываться задолго до возникновения русскоязычных частных и государственных школьных структур. Становление и развитие образования в крае тесно связано с мусульманской религией, распространявшейся болгарскими и среднеазиатскими миссионерами на рубеже первого и второго тысячелетий. Проникновение ислама в крае закономерно сопровождалось распространением религиозных образовательных учреждений, которые, наряду с вероисповедными, выполняли множество других функций, таких как: образовательные, воспитательные, культурологические.

Одной из нерешенных до сих пор проблем является вопрос о времени возникновения и распространения сети мусульманских учебных заведений в Башкортостане. Сохранившиеся письменные источники указывают на вторую половину XVII века. Ризаитдин Фахретдинов, как было сказано выше, за отправную точку берет начало XVI века, утверждая, что с этого времени в крае созрели условия для зарождения школ. Большинство современных ученых (М.Н. Фархшатов и др.) в целом соглашаются с данным утверждением Р. Фахретдинова. В связи с этим, а также в целях постановки проблемы, возникают определенные сомнения. Очевидно, что основным средством распространения любой религии являлась книжная грамотность, чтобы разобраться в азах и проникнуться религиозной философией необходимо было, как минимум, уметь читать. По свидетельствам средневековых очевидцев, например Юлиана, башкирские ханы уже в начале XIII в. были фанатично преданы исламу¹. Известный современный исследователь этнографии баш-

кир Р.Г. Кузеев пишет, что «распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось только в XIV–XV вв.»². По утверждению ряда исследователей (П.Ф. Ищериков, А.Н. Усманов), к середине XVI в. основная масса башкир-общинников исповедовала ислам. Следовательно, логично предположить, что относительно широкая часть населения к этому времени уже была приобщена к грамоте. А это было возможно лишь при наличии достаточной сети учебных заведений, которая, что очевидно, не может быть сформирована за короткий промежуток времени. Источники иллюстрируют, что первоначально местные жители получали образование за пределами Башкортостана, практика посылки способной молодежи в центры мусульманского образования была достаточно распространенной. Так, шежере (генеалогические летописи) упоминают о башкирах, обучавшихся в г. Булгаре и других местностях Булгарского ханства (IX–XIII вв.). Поздние взоры желающих приобщиться к образованности были обращены к странам Средней Азии и Ближнего Востока. Так, арабский географ Якут аль-Хамави описывал встречу в начале XIII в. с «большим числом» учащихся башкир в г. Алеппо (совр. Сирия). Известны также факты их обучения в учебных заведениях Египта, Ирана, Турции, Бухары, Дагестана, с середины XV в. – Казани³. Исходя из названных фактов, логично предположить, что начало возникновения мусульманских учебных заведений на территории Башкортостана было положено в XIII–XIV вв., а к XVI в. уже существовала устойчивая система названного образования в крае.

Итак, мусульманские учебные заведения, первоначально мектебы, затем и медресе имели цель религиозно-нравственного воспитания и просвещения детей и взрослых, а также подготовки духовных наставников (священнослужителей и учителей). В учебном курсе преобладали богословские дисциплины, кроме того, учащиеся получали сведения по математике, логике, астрономии, географии, истории, арабской литературе, гигиене. Языком обучения

² Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – 185 с.

³ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.

¹ Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. – Уфа, 1994.

в мектебах и младших группах медресе был тюрки – региональный литературно-письменный язык. Являясь языком образования и науки, тюрки для тюркских народов имел такое же значение, как для европейцев латинский, или фарси – для индоевропейских народов. В старших классах медресе преподавание велось на арабском и, частично, персидском языках. Школы находились в ведении мусульманского духовенства, они открывались при мечетях, нередко и на дому у мугаллима (учителя). Мулла (настоятель мусульманской мечети), кроме обязанностей священнослужителя, часто одновременно выполнял и функции преподавателя коранических школ. Попутно отметим, что вновь назначаемый на службу мулла традиционно давал обещание заниматься обучением детей прихожан. Наряду с этим необходимо обратить внимание на следующий, достаточно интересный, факт. Как известно, башкиры и татары Южного Урала исповедовали ислам умеренного суннитско-ханафитского толка, способствующий тому, что население не только не препятствовало, а напротив, лояльно относилось к образованию женщин. Так, в открываемых школах, если были условия, применялось совместное, до подросткового возраста, обучение мальчиков и девочек. Или, девочки чаще обучались на дому у женщины-учительницы, обычно супруги муллы (абыстай).

Вплоть до середины XIX в. мектебы и медресе не имели стройной единой системы: не было точно определенного содержания образования, единых требований, методов и форм обучения и даже одинаковых сроков обучения. Мугаллим работал по принципу: что знаю сам, тому и обучаю. Тем не менее, учащиеся мектеба получали определенное начальное мусульманское образование, достаточное, чтобы уметь считать, читать, писать арабской вязью, разбираться в текстах, знать азы исламской идеологии. Мусульманское население позитивно относилось к религиозным школам: они финансировались в целом за счет местных жителей, и в этом отношении, как отмечает М.Н. Фархшатов, они «являлись подлинно народными учебными заведениями башкир и татар»¹.

¹ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.

Итак, с одной стороны, коранические школы стали основным средством, способствовавшим распространению ислама на территории края, с другой – они стали основой внедрения в сознание населения мысли о необходимости и ценности образования. Как отмечали современники (Рычков, Паллас и др.), стремление мусульман получать образование было относительно высоким, и к концу XVIII в. в сознании башкир и татар был сформирован нравственный принцип, по которому родители были обязаны обучать своих детей. Это соответствовало мусульманской идеологии в целом. Так, в Коране содержатся многократные призывы к учению, которое должно сопровождать всю жизнь человека.

Конечно, количество мусульманских школ и учителей вплоть до XX в. было недостаточным. Сравним их с государственными русскоязычными школами, возникшими на территории Башкирии в эпоху Петра I, т.е. лет на 300 позже, чем мусульманские образовательные учреждения. В целом, сложно сказать, каково было количество мектебов и медресе: точной статистики не существовало, но даже по самым осторожным подсчетам в Башкирии к середине XIX в. официально зафиксированных было около 600, а в отчете Уфимского губернатора за 1865 г. речь шла о 814 школах. Как отмечал в начале XX в. краевед М.В. Лоссиевский: «Мектебы и медресе рассеяны повсюду, где есть башкирское и татарское население, редкая деревня не имеет своей мечети, а где мечеть, значит – там есть мулла, там мектеб и медресе»². Однако, если так, то коранических школ было намного больше, чем по официальным данным, так как известно, что в 1860 г. мечетей в крае было 1850³. Кроме того, среди башкир и татар значительное развитие получило домашнее обучение, особенно много очагов названного образования было для девочек. Так, в 70-е гг. XIX в. отдельные представители местной администрации считали, что в крае существуют «тысячи женских магометанских школ». Современные исследования указывают на то, что

² Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. – Уфа, 1903. – 197 с.

³ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.

соотношение домашних пунктов обучения (мужских и женских) и оформленных школ было 1 к 1,4. Следовательно, если отдельный домашний пункт обучения условно принять за школьную единицу, то количество мусульманских школ от официально зафиксированных должно быть увеличено еще на 80%. Для сравнения: в 1865 г. русскоязычных школ в губернии насчитывалось чуть более 170.

Медресе на территории края, преимущественно в сельской местности, стали оформляться с XVII века. Это были учебные заведения, дающие более высокое (повышенное) образование. Одним из первых известных подобных учебных заведений становится медресе в с. Стерлибаш Уфимской провинции (совр. Стерлибашевский район Республики Башкортостан), открытое около 1720 года. Надо отметить то, что в Стерлибашево формируется целая группа медресе, число которых доходило до 40. Скорее всего, все медресе были объединены в организационном и образовательном отношении в единое целое, так как, по утверждениям большинства исследователей, в с. Стерлибашево была сформирована достаточно стройная система подготовки будущих мусульманских деятелей.

Как писал Р. Фахретдинов, при мударриесе Нигматулле бин Биктимер бин Тукай аль-Стерли (1772–1844) медресе в Стерлибашево становится высшим учебным заведением. Интересны следующие факты, в 1860–1870 годах во всех медресе этого села обучалось около 600 шакирдов, а в конце XIX века свыше 1000. Это при том, что по переписи 1897 года в селе проживало всего 2124 человека¹.

Кроме местных шакирдов в Стерлибашево съезжались учиться представители из казахских и киргизских степей, Оренбурга, Самары, Нижнего Новгорода, Мензелинска и других российских сел и деревень. В медресе были созданы хорошие условия для учебы и воспитания детей, здесь учитывалась национальность и другие особенности шакирдов. Существовали отдельные медресе для башкир, татар, казахов, киргизов. Здания медресе строили в самых красивых местах села, у подножия горы. К ним была проведена по деревянным трубам

вода, территория облагораживалась плодовыми деревьями и кустарниками.

Из выпускников медресе вышло много известных духовных деятелей своего времени – имамов, хатибов, настоятелей медресе, ишанов, ахунов, муфтиев, большое число преподавателей, писателей-просветителей, политиков и ученых. Это первый муфтий Духовного собрания Мухаметзян Хусаинов, ученый-просветитель, полиглот Габдулла Давлетшин, башкирские поэты Ибатулла Салихов, Шамсетдин Заки, Мифтахетдин Акмулла, Хуснутдин Жданов, Гали Чокрый, Тухват Янаби, М.-Ш. Тукаев, татарские поэты Габдерахим Усманов, Гали Рафики, видный политический деятель Мирсаит Султангалиев, автор многих рукописных книг Гали Хальфа Чалатаев. Одними из последних шакирдов были дети Гали Хальфы Габдерахим и Габдрахман, первый из них впоследствии получил высшее образование в Бухаре и стал указным муллой в селе, второй продолжил обучение в университете Стамбула в Турции.

Как пишет Галеев В.Л., при медресе работала богатая библиотека, в которой было много рукописных книг, привезенных из Бухары и Мекки. Часть из них сохранилась и находится в филиале Академии наук РФ в городе Уфе.

Уже при Советской власти в инструкциях по обмену документов говорилось о том, что выпускники медресе села Стерлибашево приравнивались к выпускникам средних специальных учебных заведений.

В городах первые медресе были открыты только в дореформенные и последующие десятилетия (Стерлитамак, Уфа, Оренбург, Троицк). В 1906 г. в г. Уфе их стало пять: «Гусмания», «Хакимия», «Галия», а также по одному при 2-й и 3-й соборных мечетях.

Основная цель медресе определялась следующим образом: «подготовить муэдзинов, имамов, хатыпов, факыйхов, галимов, мугалимов, мударрисов, казиев и муфтиев, которые были бы вполне знакомы как с требованиями времени, так и с науками веры и жизни, чтобы иметь возможность указать к оним пути и другим»². Медресе должно было заниматься подготовкой духовных наставников, настояте-

¹ Галеев В.Л. История народного образования села Стерлибашево. – Уфа, 2009.

² Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.

лей мечети, профессионально разбирающихся в законах шарията, ученых, а также преподавателей и учителей мусульманских учебных заведений.

В становлении содержания духовного общего и профессионального образования в медресе необходимо выделить два основных периода: 1) до 90-х гг. XIX в., 2) до 20-х гг. XX в.

Программы медресе в первый период носили преимущественно религиозный характер. Основу содержания всего образования составляло богословие, в круг предметов которого входили: этимология и синтаксис арабского языка, логика, философия, догматика и мусульманское право. Общеобразовательных предметов было немного, причем они носили вспомогательный характер и должны были служить для лучшего понимания и усвоения вероучения.

Такое положение не могло удовлетворить потребности мусульманского общества. Поэтому прогрессивно настроенные мударрисы и мугаллимы (преподаватели медресе) уже в середине XIX в. начали самостоятельные поиски путей обновления и реформирования медресе. Для таких учителей было характерно стремление расширить традиционную учебную программу, освоить и ввести новые педагогические методы и приемы. Большую роль в обновлении медресе играли также шакирды (учащиеся медресе), стремившиеся к действительному просвещению. Наличие богатых библиотек при медресе способствовало их широкому самообразованию.

Деятельность передовых учителей, самостоятельная работа шакирдов способствовали изменению программ обучения. Программы стали охватывать более широкий круг научных дисциплин, они были нацелены на то, чтобы дать учащимся более глубокие и разносторонние знания, не ограниченные одной лишь сферой исламского богословия и арабистики. Наиболее передовые, реорганизованные на новых началах, медресе обеспечивали своим воспитанникам сравнительно высокий уровень подготовки. Неслучайно ученый-востоковед В.В. Радлов в 1872 году писал, что у выпускников медресе умственное развитие «довольно значительно и, несмотря на всю односторонность их знаний, шакирд стоит умственно гораздо выше наших учителей приходских

городских школ»¹. Характеризуя эти школы, А.Н. Ильминский писал, что «Некоторые медресе, где существуют изстари установленные программы и преподаются кроме религиозных и светские науки, можно назвать средними учебными заведениями». По уровню образования медресе он ставил «не ниже» гимназий МНП². Но таких очагов просвещения, равных средним, а иногда и высшим учебным заведениям, было все же мало.

С начала 1890-х годов медресе Башкирии в целом вступили в новый этап своего развития. Под влиянием изменения экономического строя, образа жизни и хозяйственной деятельности башкирского и татарского народов, распространения в массах просветительской джадидской идеологии, одним из основоположников которой был Исмаил Гаспринский, они стали преобразовываться на новых прогрессивных началах. Вопросы образования в это время приобретают чрезвычайную остроту и значение: лозунг светской национальной школы становится основным.

«Гусмания» становится первым учебным заведением, которое реорганизует педагогический процесс на новых принципах. Реформа началась с замены буквослагательного метода обучения грамоте (так называемая «иджика») звуковым методом. С введением нового звукового метода стала реформироваться и программа обучения. Так, более целенаправленным становится изучение родного и русского языков, математики, естествознания, истории и других светских дисциплин; языком обучения постепенно становится татарский язык, что было одним из важных прогрессивных моментов развития национальных школ.

Наряду с изменением методов обучения и обновлением программ стала реформироваться вся организация учебного процесса. Так, был установлен твердый учебный план и осуществлен переход к классно-урочной системе, введены расписание занятий, переходные и выпускные экзамены, практика выдачи аттестатов после окончания медресе, появляется школьная мебель (парты, классная доска, кафедра и т.п.),

¹ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.

² Там же.

образуются географические, физические и другие кабинеты, используются карты, схемы, таблицы, картины. Реформированные мусульманские учебные заведения стали называться новометодными. В конце XIX и, особенно, в начале XX в. их количество интенсивно растет. К крупным медресе этого периода необходимо отнести: медресе в дд. Стерлибаш (ныне Стерлибашевский р-н РБ), Куганакбаш, Балыклыкуль (ныне Стерлитамакский р-н РБ), Каргалы (ныне Оренбургская обл.), «Гусмания», «Султания», «Галия» (г. Уфа), «Расулия» (г. Троицк), «Хусаиния» (г. Оренбург) и множество других.

Знаменательным событием в культурной жизни края стало открытие 15 ноября 1906 года новометодного медресе «Галия» – учебного заведения, ставшего известным центром образования всего мусульманского мира России. Это медресе приравнивалось к высшим учебным заведениям. Так один из местных руководителей учебной администрации А. Любимов после ознакомления со многими мектебами и медресе пишет, что «Галия» является высшим учебным заведением¹. О статусе этого медресе свидетельствует, на наш взгляд, даже название, которое с арабского переводится как «высший». Характеризуя далее медресе, Любимов в частности пишет, что оно «имеет собственное здание обширное и благоустроенное. При нем находится общежитие, т.к. большинство учащихся – приезжие. Классные комнаты имеют действительно характер «классов», обычного типа парты, для учителя – кафедра, классная доска, по стенам – карты, картины. В одном из классов помещается физический кабинет, оборудованный приборами по физике и химии². Судя по содержанию образования и другим атрибутам педагогического процесса (формы, методы, материальная обеспеченность, уровень квалификации преподавателей), названное медресе можно приравнивать к учебному заведению, формирующему одновременно высшее богословское, а также среднее общеобразовательное и профессионально-педагогическое образование.

¹ Любимов А. Мактабы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда. Оттиск из «Вестника Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1914. – 10 с.

² Там же.

О целях «Галии» говорилось, что «медресе представляет собой духовно-учебное заведение, которое умеет готовить для будущего развития духовных учителей религии»³. Медресе имело три подготовительных и три основных класса с годичным курсом обучения в каждом. Принимались в подготовительные классы юноши, окончившие курс в обычном медресе и успешно сдавшие вступительные экзамены. По сути, выпускник «Галии», был тем, кто посвящал образованию как минимум 12–15 лет.

Программу этого и других медресе можно разделить на три раздела: 1) цикл богословских предметов; 2) цикл общеобразовательных предметов; 3) педагогический цикл. Надо отметить, что это деление условно, так как все три раздела были тесно взаимосвязаны. В первую группу входили основы ислама, таджвид (правила орфоэпии для чтения Корана), тафсир (комментарии и разъяснения к Корану), тарих ислам (история ислама), тарих энбия (история пророков), хадис, фикх, гильми халь, белягать арабия (арабское красноречие), фараиз (правила деления наследства), мусульманское право (шариат), калям (догматическое богословие) и др.

В общеобразовательную программу медресе входил круг различных дисциплин. Так, в программу по математике входили: арифметика, алгебра, теоретические сведения из высшей математики. В курсе геометрии изучались геометрия, планиметрия и стереометрия. Курс истории включал изучение тюркской истории и истории Российской империи, а также всеобщей истории с древнейших времен до современности. В курсе географии входили общая география, география России, Европы, Азии, а также сведения из экономической географии. Естественное включало в себя зоологию и ботанику. Довольно глубоко изучалась физика, которая включала разделы механики, электричества, теории света и др. Большое место в курсе медресе занимал татарский язык, уроки которого проходили почти ежедневно. Глубокому усвоению языка способствовало то, что общеобразовательные и специальные предметы также преподавались на татарском языке. Также арабский язык и литература изучались

³ Там же.

настолько основательно, что окончившие медресе должны были читать книги и газеты, а также осознанно говорить. Русский язык изучался в объеме курса начальной школы Министерства народного просвещения. Причем при изучении этого языка были поставлены практические цели – научить объясняться, а также читать и писать по-русски. Слабее было поставлено изучение химии и законоведения, которые изучались в течение одного года. Тем не менее, программа медресе, за исключением европейских иностранных языков и черчения, намного превышала по своему объему программу министерских мужских гимназий. В медресе шире и глубже изучались алгебра, геометрия, история, физика, география, арабский язык.

Специальный педагогический раздел включал гигиену, логику и педагогику. Педагогика изучалась во всех основных классах и включала теорию воспитания, дидактику, сведения по методике преподавания в мектебах и медресе, школоведение (сведения об особенностях организации мусульманских учебных заведений), а также основные положения психологии.

Практическая педагогическая деятельность шакирдов начиналась уже в стенах медресе, т.к. мударрисы, для более эффективного обучения, назначали себе помощников – хальф. Институт хальф был своеобразной педагогической практикой, кроме того, снимал проблему нехватки учителей. Хальфы, назначавшиеся из старшекласников, вели не только воспитательную работу, но и помогали осваивать науку младшим шакирдам.

Необходимо обратить внимание, что эта своеобразная система взаимного обучения в мусульманских учебных заведениях была изобретена задолго до рождения известных положений Белла и Ланкастера, с именами которых связывают идею взаимного обучения. Факт, отмечавшийся авторами «Очерков истории школы и педагогической мысли народов СССР», но до сих пор не занявший подобающего места в иерархии общественных достижений. Даже в «Российской педагогической энциклопедии» в статье «взаимное обучение»¹ акцент сделан на белл-ланкастерской системе и ничего не

говорится об этой практике в мусульманских учебных заведениях.

К педагогической практике шакирдов относилось и то, что они проводили занятия в мектебах и даже в других медресе. К этому надо добавить, что многие шакирды во время летних каникул зарабатывали на жизнь путем обучения детей. Конечно, педагогическая деятельность в медресе не была специально организованным процессом, как это было, например, в учительских институтах и семинариях. Тем не менее практическая педагогическая деятельность шакирдов мало в чем уступала подобной деятельности воспитанников государственных учебных заведений.

Определенной оценки требуют и применяемые в медресе педагогические приемы. Большинство из них носили рациональный характер. От шакирдов требовалось сознательное освоение урока, они могли не соглашаться с мнением учителя. Распространенной формой урока был диспут, вырабатывавший у шакирдов умение логически мыслить, аргументированно излагать свои взгляды. Так, размышляя о медресе «Галия» С.Г. Синенко пишет, что в нем «царил дух демократизма. В библиотеке учащиеся получали доступ не только к религиозной литературе, но и к светским книгам, научным трудам. Медресе выписывало газеты и журналы на русском, татарском, арабском и турецком языках. Также... издавались рукописные журналы на татарском, казахском, узбекском языках»². Наряду с рациональными методами в мусульманских и других религиозных учебных заведениях использовалось множество иррациональных методов и приемов: молитва, пост, день поминования и другие обряды. Применение и тех и других методов носит закономерный характер, так как соответствуют природе человека.

Об организации и уровне учебного процесса в медресе можно судить и по образовательному цензу его преподавателей. Например, в 1914 г. из шести преподавателей «Галии» трое окончили медресе (один – «Усмания», двое – «Галия»), по одному – выпускники Московского университета и Казанского учительского института. Бессменный ректор медресе Зия Камали по-

¹ Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. – М.: Изд-во «Большая рос. энциклопедия», 1993. – Т.1. – 608 с.

² Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008.

лучив образование в «Гусмание», далее учится в Турции и, наконец, заканчивает знаменитый университет Аль-Азхар в Каире. За годы своей деятельности (1906–1920 гг.) медресе окончило полторы тысячи человек, из них только 35 или 37 выпускников стали священнослужителями, остальные становятся учителями, учеными, литераторами или деятелями искусства.

В конце XIX – начале XX в. был широко поднят вопрос об образовании женщин-мусульманок. Практиковавшееся до сих пор обучение девочек на дому и в старометодных мектебах уже не удовлетворяло население. Поэтому в это время стало открываться множество женских новометодных мектебов и даже медресе.

В 1907 г. в г. Уфе возникает мусульманское благотворительное «дамское общество», членами которого были жены национальной буржуазии, купцов и духовенства. В задачи общества входило содействие образованию татарок и башкирок, проживающих в Уфимской губернии. С этой целью общество за счет благотворительных средств начинает организовывать школы, в 1916 г. только в Уфе их стало уже пять, в них насчитывалось 440 учениц и 14 учительниц. Одна из названных школ приобрела характер педагогического учебного заведения. В этой школе, был восьмилетний курс обучения, где наряду с мусульманскими религиозными и общеобразовательными предметами преподавались педагогика и методика отдельных предметов. Кроме теории педагогики, ученицы проходили и педагогическую практику в младших классах той же школы. Окончившие школу направлялись в качестве учительниц в мектебе или медресе, и «они считались наиболее подготовленными учительницами в уезде»¹.

Проблема педагогических кадров стала одной из основных при решении вопроса образования мусульман, которая стала широко обсуждаться на страницах газет и журналов. Так, в статье «Дарлмугаллимат» говорилось, что: «Развитие всякой нации зависит от воспитания женщины. Однако, несмотря на миллионное мусульманское женское население в России, до

сих пор нет ни одного более или менее правильно организованного женского мектеба... Нет ни одной учительницы, имеющей педагогическое образование». Далее автор сожалеет о том, что содержание образования женских школ не соответствует требованиям времени: «Когда же девушки будут изучать родной язык и литературу? Кроме уроков религии необходимо изучать историю, географию, математику, гигиену, рукоделие и вопросы домашнего хозяйства. В настоящее время первая наша задача – подготовить учительниц, а для этого открыть «Дарлмугаллимат (женскую учительскую школу)»².

В 1911 г. вопрос об открытии учительских школ был поднят на съезде мусульман, созванном в г. Уфе по случаю юбилея Оренбургского муфтия Султанова. На съезде было принято предложение об открытии учительских учебных заведений: мужского и женского, присвоив им названия «Дарлмугаллимат-Султанье» и «Дарлмугаллимат-Султанье». На съезде был организован особый комитет по выработке устава будущих школ, в котором цель была определена как «подготовка учителей и учительниц, исключительно мужских и женских мектебов и медресе, находящихся в ведении мусульманского духовенства»³. Решение съезда было поддержано Уфимской Губернской земской управой, которая несколько раз возбуждала ходатайство, но они были отклонены МНП. Поэтому, чтобы как-то изменить ситуацию, во многих городах (Уфа, Бирск, Белебей, Оренбург и др.) стали создаваться стационарные одно- и двухгодичные, а также краткосрочные 2-4-месячные мужские и женские педагогические курсы. Программа курсов кроме мусульманского вероучения включала цикл педагогических (педагогика, методика преподавания, гигиена) и общеобразовательных дисциплин. Кроме теоретического усвоения названных предметов слушатели решали множество практических задач учебного процесса: составляли расписание, разбирали педагогические ситуации, проводили пробные

¹ Мамлеева Т.М. Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии (историко-педагогические очерки). Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1952–1953. – 306 с.

² Мамлеева Т.М. Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии (историко-педагогические очерки). Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1952–1953. – 306 с.

³ Объяснительная записка к уставам Уфимского Дарлмугаллиматина «Султанье» и Уфимского Дарлмугаллиматина «Султанье». – Б.м., Б.г. – 14 с.

и квалификационные уроки. С 1898 г. стали действовать курсы в Каргалах (Белебеевский уезд), число слушателей которых росло с каждым годом: в 1899 г. их было 60, в 1900 г. – 70, в следующем – 78¹. По окончании курсов успешно сдавшие экзамены получали свидетельства учителей мектеба. Так, например, из 84 слушательниц уфимских курсов 1915 г. 55 получили эти свидетельства. Количество курсов с начала XX в. стало постепенно расти. Хотя они не могли решить проблему педагогических кадров, тем не менее, в определенной степени снижали её остроту.

В 1916 г. в г. Уфе, наконец, была открыта женская учительская школа «Дарлмугаллимат». Цель этой школы определялась следующим образом: «воспитать и дать образование девушкам... подготовить из них учительниц начальных женских мектебов»². Срок обучения в школе был определен 5-летний, по одному году в каждом из пяти классов. Классы делились на подготовительный, три основных и педагогический. Принимались в «Дарлмугаллимат» девочки не моложе 13 лет, имеющие знания в объеме курса мектеба, после сдачи вступительных экзаменов: по вероучению, арифметике, арабского и русского языков. В 1916 г. в школу было принято 62 воспитанницы, а в 1917–1918 гг. их было уже 179; часть учениц жила в организованном при школе пансионе. В четырех первых классах изучались основы мусульманского вероучения и общеобразовательные дисциплины (арабский язык, татарский язык и татарская литература, математика, физика, химия, естествознание, география, история, черчение, рисование, пение, музыка, рукоделие). В пятом, педагогическом классе изучались основы педагогики, психологии, гигиены и методика обучения всех предметов начальной школы. Параллельно с теоретическим освоением этих предметов воспитанницы проходили годичную педагогическую практику в мектебах. Организация и принципы учебного процесса «Дарлмугаллимат» были во многом схожи с восьмью

педагогическими классами женских гимназий МНП. Курс обучения, если учесть, что в «Дарлмугаллимат» принимались девушки, имевшие знания как минимум трехлетнего мектеба, был такой же, как и в гимназии. Принципы и методы организации педагогической практики в «Дарлмугаллимат» во многом совпадали с принципами и методами организации педагогической практики в гимназии. Все это дает основание приравнять «Дарлмугаллимат» к женским гимназиям.

Уфимская женская учительская школа до Октябрьских событий 1917 г. не могла иметь большого значения в деле подготовки учительниц, так как ее первый выпуск состоялся лишь в 1921 г. К этому времени школа была уже реорганизована в Уфимские женские педагогические курсы.

Размышляя о значении мусульманских учебных заведений, следует обратить внимание на уровень образования народов дореволюционной Башкирии. Для наглядности приведем таблицу грамотности населения Уфимской губернии³ по результатам Первой всеобщей переписи 1897 года (см. таблицу 1).

Цифры красноречиво указывают на то, что башкиры и татары (обоих полов) по уровню грамотности занимали первое место. Грамотностью они овладевали, «в махаллинских школах»⁴. Небольшое количество мусульман, умеющих читать и писать по-русски, являются этому подтверждением. Мужское мусульманское население опережало другие нерусские народы и ненамного уступало русскому. Женщины-мусульманки были в несколько раз грамотнее женщин других этнических групп. В целом, сведения иллюстрируют о «сравнительно широкой распространенности грамоты»⁵ среди мусульманских народов, что ещё раз доказывает несостоятельность идеи о низком уровне образования этих народов, культивировавшаяся в советской историографии.

¹ Устав трехгодичных педагогических курсов Уфимского губернского земства [Текст]. – Уфа, 1916. – 4 с.

² Мамлеева Т.М. Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии (историко-педагогические очерки). Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1952–1953. – 306 с.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XIV. Уфимская губерния. Тетрадь 1. – СПб., 1901. – 186 с.

⁴ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.

⁵ Там же.

Таблица 1

Уровень грамотности населения Башкирии к 1897 году

Народ	Умели читать и писать (%)			В том числе по-русски		
	мужчин	женщин	обоих полов	мужчин	женщин	обоих полов
Русские	24,8	8,1	16,2	24,7	8,1	16,1
Башкиры	21,5	15,5	18,5	1,1	0,2	0,6
Татары	21,3	16,7	19,1	4,5	0,8	2,7
Мордва	14,2	2,7	8,3	14,0	2,6	8,1
Чуваши	10,7	0,7	5,7	10,6	0,7	5,6
Марийцы	6,5	0,3	3,3	6,2	0,3	3,2
Удмурты	3,6	0,2	1,9	3,4	0,2	1,8

Таким образом, мусульманские учебные заведения всегда, от начала формирования, вплоть до середины 1920-х гг., играли значительную роль в культурном формировании народов Башкирии. Конец XIX – начало XX в. был отмечен достаточно заметными позитивными сдвигами мусульманского образования. С этого времени профессиональных богословов, ученых, светских учителей стали готовить новометодные мусульманские учебные заведения: «Галия», «Гусмания», «Хакимия», Стерлибашевское и Стерлитамакское медресе, «Дарлмугаллимат», учительская школа, организованная «дамским» обществом, педагогические курсы и др. По содержанию образования, по организации в целом педагогического процесса «Галия» и другие медресе были передовыми научно-просветительскими учреждениями, которых можно приравнять к лучшим общеобразовательным и профессиональным учебным заведениям дореволюционной России. По сути, новометодные мектебы и медресе становятся светскими национальными учебными заведениями башкир, татар и других мусульманских народов края. Кроме широкого светского общеобразовательного цикла, медресе формировали достаточно хорошую систему профессиональных знаний, умений, навыков, опыта как в области мусульманского богословия, так и в области педагогической деятельности. Благодаря мусульманским учебным заведениям была сформирована национальная интеллигенция края: государственные и общественные деятели, духовные наставники, профессиональные светские и религиозные педагоги (М. Акмулла, Ш.М. Бабич, Л. Байгурин, Д. Валидов, Джантурины, М. Гафури, Г.Г. Ибраги-

мов, А. Камалетдинов, Ф. Карими, З. Камали, С. Кудаш, З. Расулев, Х. Сыртланов, М. Уметбаев, Х. Усманов, Г. Хусаинов, Р. Фахретдинов и мн. др.). Воспитанные на лучших традициях восточной и европейской, прежде всего российской педагогической мысли, выпускники мектебов и медресе внесли заметный вклад в развитие национальных культур народов Башкортостана.

Литература

1. Галеев В.Л. История народного образования села Стерлибашево. – Уфа, 2009.
2. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978. – 185 с.
3. Лоссиевский М.В. Кое-что о Башкирии и башкирах. – Уфа, 1903. – 197 с.
4. Любимов А. Мактабы и медресе г. Уфы и 1-го района Уфимского уезда. Оттиск из «Вестника Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1914. – 10 с.
5. Магсумов Т.А. Образовательные экскурсии в средней профессиональной школе дореволюционной России // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2013. – № 1. – С. 52–60.
6. Магсумов Т.А. Педагогические советы средних учебных заведений России на рубеже XIX–XX века // В мире научных открытий. – 2010. – № 1–3. – С. 31–36.
7. Магсумов Т.А. Средняя профессиональная школа Казани в конце XIX – начале XX века. – СПб.: Инфо-да, 2010. – 302 с.
8. Мамлеева Т.М. Женское образование (башкирок и татарок) в дореволюционной Башкирии (историко-педагогические очерки). Дисс. ... канд. пед. наук. – М., 1952–1953. – 306 с.

9. Объяснительная записка к уставам Уфимского Дарульмугаллимина «Султаніе» и Уфимского Дарульмугаллимата «Султаніе». – Б.м., Б.г. – 14 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XIV. Уфимская губерния. Тетрадь 1. – СПб., 1901. – 186 с.
11. Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. – М.: Изд-во «Большая рос. энциклопедия», 1993. – Т.1. – 608 с.
12. Синенко С.Г. Следы во времени: Очерки о знаменитых уфимцах – деятелях культуры, искусства и науки. – Уфа: Изд-во «Башкортостан», 2004. – 216 с.
13. Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008.
14. Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в Башкортостане в первое десятилетие XX века. – Уфа, 2000.
15. Тузбекова Л.С. Медресе «Галия» – высшее мусульманское учебное заведение Башкортостана (1906–1919 гг.). – Уфа, 2007. – 146 с.
16. Устав трехгодичных педагогических курсов Уфимского губернского земства [Текст]. – Уфа, 1916. – 4 с.
17. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90 годы XIX века. – М.: Наука, 1994. – 145 с.
18. Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. – Уфа, 1994.
19. Юнусова, А.Б. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX–XXI вв. – Уфа, 2009.
20. Философия исламских учений. Хазрат Мирза Гулам Ахмад из Кадияна. – Исламабад, 1991. – 50 с.
21. Пятков В.П. Государственно-конфессиональное сотрудничество в профилактике радикализма и экстремизма в Республике Башкортостан / Общественная безопасность: новые идеи и вызовы времени: Мат-лы межрег. науч.-практ. конф. – Уфа, 2016. – С. 14–19.

УДК 378:28

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП В ОПТИКЕ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Муталлимова Светлана Анваровна,

Соискатель кафедры философии и истории науки

Башкирского государственного университета

Доминантный тренд начала третьего тысячелетия, касающийся активного движения народонаселения во всем мире, – это крупномасштабная «метизация культур», образование «креольских языков и наций», интенсификация миграционных потоков, сопоставимая с Великим переселением народов с востока на запад, приведшим к краху Римской империи.

Формирование плюрализма культур, происходящих вследствие активного движения этнических масс с Востока на Запад, и только сравнительно небольшая часть из которых относится к категории трудовых мигрантов, является в историческом плане закономерным процессом. Однако их преимущественное наполнение мегаполисов, крупных аграрных и индустриальных агломераций на пересечении активных транспортных магистралей, и гораздо в меньшей доле – малых населенных пунктов, где даже в сельской идиллической моноэтнической глубинке теперь наравне с коренными жителями дисперсными «вкраплениями» встретить выходцев из стран Африки и Азии, в реальности показывает стихийное вступление человечества в современную эпоху великой трансграничной миграции народов.

Безусловно, одним из важных индикативных измерителей глобализации и современного кросс-культурного стиля и образа жизни – небывалый ранее рост динамики «физического» смешивания представителей разных культур ввиду активного миграционного движения человечества. Что следует из этого для факта нашей культурной определенности? Ведь каждый человек выступает носителем не только определенного языка, но и самобытной культуры, и именно в эпоху великого перемешивания народов, когда так легко сталкиваются прежде порой не соприкасавшиеся культуры, их много-

образные различия, идентичности заявляют о себе ярко.

Как относиться нам к этой нашей культурной «заданности», к тому многовековому наследию культуры, к тому самобытному опыту, который воплощен на генетическом уровне в каждом представителе этноса? Должны ли мы эту культурную определенность культивировать и приумножать, сохранять в первозданной красоте или конструировать под современные реалии, абстрагироваться как от чего-то второстепенного в угоду интересам глобализма? Ведь этническая культура не представляет из себя нечто застывшее и неприкосновенное, и проходит своеобразные этапы эволюционного генезиса. От чего-то, что может не только помогать, но и мешать, выступать препятствием в том великом перемешивании народов, свидетелями и участниками которого мы все являемся?

Отстраниться или принять – диктует суровая логика современного мира, и эта антитеза приводит к рассуждению о философских смыслах генезиса этнического и общечеловеческого, их соотношении и поиска баланса между крепким в сторону сугубо этнического и мультикультурного.

Возникает неизбежный вопрос, должен ли думающий представитель современной цивилизации стремиться оставаться человеком в лоне своей, возраставшей его национальной культуры, или, напротив, стать «гражданином мира», разделяющим общечеловеческие ценности? И в этом контексте что значит быть им, представителем этнического или коллективного, глобального разума в условиях свершившегося факта культурного многообразия? Представляется ли возможным объективно оценить степень включенности человека этнического

в глобальное, проникновения в мировое социокультурное пространство, и уровень влияния происходящего на развитие образования, формулирование со стороны общества социального заказа на определенное качество и спектр образовательных услуг?

Несомненно, что вопрос, адресованный конкретной фигуре человека, может быть переведен в плоскость и масштаб целой культуры, глобальной цивилизации, без разделения ее на этнические и религиозные подтипы. Чем является невидимая, но от того не теряющая своей императивности «культурная граница» – чем-то, что сдерживает рывок вперед и потому должно быть прорвано? Или же чем-то, что задает определенность, не дает расплыться в аморфности и утратить жизненную силу?

Можно ли говорить о «культурной составляющей» цивилизационной безопасности – о том духовном стержне, который «держит» зримое, «материальное» тело цивилизации (при всем различии понимания категорий «культура» и «цивилизация» все же преобладает тенденция понимать цивилизацию как «реализацию» культуры, как результат духовного и материального производства)? Есть ли у этого негуманитарного понятия «национальная безопасность» гуманистическое, социокультурное измерение? И не зависит ли сохранность цивилизации, в первую очередь, от сохранности того, что задает это измерение?

Морис Эмар, директор Дома наук о человеке (Франция), иностранный член РАН, профессор, оперируя широким спектром понятий применительно к изучению цивилизаций в фокусе глобального смысла, и прогностически с позиции форсайта определяя грядущее будущее, считает, что «Мы стоим на пороге «глобального мира», а нынешние студенты станут его активной частью. Главными чертами глобального мира являются постоянно растущая и ускоряющаяся циркуляция идей, людей, капиталов и информации по всей планете, а также расширяющееся взаимодействие между различными частями мира. Но циркуляция и взаимодействие сами по себе не означают унификацию: она есть и будет только одной частью, одним уровнем проблемы и всегда будет сосущество-

вать с растущим осознанием многоуровневого разнообразия и все большим желанием это разнообразие защитить»¹.

В этом контексте, на наш взгляд, чрезвычайно перспективны рассуждения о единстве «евроазиатского пространства». С.Н. Белкин обозначает следующий тезис: «Определить основания для социокультурного единства на евразийском пространстве – значит выявить и сформулировать российские цели и соответственно ценности, а потом искать близких по целям и ценностям возможных партнеров для единения, союзничества и временного стратегического альянса. Повсюду можно встретить утверждения типа: «Россия – синтез Востока и Запада», или вариации на тему «моста между Востоком и Западом». Это не просто не так по факту на протяжении длительной истории, а принципиально, онтологически не так. В действительности Россия не синтез Востока и Запада, а во многом – источник Востока и Запада. При этом Россия продолжает процесс саморазвития, предлагая миру оригинальные результаты и модели жизненного устройства. Именно здесь, внутри наших пространств, позднее названных Европой и Азией, зарождались, варились и формировались народы, смыслы и взаимодействия между ними, которые потом превращались в обособленные формы. В этом смысле «мы» – это и русские, и тюрки, и прототюрки, и другие народы»².

При этом, не скатываясь к формам насильственной примитивизации, то есть религиозному фундаментализму, отрицающего право на существование замечательных социокультурных конструкций. Следуя известному афоризму польского писателя-философа Станислава Ежи Леца о том, что «у каждого века есть свое средневековье», очаги деструкции, конфликта и агрессии проявляются в каждый период времени, даже относительного благоденствия, омрачая тем самым ход мировой истории.

¹ Эмар М. Многообразие цивилизаций и глобализационные процессы // Прогнозы и стратегии. – 2008. – № 1. С. 12.

² Белкин С.Н. «Цель утрачена – и сил как не бывало». Философствование о целях, ценностях и базисах единения стран и народов // Развитие и экономика. – 2013. – № 5. – С. 54-55.

Известный исследователь персидской литературы, истории ислама и его философских традиций Абдул Хусейн Зарринкуб пишет: «Вклад исламской цивилизации во всемирную не меньше, чем эллинской. Разнообразие этнической, расовой и культурной составляющих исламского мира столь велико, что невольно возникает вопрос: сколь крепкими и прочными должны быть религиозные связи, чтобы продолжала сохраняться монолитность этих разнородных составляющих компонентов? Чем объясняется столь высокая эффективность цивилизации, которой Европа в средние века вплоть до XVI века была многим обязана в развитии таких областей науки, как медицина, философия и математика? Объясняется ли она содействием самого ислама, или энтузиазмом мусульманских народов, которые являлись ее создателями? Нельзя не оценить вклад различных народов, способствовавших развитию этой цивилизации. Ислам проповедовал толерантность по отношению к «людям Писания» и интерес к науке и жизни. Это величественное дерево, будучи не восточным и не западным, принесло плоды вследствие расширения исламских завоеваний, а процесс его развития продолжался именно до тех пор, пока под воздействием политических неурядиц не была ликвидирована присущая исламу (в отличие от доисламского Ирана и Византии) толерантность»¹.

Европейская (христианская) и исламская (ориентальная, тюркская, арабская, иранская) цивилизации с множеством этнических языков и культур веками развивались параллельно, и пересекаясь, как во времена временных военных противостояний, так и столетиях мира, оказывали взаимное сильное обогащающее влияние. Они за целый ряд исторических периодов, переживших существование нескольких выдающихся государств, научились сосуществовать друг с другом, и находить новые формы интеграционного взаимодействия, разъединение которого в современное время немыслимо и способно привести к колоссальному поражению современной цивилизации.

Принимая во внимание обширный ценностный фундамент, следует отметить, что

¹ Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация / А.Х. Зарринкуб; Пер. М. Махшулов. – М.: «Андалус», 2004. С. 46.

свободная коммуникация на нескольких языках является несомненным преимуществом современного человека. Более того, считаю, что каждый должен стремиться знать как минимум четыре языка: русский язык, родной язык, европейский и один восточный. Люди должны стремиться открыть для себя мир во всем его многообразии, укреплять межкультурные, межчеловеческие связи. Этот постулат отражает направленность и нашей системы образования. В национальных республиках Российской Федерации, где билингвизм является исторически предопределенной реальностью, традиционно изучаются от 5 до 20 родных языков, как в массовых общеобразовательных организациях, национальных гимназиях и лицеях, воскресных школах. В частности, в советский период сложилась практика, согласно которой в Республике Башкортостан на 6 языках организовано обучение. Кроме того, еще 8 языков изучают в 17 воскресных школах. Однако в настоящее время в связи с интенсивным развитием тренда глобализации происходит расширение лингвокультурного пространства путем расширения языковых практик. В новейшее время к ним добавились – китайский, арабский, персидский, турецкий, причем базовой ступенью в изучении китайского языка стала ассоциированная школа ЮНЕСКО. Это свидетельство расширения мировоззренческих установок на пути к мультикультурному плюрализму.

Мультикультурность для социальной философии явление достаточно новое и не устоявшееся и отличающееся диссонансами в оценочных подходах и диаметрально противоположных друг другу смысловых оттенках – как эффективное условие мирного межкультурного сосуществования всех народов и не допускающее их искусственную самоизоляцию, и как угрозу, приводящую к риску потери национальной самобытности и обособленности на глобальной карте.

Мультикультурализм представляет собой признание и утверждение разновидности социального плюрализма, социокультурная модель которого наиболее перспективна для российского общества и тождественна сложившимся в отечественном научном лексиконе понятиям – «интернационализм», «поликультурный», «бикультурный». Поэтому интернациональные

понятия с аксиологическим императивом «мультикультурализм», «полиэтничность», «поликультурность», «межкультурный диалог», «толерантность» в настоящее время занимают прочное место в образовательной и социокультурной средах.

Важно понимать, что в современном мире нарастают процессы глобализации всех сфер жизни, когда единые унифицированные стандарты, универсальные подходы и технологии нивелируют, размывают этнические и культурные особенности людей, живущих в разных странах. Однако в эпоху глобальных изменений происходит генезис материальных и духовных форм культуры, меняются способы их информационно-визуального воздействия на людей, и, поэтому исключение проникновения передовых технологий в сферу этнического не имеет смысла.

Такая реальность становится достоинством постиндустриального SMART-общества, мотивирующей молодежь на выстраивание коммуникационных стратегий сверстниками со всего мира, изучение иностранных языков, дистанционное освоение новейших знаний и компетенций. В свою очередь, термин «глобальное образование» применяется для обозначения и раскрытия глобальных трансформаций в образовательном процессе, предметное содержание которого формируется посредством включения в его поле новейших открытий, коллективно полученных научных знаний и технологий, единства мировоззрения.

Образовательная система институционально включена во все процессы, происходящие в гражданском обществе, и имеет определенную устойчивую зависимость от преобразований, происходящих в политической, экономической, социокультурной и духовной жизни. Включение в педагогические практики инновационные компоненты, использование технологических элементов в обучении, следование концепции «Образование через всю жизнь» обусловлено, прежде всего, естественным стремлением сформулировать и реализовать ценностно-смысловые ориентиры в образовании. В поисках современных идеалов, имеющих одновременно фундаментальное и прикладное значение, многие ученые и педагоги-практики приходят к пониманию и принятию идей диа-

лога языков и культур, мультикультурного плюрализма в полиэтнических сообществах в условиях глобального образования.

И.В. Ильин и А.Д. Урсул предлагают эволюционный подход к глобалистике и преломляют эту теорию применительно к контекстам глобального образования, способному обеспечить устойчивый современный цивилизационный прогресс: «Различные формы глобального образования и систем обучения и воспитания в области глобальных процессов, которые уже появились и разворачиваются в нашей стране и за рубежом, важно направить по траектории, в наибольшей степени содействующей выходу из глобального кризиса и выживанию мирового сообщества. Если глобалистика и глобальное знание в целом претендуют на роль одного из лидеров науки XXI века, то и формирующееся глобальное образование может оказаться тем локомотивом, который выведет образовательный процесс на новый качественный уровень, соответствующий наиболее оптимистичному видению будущего человечества»¹.

Следует отметить, что в содержательном отношении дефиниции «глобализация образования» и «глобальное образование» не идентичны и имеют между собой отличительные различия. Первое понятие несет смысловую нагрузку процесса, тенденции формирования целостности, монолитности каркаса, объединяющего национально-государственные системы образования в интегральную мировую систему образования, предпосылки создания которой в настоящее время уже заложены – практика внедрения механизма двойных дипломов международного стандарта, академические обмены молодежи, развитие сетевых моделей получения образования, включая формат электронного университета.

Сегодня в передовых странах мира на смену традиционным моделям образования, исторически сложившимся под влиянием классической педагогики Яна Амоса Коменского приходят новейшие технологии электронного образования, как правило, дистанционного. «Образование без границ» становится глобальным

¹ Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционный подход к глобальным исследованиям и образованию: теоретико-методологические проблемы // Куда движется век глобализации. – Волгоград: изд-во «Учитель», 2014. – С. 225.

трендом. Во многих странах развивается сеть электронных университетов, которым начинает принадлежать лидерство в экспорте образовательных услуг.

Применительно к современной ситуации известное выражение «где родился, там и пригодился» утрачивает свою актуальность. В мире становится все больше молодых людей с «глобализованной биографией» академически мобильных, проводящих много времени в виртуальном пространстве, общающихся по сети интернет со сверстниками из зарубежных стран, и в то же время утрачивающих географическую укорененность, культурную и религиозную определенность, национальное своеобразие. С монетизацией человеческих отношений и увязыванием их с категорией полезности, подменой непрерывно сменяющимися друг друга поколениями высоких технологий всего духовного происходит рудиментация традиционных морально-этических стандартов, уважение и признание которых считалось традиционным мерилом достоинства человеческой личности. В этой связи М. Кастеллс подчеркивает, что «... современный мир и жизнь человека в нем формируются конфликтующими тенденциями глобализации и само/идентификации»¹.

Однако суровой реальностью является проникновение негативных сторон глобализма в жизнедеятельность общества, когда под «западным» информационным прессингом вседозволенности происходит формирование социально и гендерно обезличенного молодого человека, у которого отсутствуют социокультурные ориентиры и культура достоинства, а мышление и социальное поведение «размыты» с подобной гомогенной и бесформенной массой индивидов. И когда эта многочисленная критическая масса – весьма большая часть целого молодежного класса перевесит численность реальных сторонников своего Отечества – по-настоящему целеустремленных людей, патриотов, тружеников, возможно нарастание хаотичных тенденций в развитии российского общества.

Г.Г. Пирогов, предлагая научно обоснованную концепцию сохранения духовно-культурного многообразия мира в условиях

развития тенденций цивилизационной унификации, подчеркивает, что принципиально ключевым понятием в новейшую эпоху происходящих общественных трансформаций является «глобализация»: «В самом общем истолковании ее можно понять, как все более тесную экономическую, информационную, научно-техническую и транспортную интеграцию мира. Вместе с тем, современный мир многоцветен и многообразен в этнокультурном отношении. Произойдет ли в итоге глобализации окончательная культурная нивелировка мира? Будет ли она способствовать процветанию и, более того, выживанию человечества? Каким будет, в конечном счете, мир, в который предстоит войти новой России? От ответов на эти вопросы зависит, как то, какую Россию нам нужно строить, так и то, каким способом нам нужно входить в этот новый мир»².

Для преодоления подобной ситуации требуется обозначение конкретных и ясных для всех представителей молодежного сообщества «маяков» – ориентиров. Они не должны носить пафосного или лозунгового характера, а исходить из интересов подрастающего поколения, то есть стать для него своеобразной путеводной «дорожной картой». Основываясь на честной морали и нравственных этнопедагогических и общечеловеческих принципах, она призвана стать идейной платформой ее будущего, мотивировать на получение востребованного профессионального образования, достойный труд, зарабатывание доступного жилья, достижение социальных благ, позволяющих укреплять здоровье, создавать семью, заводить детей, строить надежное будущее на родной земле.

Подтверждением этого тезиса может послужить и то, что в фундаментальном исследовании, посвященном прогностическому определению будущего российского студенчества, выделяется именно такой сценарий с предложением конкретных вариантов, обеспечивающих эффективность мультикультурно коннотированной подготовки молодежи «Один из путей формирования толерантного мировоззрения должен быть связан с преподаванием социально-гуманитарных дисциплин, внедре-

¹ Castles S. (1997) *The information age: economy, society and culture*, Vol. 2: *The power of identity*. Oxford: Blackwell.

² Пирогов, Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира (Политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2003. С. 4.

нием в программу обучения инновационных курсов по государственному регулированию этноконфессиональных отношений, основам этнологии, межкультурной коммуникации, историческим и культурным основам мировых религий. Именно через образовательные программы путем изучения истории, этнографии, языков, культурологии, культурно-нравственных аспектов религии можно развивать у студентов навыки конструктивно-критического мышления и преодолевать ксенофобские стереотипы. В вузовском образовании, вне зависимости от специализации, должна присутствовать идея глобальности мира и равноправия культур разных народов»¹.

Следуя этим социально мотивирующим константам, мыслящая молодежь ориентируется на активную самореализацию и проявляет высокую готовность к принятию участия в формировании инновационного, открытого гражданского общества, обладающего «иммунитетом» от негативного влияния деструктивных сил, начинает интересоваться истоками своего рода, всей этносферой, духовной культурой, возрождать в себе лучшие качества, присущие своему этносу и в целом российской нации.

В целом, считаем нужным отметить, что социокультурной реальностью, которую позитивно воспринимают ребята всех возрастов, становятся возвращение в отечественную практику интернационального воспитания, норм «Готов к труду и обороне», студенческих строительных отрядов, глобально-региональной миграции трудовой молодежи, и таких новейших явлений – развитие добровольческого и волонтерского движения, множества детских и юношеских интеллектуальных, спортивных, творческих конкурсов, фестивалей науки, создание технопарков, так называемых фаблабов, что способно сплотить молодежь страны в креативный и трудовой класс, гигантское организованное и успешное сообщество, вне зависимости от национальности, вероисповедания, социального статуса.

Литература

1. Морис Эмар. Многообразие цивилизаций и глобализационные процессы // Прогнозы и стратегии. – 2008. – № 1.
2. Белкин С.Н. «Цель утрачена – и сил как не бывало». Философствование о целях, ценностях и базисах единения стран и народов // Развитие и экономика. – 2013. – № 5. С. 54–68.
3. Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация / А.Х. Зарринкуб; Пер. М. Махшулов. – М.: «Андалус», 2004. – 237 с.
4. Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционный подход к глобальным исследованиям и образованию: теоретико-методологические проблемы // Куда движется век глобализации. – Волгоград: изд-во «Учитель». 2014. С. 224–237.
5. Castles S. (1997) The information age: economy, society and culture, Vol. 2: The power of identity. Oxford: Blackwell.
6. Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира (Политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2003. 500 с.
7. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

¹ Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014. С. 92.

УДК 378:28

ПРИМЕНЕНИЕ ИСЛАМСКОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО ШАМАИЛЯ В ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ – ПУТЬ К УЛУЧШЕНИЮ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ

*Галияскарова Лилия Рамилевна,
Преподаватель РИУ ЦДУМ России,
магистр религиоведения*

Современное стремительное увеличение числа мусульман в нашей стране актуализирует вопрос об их религиозном образовании. От правильного традиционного исламского образования зависит очень многое не только в нашей стране, но и во всем мире. Этот факт в последнее время становится все очевидней для всего человечества. Так же как и факт нахождения исламского образования, мягко говоря, не на высшем уровне. В нашей статье мы хотим коснуться вопроса методики исламского образования, оставив все другие его проблемы.

Нас сегодня радует тот факт, что педагогическое общество обратилось к многомерности. Многомерность мышления человека выступает как противник множества одномерных методик обучения, которые отличаются следующими технологическими недостатками:

- нечетким представлением о предмете образования;
- линейностью изложения учебного материала (монологичность);
- опорой преимущественно на средства иллюстративного, репродуктивного отображения учебного материала;
- опорой преимущественно на методы и средства увеличения запоминаемого объема учебного материала в ущерб осмыслению его и применению на практике.

Канал, связывающий внешний и внутренний планы учебной деятельности (изучаемый предмет и отражающую его систему) и в котором преобладает вербальная составляющая, является одним из критичных мест большинства технологий обучения. Причина этого заключается в том, что логическая структура речи и текста, смысловые связи между их элементами всегда трудно осознаваемы, трудно формализуемы и трудно представимы в плане внутреннего, образного мышления человека. Попытки

визуализации скрытой логической структуры с помощью разделения текста на блоки, графического символического или цветового акцентирования, конструирования эмпирических идиграмм и т.п. создают иллюзию многомерности представления учебного материала. Не применим и опыт создания гипертекстов для «бумажной» технологии учебных материалов¹.

Здесь мы будем исходить из специфики преподавания специальных дисциплин по направлению «Теология», профиль «Исламская теология» теолого-педагогического факультета и факультета основ Вероучения и истории ислама Российского Исламского университета Центрального духовного управления мусульман России г. Уфы. Сегодня в университете актуальны следующие методические рекомендации для его преподавателей:

- в учебный материал гуманитарного и религиозного характера целесообразно включать наглядные когнитивные (обучающие) схемы методологического типа, обладающие природосообразностью (антропологичностью и социокультурностью), помогающие преодолевать зоны дидактического риска и ориентироваться в текстах, поддерживающие познавательные действия обучающихся, помогающие осмысливать и запоминать учебный материал;
- в процессе обучения целесообразно активизировать эмоционально-образный и оценочный компоненты мышления обучаемых, формировать навыки не только познания, но и переживания и оценивания изучаемого учебного материала, что важно для их дальнейшей религиозно-просветительской деятельности;

¹ Штейнберг В.Э., Калимуллин Р.Х., Манько Н.Н., Галиев Р.Г. Исламский дидактический шамаиль как детерминант толерантности: для студентов с углубленным изучением истории и культуры ислама – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012, – 165 с.

– в процессе обучения необходимо осуществлять опережающее формирование навыков выполнения логических действий, необходимых для становления познавательной культуры бакалавра¹.

Подавляющее большинство из вышеперечисленных рекомендаций свободно выполнимо с помощью применения педагогами высших духовных учебных заведений дидактической многомерной технологии. Преподаватели, осваивающие эту технологию, должны овладеть навыками проектирования логико-смысловых моделей, от качества которых зависит успешность формирования навыков выполнения логических действий студентов, и последующего формирования познавательной культуры на основе моделирования знаний.

Включение многомерных моделей во внешний и внутренний планы познавательной деятельности в речевой форме приводит к инициированию продуктивной деятельности учащихся духовных образовательных учреждений, позволяет программировать действия переработки знаний и вырабатывает соответствующие стереотипы мышления, повышает управляемость учебно-познавательной деятельности.

Процесс освоения дидактических многомерных инструментов проходит последовательно три уровня: минимальный – только проектирование учебных моделей (без использования технологических моделей), средний – проектирование учебных моделей и их использование в процессе занятий (с использованием технологических моделей), и высокий – проектирование учебных и технологических моделей, использование их на занятиях и освоение их студентами.

Прикладные возможности дидактических многомерных инструментов обеспечивают инструментализацию различных видов обучения, в том числе: развивающего (этапы входа в тему, ее познания и обобщения), системного (познание, переживание и оценка темы) и дистанционного; а также активизацию аутодиалога; связывание контекстного, изучаемого и интуитив-

ного знания; инициирование внутриличностного развития.

Но если изучить древнее искусство, то станет ясно, что уже наши предки активно обращались к многомерности, о чем свидетельствуют различные произведения их искусства, среди которых есть и мусульманский шамаиль.

Шамаиль – это запись религиозного содержания, оформленная в виде картины. Для исламского дидактического шамаиля очевидно выполнение его содержания на том языке, на котором его будут воспринимать учащиеся.

Ученые обратили внимание, что важными графическими особенностями шамаилей является, наряду с упоминавшимися лучеобразными отображениями категории Света (запад, север, восток, юг), композиции в виде круга, раскрывающими содержание текста и часто являющимися центром смысла; в шамаилях включаются также изображения спасительного Ковчега, изображения Древа (в виде Древа изображались имена Пророков, мир Им, ведущих свое начало от нашего праотца Адама, мир Ему, Имена Всевышнего Аллаха); главную же суть шамаиля составляет Слово, определяющее внутреннее содержание, тематику всего произведения. Также шамаиль обладает огромным культурологическим потенциалом, широко представлен в культурном опыте мусульман и имеет богатое историческое прошлое, что является основанием для использования его в качестве социокультурного архетипа при разработке исламского дидактического шамаиля, включенного в дидактическое обеспечение технологии религиозного образования².

Необходимость создания исламского дидактического шамаиля при обучении в исламских учебных заведениях обусловлена тем, что способность восприятия учебного материала органами чувств различна: орган слуха пропускает 1000 условных единиц информации за единицу времени, орган осязания за ту же единицу времени пропускает 10 000 условных единиц информации, а орган зрения – 100 000,

¹ Калимуллин Р.Х. Формирование учебно-методического комплекса для бакалавров по направлению «Теология», профиль «Исламская теология»: справочные материалы. – Уфа: Вагант, 2008. – 172 с.

² Штейнберг В.Э., Калимуллин Р.Х., Манько Н.Н., Галиев Р.Г. Исламский дидактический шамаиль как детерминант толерантности: для студентов с углубленным изучением истории и культуры ислама – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012, – 165 с.

т.е. около 80% сведений об окружающем мире человек получает с помощью зрения.

Изучение религиозных знаков и символов как архетипов культуры практически всех народов мира привело ученых к выводу, что они отображают значимые для людей объекты и явления, то есть обладают природосообразной (антропологичной) графической формой и представляют собой определенный этно- и социокультурный феномен всех без исключения народов. То есть они – своеобразные архетипы культуры и обладают «солярным» начертанием, включающим радиальные и круговые графические элементы. И так как радиально-круговое графическое изображение имеет глубокие социокультурные и антропологические формы и его необходимо использовать для создания исламских дидактических шамаилей.

Построение исламского дидактического шамаила в форме образно-понятийной конструкции, художественно-графическая основа которой представлена в радиально-круговой форме, а содержательная – ключевыми словами, выделенными их учебного материала, позволяет получить следующие важные педагогические результаты:

- усилить социокультурный контекст технологии религиозного обучения благодаря использованию изобразительного художественного наследия исламской культуры при проектировании шамаилей;

- усилить дидактический потенциал учебного процесса за счет инициирования диалога между преподавателем и обучающимся, а также инициирования аутодиалога обучающегося и дидактического средства;

- усилить повысить природосообразность, то есть комфортность, облегченность учебного процесса за счет опоры на психологические особенности визуального исполнения радиально-круговых образно-понятийных дидактических средств.

Главная дидактическая функция исламского дидактического шамаила заключается в высвобождении ресурсов мышления, которые приходится расходовать для удержания в памяти озвученного преподавателем или прочитанного из учебника учебного материала, что необходимо для осмысления, понимания и закрепления его в памяти. Данная дидактиче-

ская задача решается либо путем постепенного накопления на изображении шамаила ключевых слов из каждого озвученного фрагмента учебного материала и представления их перед взором обучающегося, либо сразу путем размещения заполненного шамаила перед обучающимся и постепенного включения в поле зрения фрагментов шамаила по мере озвучивания учебного материала.

Исламский дидактический шамаиль в деятельности преподавателя занимает важное место. Первоочередной задачей освоения исламского дидактического шамаила в деятельности преподавателя религиозного образования является изучение и применение методики проектирования шамаила: формирования его содержания; оформления путем выбора графики и фона; техники использования шамаила путем составления заранее или совместно со слушателями; в виде готовой табличной наглядности, с помощью проектора или интерактивной доски.

Здесь мы приведем примеры конструирования исламского дидактического шамаила для предметов науки, являющейся основой религии ислам – науки о Вероубеждении (Акаид), которая также называется наукой о единобожии (Таухид). Основными вопросами, которые изучает эта наука, являются:

- Таухид – это вера сердцем и подтверждение языком, что Аллах Единственный в Своей Сущности и Сыфатах (Атрибуты, Качества – в переводе с арабского), и является Создателем всех творений;

- шесть столпов Веры: Вера в Аллаха, ангелов, Священные писания, пророков, мир им, Судный день, предопределение судьбы.

На уроках акиды (Вероучения) целесообразно сконструировать логико-смысловые модели для основных тем, затем разбивая и их на подтемы, для которых также создаются ЛСМ. При этом ЛСМ помещается внутрь шамаила, служащего для нее фоном.

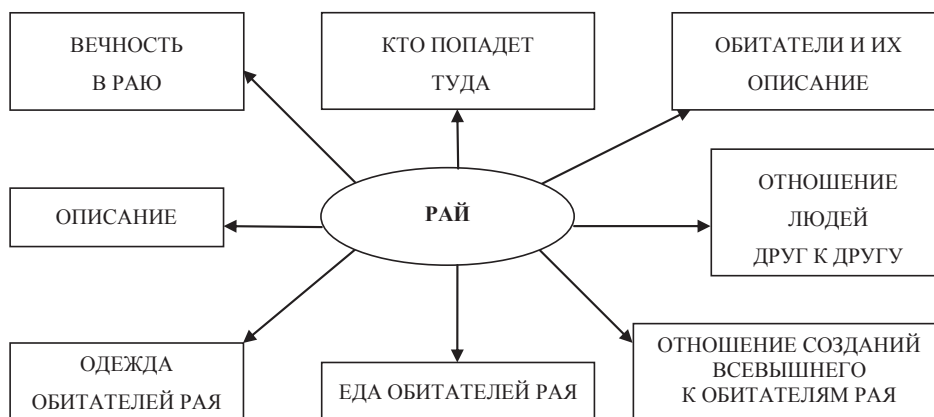
В статье мы приводим примеры конструирования ЛСМ для одной большой темы. Здесь мы обратились к теме «Рай», которая в свою очередь входит в тему «Судный день». В свою очередь, вера в Судный день является одним из столпов веры каждого мусульманина. Мы разбили тему на 8 подтем, согласно методике конструирования ЛСМ. Поэтому в центре эл-

липса поместили слово «Рай», от которого идет 8 стрелок. На конце стрелок написано:

1. Описание,
2. Вечность в раю,
3. Кто попадет туда,
4. Обитатели и их описание,

5. Отношение людей друг к другу,
6. Отношение созданий Всевышнего к обитателям рая,
7. Еда обитателей рая,
8. Одежда обитателей рая.

Сама логико-смысловая модель выглядит так:

Как видим, первый вопрос, расположенный на конце стрелки, отходящей от 9 по циферблату, – называется «описание», потому что эта координата является установочной. Ведь описание рая основополагающий вопрос в этой теме, так как в итоге студенты должны представить полную картину рая.

Второй вопрос, как и другие, соединен с первыми важнейшими смысловыми связями. Потому что все, что мы перечислили в описании рая будет длиться вечно, согласно Священному Корану.

Следующая координата раскрывает студентам суть пути достижения рая. Она связана с предыдущей семантической связью по причине желания мусульман пребывать там вечно.

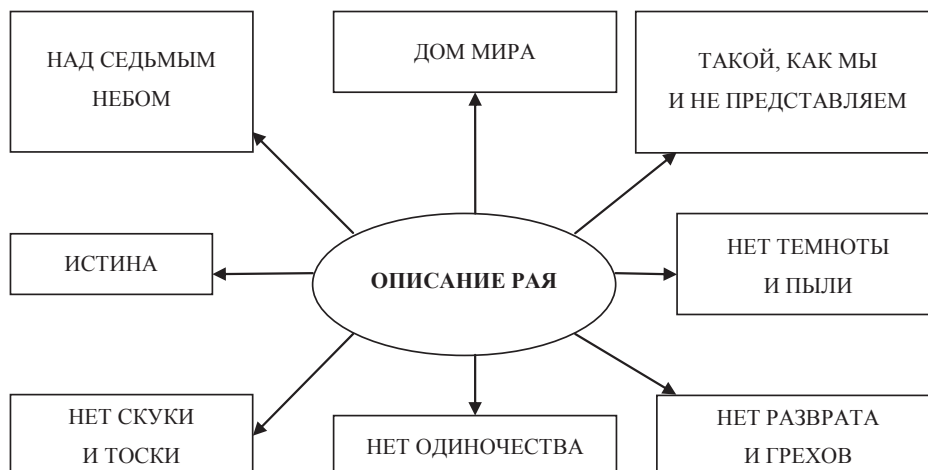
Далее мы располагаем аспект, описывающий студентам обитателей Рая: рассказываем об их внешнем виде, возрасте, поведении, прислуживающих созданиях, джиннах, ангелах и гуриях там.

Затем следуют вопросы об отношении людей друг к другу и Всевышнего к ним в Раю.

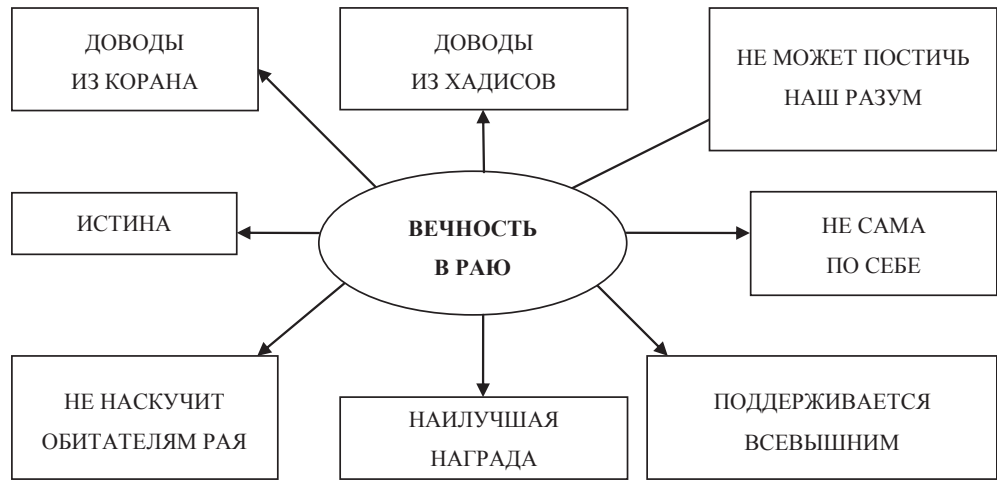
Заканчивается логико-смысловая модель вопросами о еде и одежде обитателей Рая, что является завершающим этапом преподнесения материала темы.

Далее раскрываем каждую координату-тему в форме логико-смысловой модели. По причине истолкования методики и порядка конструирования моделей для вышеупомянутой темы, мы всего лишь приведем их примеры пяти из них без объяснения хода работы.

1. ЛСМ «описание»

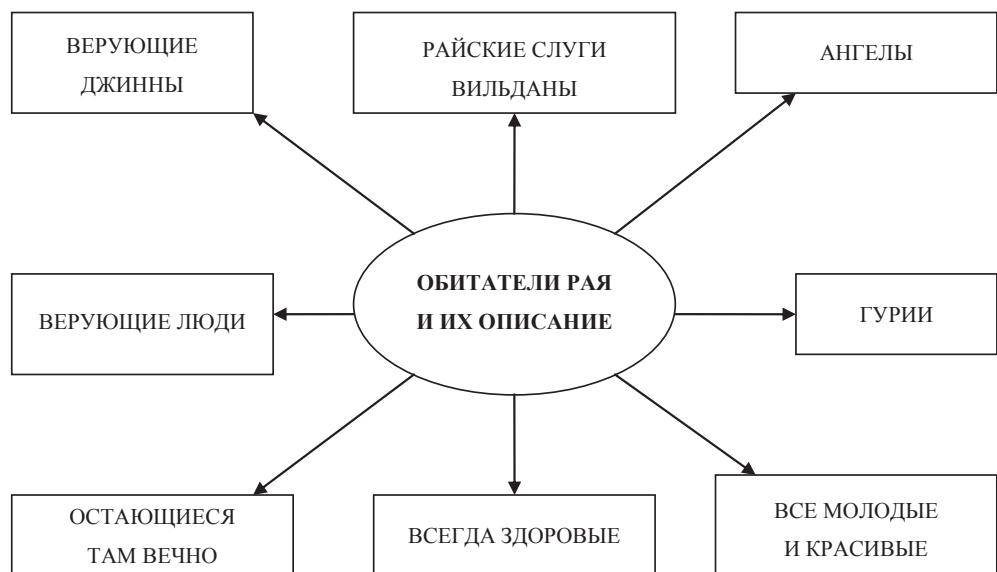
2. ЛСМ
«вечность в Раю»

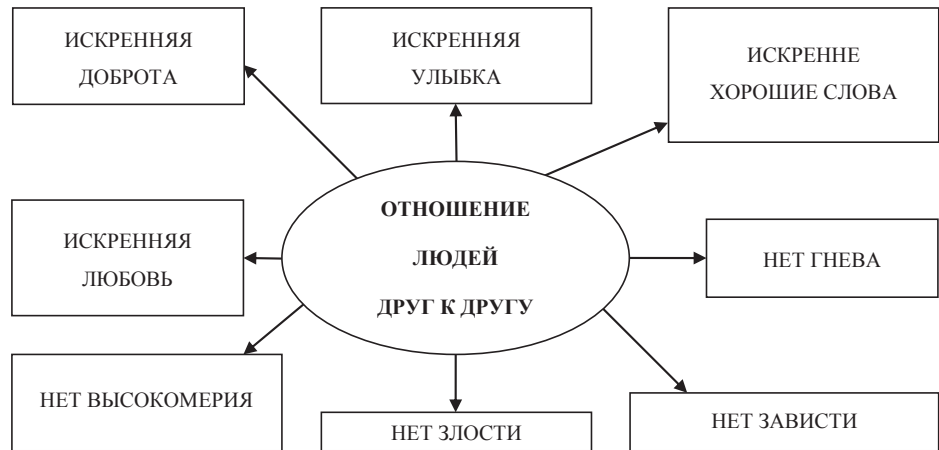
3. ЛСМ
«кто попадет туда»

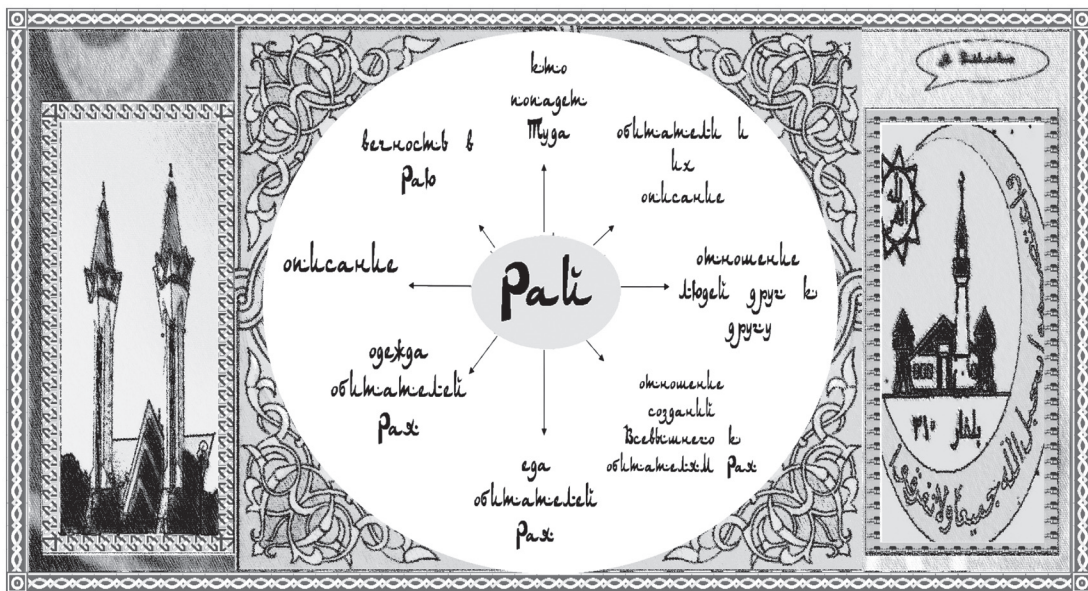
4. ЛСМ
«обитатели и их описание»

5. ЛСМ
«отношение людей
друг к другу»

В заключение рады предложить вашему вниманию авторский исламский дидактический шамаиль. Любую вышеприведенную ЛСМ можно применить в центре данного шамаиля.

Литература

1. Абуль-хасан Сиражуддин Али бин Осман Аль-уши Аль-матуриди Аль-фаргани. Амали. Реставрированная рукопись 1174 года.
2. Калимуллин Р.Х. Формирование учебно-методического комплекса для бакалавров по направлению «Теология», профиль «Исламская теология»: справочные материалы. – Уфа: Вагант, 2008. – 172 с.
3. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: В 2 т. Т. 1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с. (Серия «Энциклопедия образовательных технологий»).
4. Терминологический словарь. Традиционное искусство Востока (Виноградова Н., Каптерева Т., Стародуб Т.). М., 1997.

5. Штейнберг В.Э. Дидактические многомерные инструменты: теория, методика, практика (монография). – М.: Народное образование, 2002. – 304 с.
6. Штейнберг В.Э. Дидактическая многомерная технология (монография) – Уфа: БИРО, 1999 – 86 с.
7. Штейнберг В.Э., Калимуллин Р.Х., Манько Н.Н., Галиев Р.Г. Исламский дидактический шамаиль как детерминант толерантности: для студентов с углубленным изучением истории и культуры ислама – Уфа: Изд-во БГПУ, 2012, – 165 с.

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

УДК 378:28

СУЩНОСТЬ, СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КНУ ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА)

Осмонова Динара Аскарбековна,

*Доцент кафедры религиоведения, культурологии
и политологии Кыргызского национального университета
имени Ж. Баласагына, кандидат медицинских наук*

В Кыргызском национальном университете имени Жусупа Баласагына реализация религиоведческого образования осуществляется в *двух основных формах*:

1. Подготовка кадров религиоведов по всем уровням (специальность, бакалавриат, магистратура, аспирантура, докторантура) и формам (очная, заочная) обучения на бюджетной и внебюджетной основе.

2. Преподавание основ религиоведения на факультетах и структурных подразделениях вуза.

Целями религиоведческого образования являются: распространение научных знаний о религии как социальном явлении, обучение научным методам изучения религии; стремление к воспитанию мировоззренчески, религиозно и национально терпимой личности, обладающей широким культурным кругозором и навыками доброжелательного общения с людьми иных национальностей, религиозных взглядов и мировоззренческих позиций.

Образовательная программа подготовки религиоведов предусматривает междисциплинарное изучение религий с общефилософской подготовкой. Религия изучается как универсальный многоаспектный (социальный, психологический, антропологический, исторический) феномен с использованием разных методологических позиций, чему предрасполагает разноликий профессиональный состав кафедры, в которой работают специалисты различных областей знания: философы (проф. Омурова Т.О., доц. Абдуллаев С.А., доц. Абдылдаева Т.Ч.,

доц. Мааткеримов Б.А., доц. Шаршеналиев У.А.), социолог (проф. Нурова С.С.), культуролог (проф. Сартбаева М.К.), политологи (проф. Артыкбаев М.Т., доц. Иманбеков У.Т.), историк (ст. преп. Муратов И.К.) и др. Несмотря на то, что обучение в нашем вузе носит сугубо светский характер в соответствии с принципами современного светского религиоведения (объективность, деидеологичность, историзм, внеконфессиональность, толерантность, системность, полиметодичность), следует отметить, что в учебном процессе преподавательский состав выражает точку зрения *о возможности* взаимодействия в методологии религиоведческих и религиозных знаний.

Существенным в подготовке религиоведов является следующий момент: мы не отдаем предпочтения изучению какой-то одной конфессии. Наше население слишком неоднородно по своим религиозным пристрастиям¹, чтобы оправданно было изучать одну культуру, религиоведом нельзя быть, досконально зная лишь одну религиозную или этнокультурную традицию и тематическое ограничение программы обучения, например, исламом, вряд ли сформирует религиоведа в полном смысле этого слова, поэтому наши студенты углубленно изучают все религии мира: ислам, христианство, буддизм, индуизм, иудаизм и другие, и при этом очень

¹ По состоянию на сентябрь 2016 года в Кыргызской Республике официально зарегистрировано 2989 религиозных организаций, из которых 2595 исламского и 380 христианского толка, а также 1 буддийская, 1 еврейская община, 12 общин бахаи (данные Госкомиссии по делам религий при Президенте КР).

важно настроить их на уважительный лад по отношению к этим культурам, привить навыки толерантности и веротерпимости, умения вести диалог при обсуждении религиозных проблем. Следовательно, религиоведение позволяет реализовать не только образовательные, но и нравственно-воспитательные цели. Исследования Г.А. Гераниной¹ показали, что студенты, в учебных программах которых есть курсы по религиоведению, заметно отличаются по уровню своих толерантных установок от тех, у кого данная дисциплина исключена, причем последних, к сожалению, в условиях современной реформы системы высшего образования, становится все больше и больше, поскольку после перехода на двухступенчатую систему обучения ряд дисциплин социогуманитарного цикла, в том числе религиоведение, стали дисциплинами по выбору. В этой ситуации представляется необходимым информирование руководства факультетов об актуальности и необходимости чтения курса «Религиоведение» для студентов высших учебных заведений.

Важным в обучении религиоведов является получение серьезной языковой подготовки, что обусловлено, прежде всего, энциклопедическим характером специальности «Религиоведение», ведь религиовед должен знать и православие, в связи с этим греческий, знать католицизм, и в связи с этим – латынь, и ислам, следовательно, арабский язык. Что касается арабского языка², то он преподается все 4 года обучения бакалавриата (занимая в учебном плане 30 кредитов), и это позволит к концу обучения нашим студентам самостоятельно работать с источниками на арабском языке и осуществлять смысловой перевод Корана (общеизвестно, что дословно переводить Коран нельзя).

Большую роль в учебном процессе играет организация различных форм внеучебной работы со студентами-религиоведами: написание рефератов, курсовых, самостоятельных работ,

подготовка докладов, сообщений, участие в научных семинарах, круглых столах и конференциях. Все это способствует превращению студента из пассивного восприимчивого информанта в активного субъекта, способного практически реализовать усвоенные знания и заняться научно-исследовательской деятельностью, которая является наиболее продуктивным способом освоения образовательной программы.

Следует отметить, что качество преподавания и его эффективность во многом зависят от постановки методической работы, от того, насколько своевременно и эффективно оказывается методическая помощь преподавателям, от того, как обеспечены студенты необходимыми материалами для самостоятельной работы.

Решая проблему методического обеспечения, на кафедре изданы учебники и учебные пособия по общему курсу религиоведения и по отдельным религиоведческим дисциплинам: «Курс лекций по религиоведению» (Омурова Т.О., под грифом Министерства образования и науки Кыргызской Республики, далее МОиНКР), «Религиоведение» (Омурова Т.О., Лукашов В.А.), «Методика преподавания религиоведения» (Омурова Т.О., Лукашов В.А., Трофимова З.П., под грифом МОиН Российской Федерации), «Домусульманские верования кыргызов» (Осмонова Д.А., под грифом МОиН КР), «Религия и женщина» (Осмонова Д.А., под грифом МОиНКР), «Мировые религии» (Осмонова Д.А.), на кырг. языке «Религия и политика» (Омурова Т.О., Иманбеков У.Т.), «Модернизм в исламе» (Абдылдаева Т.Ч.), «Гендер и религия» (Осмонова Д.А.); разработаны методические рекомендации по проведению семинарских занятий по религиоведению, учебно-методические комплексы: по дисциплине «Религиоведение» для студентов направлений «Информационные системы и технологии» (Осмонова Д.А.), «Кыргызская филология» (Омурова Т.О.); по спецкурсам «История религии», «Психология религии» (Осмонова Д.А.). По всем преподаваемым религиоведческим дисциплинам разработаны рабочие программы, типовая программа по общему курсу религиоведения для КНУ им. Ж. Баласагына. Кафедра, являясь базовой УМО по направлению «Религиоведение» в Кыргызстане, разработала Госстандарт Высшего профессионального образования Кыргызской

¹ Геранина Г.А. Социально-философский анализ проблем формирования религиозной идентичности в современном религиоведческом образовании. – Дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Архангельск, ПГУ, 2011.

² Мы не могли игнорировать структуру распространенности религий в Кыргызстане, где ислам занимает первую позицию, что было учтено при разработке Госстандарт ВПО КР по направлению «Религиоведение».

Республики 3-поколения по направлению «Религиоведение» для бакалавриата и магистратуры, а также типовые программы для вузов Кыргызской Республики по религиоведению и истории религии.

Однако, самые лучшие учебные программы и учебники никогда не заменят преподавателя и не снизят его решающей роли в процессе обучения и воспитания, преподаватель – центральная фигура учебного процесса, как показал опыт, эффективность реализации учебных программ по религиоведению во многом зависит от уровня его подготовки, и зачастую выбор кафедрой той или иной дисциплины зависит от наличия преподавателя, способного дисциплину прочесть. В этой связи актуальность приобретают аспекты подготовки, переподготовки и повышения квалификации преподавателей религиоведения. Из числа преподавателей кафедры: двое обучились по программе «Организационно-методические основы дополнительного профессионального образования для специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама» в г. Москва, одна – прошла 10-дневную стажировку по религиоведению и теологии в г. Москва.

Для повышения профессионального уровня преподавателей на кафедре ежемесячно проводятся методологические семинары по актуальным религиоведческим темам, занятия с молодыми преподавателями, взято шефство опытных преподавателей над молодыми. В рамках университета для повышения педагогического мастерства преподавателей проводятся тренинги, мастер-классы, семинары.

Решается и проблема качественного состава преподавателей кафедры, наряду с образовательной деятельностью на кафедре ведутся интенсивные научные исследования. Преподаватели кафедры работают над различными аспектами общей научно-исследовательской темы «Религия и современность». За время существования кафедры защищены четыре кандидатских диссертации¹: «Генезис и эволюция религиозных верований кыргызов» (Ч.С. Усупова, 2008), «Проблемы модернизации ислама в условиях глобализации» (Т.Ч. Абдылдаева,

2009), «Философский анализ причин и истоков исламского экстремизма» (А.М. Усупова, 2011), «Ислам и мусульманские организации в общественно-политической жизни Кыргызстана» (У.А. Шаршеналиев, 2012), одна из преподавателей завершает работу над диссертационным исследованием. Преподаватели кафедры постоянно принимают участие в семинарах-совещаниях, научно-теоретических и научно-практических конференциях разного уровня, в том числе представительных форумах, организуемых как в ближнем (Россия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан), так и дальнем зарубежье (Турция).

Большое внимание уделяется сотрудничеству с другими вузами с целью разработки совместных учебных планов, программ по религиоведческим дисциплинам, что позволяет усилить академическую мобильность профессорско-преподавательского состава, а также расширить диапазон знаний студентов. Партнерами кафедры являются: кафедра философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова (зав. каф, проф. Яблоков И.Н.), кафедра религиоведения и культурологии КазНУ им. Аль Фараби, кафедра основ духовности и религиоведения Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, кафедра теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, кафедра теологии Московского государственного лингвистического университета, кафедра религиоведения Института теологии Белорусского государственного университета, кафедра страноведения Российского исламского университета, кафедра философии и истории Таджикского государственного медицинского университета им. Абу Али ибн Сины. Мы хотим и далее расширять сотрудничество с другими вузами, у нас есть желание учиться, и это касается: и опыта организации педагогического процесса, и подготовки литературы, и подготовки специалистов высшей квалификации (магистров, докторов PhD, кандидатов и докторов наук) и др.

Специфика получаемого образования в конкретном вузе зависит от того, как поставлена и решена проблема профессионального будущего выпускаемых специалистов. В этой связи, программа обучения религиоведения выстроена

¹ В связи с отсутствием диссертационного совета по специальности «Религиоведение» наши сотрудники защищали диссертации по другим философским специальностям.

на таким образом, чтобы позволить студентам не только получить глубокие гуманитарные, но и практические знания, для этого мы старались разработать учебный план таким образом, чтобы учесть возможные сферы трудоустройства в более широком аспекте и ориентировать выпускников-религиоведов не только на педагогическую, но и научно-исследовательскую, а также экспертную работу. Здесь, на наш взгляд, возможны следующие позитивные варианты:

- *преподавательский* – студент собирается преподавать в школе или вузе;
- *академический* – студент настроен на научную деятельность (религиоведы в сфере научных исследований востребованы, в том числе и как историки религии, и как социологи религии, и как востоковеды);
- *государственный* – будущий специалист намеревается реализовать свои знания в госучреждениях, местных органах самоуправления, сферах культуры, СМИ, правоохранительных органах и др.

В силу своей междисциплинарности и в связи с необходимым изучением разных культур, как было указано выше, представляется, что у религиоведов хорошее будущее в плане сфер профессионального приложения. Например, религиоведение хорошо будет востребовано в школах, в которых государством планируется введение данного предмета. Предполагается, что в процессе преподавания таких знаний школа реализует цели: социальную (формирует толерантность в обществе), культурную (обеспечивает диалог религий и культур, ценностей, норм и обычаев разных народов), удовлетворяет духовные и психические потребности учащихся, не стремясь при этом обратить их в ту или иную веру, или вызывать негативное отношение к какой-либо из них. Предполагается, что качественное и систематизированное обучение религиоведению, безусловно, будет благоприятно воздействовать на сохранение внутренней стабильности нашей многоконфессиональной¹ и многонациональной страны.

¹ По данным Госкомиссии по делам религий при Президенте КР, по состоянию на сентябрь 2016 года в Кыргызской Республике официально зарегистрировано 2989 религиозных организаций, из которых 2595 исламского и 380 христианского толка, а также 1 буддийская, 1 еврейская община, 12 общин бахаи.

Считаем, что религиоведение должно преподаваться не только в школах, но и в вузах в рамках обязательного гуманитарного компонента и учителям, и политологам, и экономистам, и юристам и др., ибо необходимость ликвидации всеобщей безграмотности в области религиозных традиций очевидна. Не обладая знаниями о религиях, невозможно разобрататься в сути многих мировых и региональных политических процессов, в современных конфликтах и войнах. Без этих знаний нельзя выработать адекватное отношение к особенностям характера тех или иных этносов. Вне зависимости от отношения к религии каждому образованному человеку необходимо ориентироваться в ее специфике, понимать ее как мировоззренческое и социокультурное явление. Справедливости ради надо заметить, что до распада Советского Союза многие люди имели хоть какие-то научные знания о религиях благодаря пресловутому курсу «Основы научного атеизма», который читался на межвузовской кафедре научного атеизма Кыргызского государственного университета. Как пишет М.Ю. Смирнов²: «...не стоит предавать забвению то обстоятельство, что введенная в высшей школе с середины 1960-х годов по идеологическим соображениям учебная дисциплина «Основы научного атеизма» для подавляющего большинства получавших вузовское образование стала чуть ли не единственным, после долгого замалчивания, дозволенным источником, знакомившим с религиозными традициями народов мира. Добросовестный преподаватель, ... был способен ... пробудить интерес к религиозной тематике, продемонстрировать внимательное и уважительное отношение к приверженцам религий».

Перейдем к рассмотрению второй формы религиоведческого образования в нашем вузе – преподаванию основ религиоведения на других факультетах и структурных подразделениях университета. И здесь важное значение для успешного усвоения студентами учебного материала имеет связь преподавания религиоведения с их будущей специальностью. Содержание курса должно приобретать опреде-

² Смирнов М.Ю. Религиоведение в России: проблема самоидентификации // Вестник московского университета. – Серия 7. – Философия. – № 1. – 2009.

ленную специфику в зависимости от профиля факультета. Таким образом, если курс «Религиоведение» читается студентам-философам, то преимущественное внимание следует уделять философии религии (анализу сущности и методологии религии, гносеологическим аспектам религиозного сознания); если курс предназначен для студентов-социологов, то – социологии религии (методология социологии религии, место и роль религии в социуме, формы организации религии, функциональный статус, социологические теории религии); если курс ориентирован на студентов-психологов, то – психологии религии (методология психологии религии, психологические концепции религии, специфика религиозного поведения, религиозной мотивации, индивидуальный и коллективный религиозный опыт); для студентов – филологов интерес будет представлять история и семиотика религии (религиозные традиции в динамике культуры, символика религий, специфика семиотической организации религиозных текстов, проблема метода толкования сакральных текстов в религиозной традиции) и т.д.

Было бы неверно не заметить имеющиеся недостатки и трудности религиоведческого образования, которые касаются его теоретических, организационно-методических и других *проблем*, имеющих место не только в нашем вузе, но и в целом в Кыргызстане, таких как:

- отсутствие диссертационного совета по специальности «Религиоведение», стажировок и институтов повышения квалификации преподавателей религиоведения;

- ограниченность количества учебной, учебно-методической литературы по религиоведению, при этом она выпускается, в основном, на русском языке и не в Кыргызстане, а в странах ближнего и дальнего зарубежья, в связи с этим, она не может охватить и раскрыть особенности реальной религиозной ситуации в нашей стране; имеющиеся учебники содержат в основном материал по истории религии, практически не уделяя внимания современным достижениям религиоведческого знания в области социологии и психологии религии, а также других разделов современного религиоведения;

- не менее важной проблемой является проблема востребованности специалистов-

религиоведов. Так, по причине отсутствия непосредственной системы распределения и создания рабочих мест оптимальное применение готовых кадровых ресурсов очень ограничено, из-за отсутствия работы религиоведы устраиваются не по специальности, выезжают за границу, что, конечно же, влияет на развитие религиоведения в Кыргызстане;

- отсутствие профессионального религиоведческого сообщества в Кыргызстане, координирующего деятельность религиоведов, прежде всего, в области образования, а также отсутствие периодического издания, посвященного проблемам научного изучения религии и религиоведческого образования в Кыргызстане.

Учитывая вышесказанное, для оптимизации религиоведческого образования, на наш взгляд, необходимыми являются следующие *предложения*:

1. С учетом всевозрастающей социальной аномии, социокультурной и этнополитической конфликтности необходимым является организация целевых религиоведческих курсов среди специалистов, чья профессиональная деятельность предполагает владение религиоведческими знаниями, а также среди учителей в связи с предполагаемым введением с нового учебного года во все общеобразовательные учебные заведения страны предмета «История религиозной культуры».

2. Издание учебно-методических пособий по основным разделам религиоведения, в том числе на кыргызском языке.

3. В образовательной религиоведческой программе считать приоритетным разработку программ практик, которые, с одной стороны, позволят студенту реализовывать приобретенные навыки, а с другой, – определить для себя сферу будущей активности.

4. Создание диссертационного совета по специальности «Религиоведение», ибо совершенствование религиоведческого образования невозможно без проведения научных исследований.

5. Со стороны государства – направить усилия на увеличение количества грантовых мест на специальность «Религиоведение», а также на создание новых рабочих мест для специалистов-религиоведов.

6. На практике реализовать введение в общеобразовательные учебные заведения страны предмета о религии¹.

Таким образом, вышеперечисленные шаги в религиозном образовании позволят выпускать высокоподготовленные кадры религиоведов, готовые к преподавательской деятельности, государственной службе, научно-исследовательской работе и экспертной деятельности, потребность в которых растет с каждым годом в условиях поликонфессионального и многонационального государства, каковым является наш Кыргызстан.

Литература:

1. Геранина Г.А. Социально-философский анализ проблем формирования религиозной идентичности в современном религиозном

образовании. – Дисс. на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Архангельск, ПГУ, 2011.

2. Байтерекова Ж.С. Справка о Кыргызстане. – http://inlang.linguanet.ru/Cis/CisCountries/detail.pxp?ELEMENT_ID=2228.

3. Смирнов М.Ю. Религиоведение в России: проблема самоидентификации // Вестник московского университета. – Серия 7. – Философия. – № 1. – 2009.

4. Красников А.Н. Методологические проблемы религиоведения. – Учеб. пособие. – Москва, 2007. – 239 с.

5. Основы религиоведения: Учеб. под ред. И. Н. Яблокова. – М., 2003. – 368 с.

6. Писманик М.Г. Сложные аспекты преподавания религиоведения. – Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – М., 2010. – № 3.

¹ В современном мире вопрос о том – нужно ли и можно ли преподавать знания о религии в светских образовательных учреждениях, постепенно уходит в прошлое, ныне обсуждается вопрос, как и в каких формах может быть реализовано преподавание знаний о религии, ведь многие государства мира осознали, что только через знания о религии можно перекрыть дорогу фундаменталистским и политическим течениям агрессивного характера, возникающим на религиозной почве.

ВЕРОУЧЕНИЕ И САКРАЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ

УДК 28

ИСЛАМСКИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ О ПРОФИЛАКТИКЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНФЛИКТОВ ЧЕРЕЗ ВОСПИТАНИЕ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Саяхов Руслан Линицевич,

*Заместитель председателя муфтия Духовного
управления мусульман Республики Башкортостан,
аспирант кафедры педагогики БГПУ им. М. Акмуллы*

Необычайное разнообразие культур современного общества в условиях распространения идей плюрализма и демократии является питательной средой для столкновения интересов и зарождения конфликтов¹. Кроме глобальных, диктуемых геополитическими интересами, внутренние конфликты национального и конфессионального характера являются для современного мирового сообщества делом относительно регулярным². Печальной тенденцией является сегодня рост межличностных конфликтов.

Для преодоления подобных проблем не достаточно сугубо политических или экономических рычагов. Стратегическим направлением профилактики и преодоления этих и других вызовов времени, безусловно, становится педагогическое. Необходимость разработки новых технологий воспитания, поиск новых ценностных ориентиров становятся ключевыми педагогическими проблемами³. В этом отношении культуры мировых религий, и исламской культуры в частности, содержат богатый потенци-

ал, способный обогатить педагогическую науку ценным материалом⁴.

Современные исламоведческие изыскания позволяют заключить, что одним из важнейших условий предотвращения конфликтов мусульманские религиозные первоисточники называют профилактические меры, связанные с договорной основой взаимоотношений. Их алгоритм вполне логичен и прост: после общего призыва к высоким гуманистическим началам и заявления о естественности плюрализма мнений, они регламентируют документально разграничивать права и обязанности различных социальных групп, особенно связанных общежитием в рамках одной географической локальности. При этом гарантом справедливости подобных договоров выступает само Священное писание. Составление договоренностей, во-первых, придает официальный статус представителям каждой из сторон, а во-вторых, – обязывает соблюдать определенные нормы общежития, сохраняя при этом мирные и толерантные взаимоотношения.

Указания на данную установку содержатся во многих фрагментах Корана (2: 83; 4: 33; 4: 135; 6: 152)⁵. Основную мысль их можно выразить как «Будьте верны в договорах» (5: 1). Важным на наш взгляд является то, что заключать договор регламентируется не только

¹ Алексеев О.А. Толерантность и перспективы развития общества / Толерантность и полисубъектная социальность: Материалы конференции (Екатеринбург, 18–19 апреля 2001 года). – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2001. – с. 100.

² Бенин В.Л. Культура. Образование. Толерантность: монография [Текст]. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 192 с.

³ Аминов Т. М. Новая концепция историко-педагогического исследования // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 445–449.

⁴ Ибрагим Т.К. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. – Москва: ИД «Медина», 2015. – 576 с.

⁵ Толкование Корана. Ибн Касир: в 4-х тт. Перевод А.А. Шипиловой. – М., Аль-Китаб, 2015. Том I. 768 с.

с открытыми оппонентами или даже неприятелями, но и с друзьями и единомышленниками. В качестве примера договора с оппонентами можно привести следующий хадис: «Вот о чём условился Мухаммад ибн ‘АбдуЛлах: он войдёт в Мекку, не вынимая оружия из ножен»¹. В качестве примера договора с последователями можно привести содержание соглашений известных в истории ислама Первой и Второй присяги: «Мы поклялись Посланнику Божьему не служить никому, кроме Бога, не красть, не прелюбодействовать, не убивать своих детей», а также: «Мы принесли... присягу слушаться и повиноваться в счастье и неудовольствии». Принципиальной является также установка на необходимость повиновения официальному правителю (то есть, соблюдать социальный договор с ним): «Вы должны слушаться и повиноваться, даже если над вами поставлен эфиопский раб».

Педагогическая установка на выстраивание договорных отношений проявляется не только в четкой регламентации прав и обязанностей, но также в однозначном определении социальных ролей и функций субъектов взаимодействия. Это особенно ярко прослеживается в разъяснении вопросов семейно-родственных связей, торгово-имущественных взаимоотношений, вопросов управления и права, межконфессиональных отношений. Данные сферы являются одними наиболее чувствительными и конфликтными по своей природе, а потому нуждаются в особых мерах для установления и поддержания толерантных взаимоотношений.

Серьезное воспитательное значение в мусульманских религиозных первоисточниках уделено вопросам заключения или расторжения брака: «Женитесь на тех, что приятны вам, женщинах» (4: 3); «И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры» (4: 22). В одном из хадисов запечатлено: «Важнейшим является выполнение вами обязательств, взятых на себя при заключении законного брака». Данные аяты лаконично и однозначно предписывают заключать брак по любви, остерегаться близкородственных связей и подходить к построению

семьи с предельной ответственностью. В свою очередь, подобные предпосылки построения общественных взаимоотношений являются лучшей профилактической мерой возникновения конфликтных ситуаций в дальнейшем.

В числе вопросов семьи в Коране рассматриваются взаимоотношения между детьми и родителями: «Мы заповедали человеку делать добро его родителям» (46: 15), усыновления: «Зовите их (т. е. приемных детей) по [именам] их [кровных] отцов, это более справедливо пред Аллахом. Если же вы не знаете их отцов, то они [все же] – ваши братья по вере и ваши близкие» (33: 5), родственных связей и отношения к сиротам: «делать добро родителям, а также родственникам, сиротам и беднякам» (2: 83), «бойтесь разрывать родственные связи» (4: 1), раздела имущества при наследовании: «Мужчинам принадлежит доля из того, что оставили родители и ближайшие родственники, и женщинам принадлежит доля из того, что оставили родители и ближайшие родственники» (4: 7). Обращает на себя внимание, что однозначная и строгая регламентация взаимоотношений затрагивает наиболее чувствительные стороны внутрисемейных связей. Проблемы отцов и детей, сиротства, раздела имущества относятся к разряду вечных и особо нуждаются в регулировании со стороны высшего, непререкаемого авторитета. Лишь при таких условиях общество может рассчитывать на позитивную и конструктивную толерантность во взаимоотношениях.

Основополагающие правила торгово-имущественных взаимоотношений отражены в десятках аятов, повествующих об отношении к материальным богатствам: «Не пожирайте незаконно между собой своего имущества и не подкупайте судей, чтобы пожирать часть имущества людей» (2: 188), «Вы непременно будете испытаны своим имуществом» (3: 186), о путях их приобретения: «Не пожирайте своего имущества между собой незаконно, а только путем торговли по обоюдному вашему согласию» (4: 29) и расходования: «благочестив..., кто раздавал имущество, несмотря на свою любовь к нему, родственникам, сиротам, бедным, путникам и просящим, расходовал его на освобождение рабов» (2: 177), о богатых: «Пусть обладающие достоинствами и достатком среди вас не клянутся, что не будут помогать

¹ Сахих аль-Бухари. Перевод: Владимир Абдулла Нирша. 1-е издание. М., Благотворительный Фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим». 2002. Т. 1 – 475 с.

родственникам, беднякам» (24: 22) и бедных: «Если при разделе наследства присутствуют родственники, сироты и бедняки, то одарите их из него и скажите им слово доброе» (4: 8), о благотворительности: «Раздавать милостыню, совершать одобряемое или примирять людей. Тому, кто поступает таким образом, стремясь к довольству Аллаха, Мы даруем великую награду» (4: 114), запрете на ростовщичество: «Те, которые пожирают лихву, восстанут, как восстает тот, кого сатана поверг своим прикосновением» (2: 275), о различных видах имущественных сделок: «Если должник находится в трудном положении, то дайте ему отсрочку, пока его положение не улучшится» (2: 280). Приведенные фрагменты позволяют отметить, что проблема имущественных взаимоотношений плавно переводится здесь в морально-этическую плоскость («благочестивые», «обладающие достоинством», «скажите им слово доброе», «примирять людей»). Последнее актуализирует важность воспитательной работы, что дополнительно указывает на особую роль и статус воспитателя – наставника – учителя, поскольку именно его деятельность напрямую связана с трансляцией указанных качеств своим подопечным.

Поскольку вопрос приобретения, владения, распределения и отношения к материальным благам является одним из наиболее конфликтных, его однозначная регламентация «свыше» снимает множество «острых углов» во взаимоотношениях. Такая независимая регламентация настраивает на ровные и толерантные отношения даже по такой чувствительной пограничной линии, как богатые и бедные, которая на протяжении всей истории человечества служила причиной разжигания конфликтов – от локального до глобального масштаба. Воспитание подрастающего поколения в духе подобных установок играет своего рода иммунитетом для множества социальных проблем, вызванных внутренним неприятием «инаковости» социального и материального плана.

Испытание властью, проблема полномочий и социальной ответственности также является одними из наиболее конфликтных факторов. Именно поэтому данная область также требует однозначного определения границ. Обучение этим границам подрастающего поко-

ления будет способствовать воспитанию в них чувства социального долга и толерантности во взаимоотношениях.

Вопросы управления и права, упомянутые в Коране, затрагивают проблемы совещательности власти: «И советуйся с ними о делах. Когда же ты примешь решение, то уповай на Аллаха» (3: 159), дееспособности: «Ни на одного человека не возлагается сверх его возможностей...» (2: 233), индивидуальной ответственности: «Позаботьтесь о себе. Если вы последовали прямым путем, то вам не причинит вреда тот, кто впал в заблуждение» (5: 105), необходимости соблюдать договоры и клятвы: «... Будьте верны обязательствам» (5: 1), объективности: «Большинство их следует своим предположениям, но ведь предположения никак не могут заменить истину» (10: 36). Следует обратить внимание, что и данные проблемы рассматриваются здесь не с сугубо рациональных позиций, но пропитаны духовностью и высокой моралью («уповай на Аллаха», «прямой путь», «истина»), что концентрирует внимание на воспитательных аспектах аудиторрии.

Вопросы межконфессиональных взаимоотношений акцентированы на необходимости не только по-доброму воспринимать представителей иных мировоззрений: «Среди обладателей писания есть община стойкая... Они спешат друг перед другом в совершении благого; они – праведники» (2: 114), но призывают представителей иной религии (христиан) крепче держаться своего писания: «И пусть судят обладатели Евангелия по тому, что низвел в нем Аллах» (5: 47). Таким образом, Коран учит, что, во-первых, понятие праведности не связано напрямую с принадлежностью к определенной религии, а, во-вторых, призывает обладателей иных небесных писаний в полной мере придерживаться принятых ими же самими истин.

Немаловажно отметить тот факт, что, регламентируя некие нормы, перечисленные фрагменты подразумевают внутреннюю духовную мотивацию индивида. Сдерживающим фактором при этом служит не столько страх перед общественным мнением или карательными рычагами социума, сколько чувство ответственности более высокого плана – ответственности перед истинами высшего порядка. Нет сомнения, что подобная мотивация, основанная

на воспитанных с детства благородных чувств, несоизмеримо стабильнее и прочнее всех других мотиваций.

Столь четкая однозначность в регламентации социальных функций, подкрепленная заключением соответствующих договоров, гарантом которых является само священное писание, если и не избавляет полностью от конфликтных ситуаций, то сводит их проявление к минимуму. Последнее, в свою очередь, является серьезной основой выстраивания конструктивных взаимоотношений, гарантом которых служат позиции толерантности.

Необходимость разработки новых технологий воспитания, поиск новых ценностных ориентиров становятся ключевыми педагогическими проблемами.

Литература

1. Алексеев О.А. Толерантность и перспективы развития общества / Толерантность и полисубъектная социальность: Материалы конференции (Екатеринбург, 18–19 апреля 2001 года). – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2001. – 100 с.

2. Аминов Т. М. Новая концепция историко-педагогического исследования // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 11. С. 445–449.

3. Бенин В.Л. Культура. Образование. Толерантность: монография [Текст]. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 192 с.

4. Бондырева С.К. Толерантность (введение в проблему) [Текст] / Светлана Константиновна, Д. В. Колесов; С. К. Бондырева, Д. В. Колесов. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. – 240 с. – (Библиотека психолога).

5. Ибрагим Т.К.. Коранический гуманизм. Толерантно-плюралистические установки. – Москва: ИД «Медина», 2015. – 576 с.

6. Сахих аль-Бухари. Перевод: Владимир Абдулла Нирша. 1-е издание. М., Благотворительный Фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим». 2002. Т. 1 – 475 с.

7. Сунан Абу Дауда. Сборник хадисов / Перевод с арабского. – Казань: Издательство «Иман», 2012. – 888 с.

8. Толкование Корана. Ибн Касир: в 4-х тт. Перевод А.А. Шипиловой. – Москва, Аль-Китаб, 2015. Том I. 768 с.

На арабском языке:

9. القرآن الكريم
10. صحيح مسلم بشرح النووي مكتبة الصفا – القاهرة 2003
11. سنن ابن ملجة للحافظ أبي عبد الله محمد بن يزيد القزويني دار الحديث – القاهرة 2005
12. سنن أبي داود للإمام الحافظ المصنف المتقن أبي داود سليمان بن الأشعث السجستاني الأزدي دار الحديث – القاهرة 1999
13. سنن الترمذي لأبي عيسى محمد بن عيسى بن سورة دار الحديث – القاهرة 2005
14. سنن النسائي بشرح الإمامين السيوطي والسندي دار الحديث – القاهرة 1999

РЕЛИГИЯ В РОССИИ: ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ

УДК 28 (571.6)

ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИСЛАМА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Гарифуллин Артур Сиренович,

*Полномочный представитель Верховного муфтия
ЦДУМ России на Дальнем Востоке,
председатель ДУМ Дальнего Востока*

На протяжении уже нескольких лет Центральное духовное управление мусульман России активно ведет работу по формированию и функционированию организационной системы развития традиционного ислама на территории Дальнего Востока.

С этой целью отдельным Указом Верховного муфтия России Талгатом сафа Таджудином было учреждено Духовное управление мусульман Дальнего Востока, на которое и были возложены вопросы регулирования жизни мусульман в данном регионе страны.

В процессе деятельности Духовное управление мусульман Дальнего Востока изначально столкнулось с проблемой формирования единой и неделимой структуры мусульман на территории ДФО.

Значительную часть мусульманской уммы на Дальнем Востоке составляют выходцы из Средней Азии (в частности граждане Узбекистана и Кыргызстана и Таджикистана) и Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). В основном это те люди, которые имеют свое восприятие ислама, его канонов, норм и традиций, свое понимание устройства мусульманского мира, в некоторых аспектах отличное от видения российских мусульман.

Поэтому важнейшей задачей для Духовного управления мусульман Дальнего Востока стало планомерное формирование и гармоничное функционирование единой платформы для развития традиционного ислама с привлечением всех заинтересованных лиц.

Только открытость и доступность функционирования данной платформы смогут эффективно и сбалансированно поддерживать развитие исламского мира на Дальнем Востоке, гармонизируя его со всем обществом.

В связи с этим на протяжении первой половины 2016 года Духовное управление мусульман начало работу по созданию общественной программы развития традиционного ислама в данном регионе страны.

К этой работе были привлечены многие имамы, мухтасибы, специалисты в области истории и культуры ислама и различные общественные деятели.

В результате данных взаимодействий и контактов была сформирована программа развития, рассчитанная на ближайшие десять лет, с определением этапности в ее реализации.

В настоящее время данная программа по своей сути является уникальным документом, не имеющей аналогов на территории Российской Федерации, в сфере развития традиционного ислама, и имеет научное обоснование, которое изложено в научной работе автора, а именно в магистерской диссертации.

Целями реализации настоящей программы является популяризация и систематизация развития традиционного ислама на Дальнем Востоке, профилактика распространения экстремизма, укрепление межрелигиозного и межнационального мира и согласия, развитие взаимодействия и сотрудничества пользователей Программы на постоянной и плановой основе.

И здесь видится два направления для деятельности.

Первое направление – это работа непосредственно с мусульманской уммой, которая включает в себя формирование единой и централизованной системы управления в мусульманском мире на Дальнем Востоке; организации и проведения совместных открытых мероприятий (круглых столов, встреч, диалогов, семинаров, фестивалей, конференций) по развитию традиционного ислама; проведение мероприятий по духовному и социальному развитию молодого поколения мусульман, их адаптации к современной жизни в обществе; развитие халяль культуры и создания единого информационного пространства мусульман на Дальнем Востоке.

Второе направление – это работа с внешней средой, с различными государственными, общественными, образовательными, научными и некоммерческими организациями на Дальнем Востоке с целью формирования открытой и прозрачной среды взаимодействия и сотрудничества, развития института лояльности и толерантности в обществе по отношению к мусульманскому миру, укрепление в глазах обывателей устойчивого и правдивого имиджа мусульманина, исповедующего и применяющего традиционные нормы ислама.

На наш взгляд, реализация вышеуказанных направлений для деятельности Духовного управления мусульман России, есть сложная, кропотливая и последовательная работа.

Недаром срок, отведенный для реализации общественной программы развития традиционного ислама, определен в десять календарных лет.

Бесспорно, что фундаментом, или базовой основой, в реализации данной программы должно стать образовательное начало, включающее просветительские и гуманитарные корни.

Это, конечно же, исследование состояния уровня реализации образовательных программ по истории и культуре ислама с дальнейшим мониторингом ключевых его показателей; разработка рекомендаций и предложений по формированию интеграционных процессов в вопросах организации и реализации образовательных программ; формирование и введение рейтинга медресе, исламских университетов и иных специализированных учебных заведений;

организация и реализация образовательных и научных обменов среди имамов и мухтасибов Дальнего Востока.

Решение поставленных задач невозможно в современном мире в одиночку, опираясь только на одно, порой субъективное и не до конца взвешенное мнение.

Поэтому Духовное управление мусульман Дальнего Востока заинтересовано и ищет надежных и стабильных партнеров. В 2016 году Духовным управлением был подписан ряд соглашений с Епархиями и Митрополиями, находящимися на территории ДФО, идет тесное взаимодействие с Хабаровской православной семинарией, где с 2014 г. председателю ДУМ ДВ было доверено вести дисциплины, связанные с традиционными религиями и историей мировых религий, что, в свою очередь, является первым в стране образовательным контактом традиционных религий на столь высоком уровне.

В начале 2017 года было оформлено долгосрочное соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между Духовным управлением мусульман Дальнего Востока и Башкирским государственным педагогическим университетом им. М. Акмуллы, в рамках которого университет будет оказывать методическую, образовательную и рекомендательную поддержку для духовного управления мусульман. В настоящее время Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы является одним из ведущих вузов страны в вопросах теории и практики использования истории и культуры ислама в деле развития традиционного ислама в стране.

Нам важно понимать, что та работа, которую сейчас мы проводим на Дальнем Востоке, ведется в строгом соответствии не только с нормами и постулатами традиционного ислама, но и учитывает наработанный исследовательский, образовательный и просветительский опыт.

В ближайшее время будет дан старт началу реализации данного соглашения.

Последовательно и системно мы будем совместно заниматься всем спектром поставленных вопросов, укрепляя мир в исламском мире и согласие в самом обществе.

И мы уверены, что результат наступит и даст необходимый эффект, создав все условия

и возможности для развития традиционного ислама не только на Дальнем Востоке, но и во всей стране. Так как солнце восходит именно здесь на Дальнем Востоке нашей страны.

От редакции:

В начале года, 9 января, в день 50-летия БГПУ им. М. Акмуллы состоялось подписание соглашения между БГПУ им. М. Акмуллы и Духовным управлением мусульман Дальнего Востока (Председатель Гарифуллин Артур Сиренович).

В рамках соглашения 20 марта в БГПУ им. М. Акмуллы прошел дистанционный семинар-совещание на тему «Перспективы развития исламского образования на евразийском пространстве». В режиме реального времени состоялся диалог Уфы и Хабаровска и конструктивный обмен мнениями о проблемах развития исламского образования. Проректор БГПУ им. М. Акмуллы Алмаз Мустаев, ректор РИУ ЦДУМ России Артур Сулейманов, директор МНИЦ РМО Данияр Абдрахманов представили информацию об опыте работы по реализации федеральной Программы по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Дальневосточные партнеры обозначили наиболее важные проблемы развития культуры ислама, межконфессиональных отношений. Как представители мусульманского духовенства, так и государственные деятели отметили важность формирования многоуровневой структуры мусульманского образования, подготовки квалифицированных

специалистов для работы на Дальнем Востоке, где мусульманская умма рассредоточена на сегодня на обширной территории, что обуславливает определенные сложности как в процессе управления, так и создания религиозных образовательных организаций. В этом плане сотрудничество с БГПУ им. М. Акмуллы, РИУ ЦДУМ России может быть весьма плодотворным. Первоочередная задача – подготовка специалистов с педагогическим образованием для работы как в Хабаровске и Хабаровском крае, так и в других населенных пунктах Дальневосточного региона: Амурской области, Еврейской автономной области, Камчатском крае, Магаданской области, Приморском крае, Республике Саха (Якутия), Сахалинской области и Чукотском автономном округе. В перспективе цель – открытие на базе мечети г. Хабаровска медресе.

Также весной была реализована 72-часовая дополнительная очно-дистанционная образовательная программа «Теория и практика управления мусульманской религиозной организацией» для представителей духовенства и работников религиозных образовательных учреждений Духовного управления мусульман Дальнего Востока, по которой прошли обучение более 20 человек. Торжественное вручение дипломов состоялось в Хабаровске в рамках III мусульманского форума «Ислам на Дальнем Востоке: уникальное и всеобщее».

В БГПУ им. М. Акмуллы ведется работа по разработке нормативно-правовой и учебно-методической документации по открытию медресе на территории Дальнего Востока.

УДК 37:28

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ГОСУДАРСТВА В МУСУЛЬМАНСКОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.:
ЗАДАЧИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ**

*Кулбахтина Айгуль Зинуровна,
Зав. кафедрой гуманитарных наук
Башкирского института физической культуры,
кандидат исторических наук, доцент*

Со второй половины XIX в. особое внимание начальному образованию уделялось в многонациональных регионах, таких как Поволжье и Южный Урал. Преобладание исламоориентированного социума в указанном регионе привело к столкновению интересов двух духовных миров: православия и мусульманства. Поэтому помимо образовательных, школа решала и интегративные задачи.

С середины 60-х годов XIX в. Министерство народного просвещения стало целенаправленно изучать вопросы «системы мусульманского образования»¹. Такие вопросы как язык обучения и программа начальной школы приобретали особый статус в многонациональном государстве.

Руководство Министерства народного просвещения во главе с графом Д.А. Толстым наметило вектор нового курса школьной политики. В ходе серии совещаний в Министерстве народного просвещения были выработаны основные меры к образованию инородцев. Они носили принципиально новый характер. Если раньше обучение инородцев велось в миссионерских школах, не основываясь на конкретной педагогической идее, то теперь инородческое образование было подчинено системе Н.И. Ильминского, которая базировалась на введении в начальной школе обучения на родном языке учащихся. Также на родном языке должны были происходить толкование Священного писания, пение молитв и богослужение. Фактически, материнский язык использовался для «трансляции и индоктринации основ православия». Апробация нового метода пред-

полагалась в особых правительственных школах, специально для того учрежденных. Однако введение обучения на родном языке, по мнению противников новой образовательной концепции, могло вызвать неконтролируемый подъем этнического самосознания и препятствовать целям ассимиляции.

Стратегическая цель новой образовательной системы проиллюстрирована в докладе Министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего Отечества, бесспорно, должно быть обрусение и их слияние с русским народом». Тактическую линию данной правительственной политики можно вывести из основных положений инструкции для учителей башкирских школ, выработанной в 1865 г. «путем обучения грамоте ознакомление со спасительными истинами христианской веры и подготовка к свободному, сознательному принятию христианства»².

26 марта 1870 г. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»³. Данная правовая норма составила основу законодательства о просвещении «инородцев». В соответствии с ней учреждался новый тип начальной школы для нерусского населения – «русско-инородческие школы» с русским языком преподавания⁴.

Правила распространялись на Казанский и Одесский учебные округа. Казанский учебный округ был очень крупной административной единицей. В него входили Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Оренбургская,

² ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 1110.

³ ПСЗ РИ. – Т. 41. – Отд. I. – № 48185.

⁴ Ямаева Л.А. Вопросы школьного образования и мусульманская фракция в Государственной Думе России (1906–1912 гг.) // Ядкарь. – 1996, № 1. – С. 134–138.

¹ Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Часть первая. – М.-Л., 1936.

Вятская, Пермская, Пензенская и Астраханская губернии. Это затрудняло адекватное функционирование различных ведомств внутри него. Гигантская бюрократическая машина была медлительной и неповоротливой. Поэтому требовалось выделение нескольких учебных округов из состава Казанского. В 1874 г. был учрежден Оренбургский учебный округ. «Главными основаниями для учреждения нового учебного округа, – считал попечитель Лавров, – послужили необходимость приведения разнородных элементов в единение общих интересов с государственной властью и господствующим народом, а также установление правительственного контроля в деле устройства новых школ для огромного числа инородцев и правильного ведения просветительской и воспитательной работы в них».

Закон разделял нерусские народы России на три категории:

I – «народы весьма мало обрусевшие», к которым относились народности Восточной Сибири и Урало-Волжского региона.

II – «народы, живущие в районах, населенных русскими». Среди них можно отметить грузин.

III – «народы, достаточно обрусевшие», к примеру украинцы и белорусы¹.

Среди «весьма мало обрусевших народностей Урало-Поволжья» просматриваются три группы «инородцев»: христиане, мусульмане и язычники. Согласно этой дифференциации и происходило формирование русско-инородческих школ.

Русско-мусульманские учебные заведения на исследуемой территории были представлены русско-башкирскими, русско-татарскими и русско-казахскими школами. Русские классы при медресе также можно отнести к данному разряду, так как основной упор в этих школах делался на изучение русского языка. Преподавание «Закона божьего» для магометан заменялось исламским вероучением². Русский язык вводился в новые школы не в качестве учебного предмета, он «стал инструментом самого преподавания». Исследователи пытаются интерпретировать данный факт как проявление

обрусительной политики. Однако не имеет смысла оспаривать необходимость изучения государственного языка нерусскими народами, живущими в Российской империи. Просвещенная мусульманская общественность отчетливо осознавала факт, что в XIX в. на фоне бурно развивающихся капиталистических отношений знание русского языка было не столько прогрессивным явлением, сколько необходимым условием существования нерусских народов в составе Российского государства. Поэтому она не противилась ему. Более того, представители башкирской и татарской элиты старались обучать своих детей в русскоязычных школах. Муфтий С.Г. Тевкелев отмечал, что основная цель, преследуемая введением «русского языка в программу обучения мусульманских детей», заключается «в развитии последних».

По системе Н.И. Ильминского занятия в школах должны были вести либо русские учителя, хорошо владеющие родным языком учащихся, либо преподаватели из родственной учащимся среды. Срок обучения в школах длился также четыре года. Упомянутый тип учебных заведений реализовывал программу начальных училищ. Учебный курс состоял из русского языка, чистописания, арифметики и мусульманского вероучения. Начальное обучение происходило на родном языке, постепенно осуществлялся переход к обучению на русском языке. Специально для этих школ издавались учебники, отпечатанные русским шрифтом, «дабы совершенно отторгнуть татар, казахов и башкир от мусульманской письменности»³.

Под действием Правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» попадали и мусульманские конфессиональные школы (мектебы и медресе). В соответствии с этим для всех учеников указанных школ в возрасте до 16 лет водилось обязательное обучение русскому языку, который преподавался в русских классах, созданных при них. При этом предписывалось «в видах устранения со стороны татар всякого подозрения относительно духа этого преподавания, не препятствовать лицам, заведывающим мектебами и медресе или обучающим в них, присутствовать, если пожела-

¹ ПСЗ РИ. – Т. 41. – Отд. I. – № 48185.

² ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 444.

³ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. – 144 с.

ют, на уроках в русских классах»¹. «Правила» декларировали создание русских классов при существующих мектебах и медресе. Открытие новых профессиональных школ ставилось в зависимость от возможности и желания сельской общины содержать учителя русского языка при религиозной школе. В тех случаях, когда в одном населенном пункте было несколько традиционных школ, можно было ограничиться открытием одного русского класса. Как правило, башкиры не имели даже такой возможности. Депутат от мусульманской фракции Г.Х. Еникеев в своем выступлении на III Государственной Думе отмечал, что «мусульманские народы осознают необходимость обучения русскому языку», но «положение мусульман в отношении образования своих детей крайне тяжелое», ибо «за последние десятилетия» мусульманское население «страшно обеднело и... не в состоянии содержать свои школы»². «Для содержания таких классов требуется минимум 400 руб. в год», – осведомляет известный татарский общественный деятель Р. Ибрагимов³. Тогда, как мектебы и медресе обходились приходу во много раз дешевле.

В 1882 г. «Правила» подверглись пересмотру. Александр III предписал учебным властям «оставить мектебы и медресе в покое» и ограничиться лишь сбором статистических сведений о них⁴. Обязательность русских классов была отменена⁵.

В 1891 г. вышло «Положение об обязательном знании русского языка муллами», в котором объем «знания» определялся программой русско-башкиро-татарских школ или русских классов при медресе. Установление образовательного ценза для духовных лиц значительно подняло «практическую значимость русских классов». Они стали посещаться не только детьми, но и взрослыми шакирдами.

¹ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах. – Казань, 1898.

² Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906–1907 гг. Сборник документов и материалов.

³ Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.) – Уфа, 2000. – 259 с.

⁴ Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах. – Казань, 1898.

⁵ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. – 144 с.

«Правила» приветствовали и всячески поощряли совместное обучение всех групп «иноверцев» вместе с русскими детьми. Однако обучение крещенных инородцев и язычников с магометанами не допускалось. Очевидно, изоляция мусульманских детей от нерусских народностей, с одной стороны, и смешанное обучение всех их с русскими детьми, с другой, должно было, по замыслу организаторов «Правил», ускорить русификацию и тех и других. Побочным эффектом данного ограничения стало прогрессивное влияние русскоязычного компонента на молодое поколение мусульман. «Даже русский элемент в уездных училищах оказывает большое влияние на магометанских мальчиков», – отмечает М. Уметбаев в своем заявлении на VII Уфимском уездном собрании 24 октября 1881 г.⁶

Русско-инородческие училища находились в подчинении Министерства народного просвещения. Решение об их открытии принимал попечитель учебного округа. Организационные вопросы о непосредственном открытии школ, переговоры с местными жителями об условиях их содержания возлагались на уездные земства⁷. Надзор за школами осуществлялся инспекторами народных училищ. Для координации усилий местных властей и улучшения организации инородческого образования в Казанском учебном округе учреждалась должность инспектора татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ⁸. В 1871 г. этот пост занял В.В. Радлов. С образованием в 1874 г. Оренбургского учебного округа, в состав которого входили Оренбургская, Уфимская, Пермская губернии и Тургайская область, аналогичную должность инспектора занял В.В. Катаринский.

В целом, «Правила об образовании инородцев» наметили курс школьной политики, осуществляемой со второй половины XIX в. до 1905 г. Но этот закон был не единственным, чье влияние непосредственно отразилось на развитии народного образования в крае.

⁶ Вестник Уфимского земства. – Вып. 4. – Уфа, 1882.

⁷ Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.). Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа: Гилем, 2005.

⁸ Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия». – 672 с.

Государственные преобразования второй половины XIX в. напрямую затронули исследуемый регион. «Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г. заложило начало ликвидации кантонной системы управления и перевело башкир, мишарей и тептяр из военно-служилого сословия в гражданское (т. е. податное). Внушительная сумма из фонда «башкирского капитала» (290 тыс. руб.) была переведена в Министерство народного просвещения. Целевое назначение перевода определялось как «устройство и содержание начальных училищ в местностях, населенных башкирами»¹. Таким образом, соблюдалась определенная преемственность в русскоязычном образовании башкир, мишарей и тептяр, начало которому было положено еще в дореформенное время.

1 января 1864 г. было издано «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», согласно которому создавались органы местного самоуправления². На территории Уфимской губернии земства появились после постановления Государственного совета «О распространении земских учреждений на территории Уфимской губернии» от 14 мая 1864 г. Оренбургская губерния была лишена земств до 1912 г.³

14 июля 1864 г. вышло «Положение о начальных народных училищах», на основе которого была осуществлена реформа народного образования⁴. Новый закон декларировал право на образование всех граждан без различия сословий, вероисповедания и пола. Строительство и содержание школ и больниц входило в круг деятельности земских учреждений. Государство не финансировало земства. Их бюджет формировался путем налогообложения населения. Расходы земства делились на «обязательные» и «необязательные»⁵. Любопытно, что расходы на нужды народного образования и здравоохранения относились к «необязательным» и включались в смету лишь по решению земского собрания. Примем во внимание тот

факт, что мусульманское население края составляло половину общего населения, следовательно, и число налогоплательщиков губернии. Соответственно этому должно было происходить и участие земств в судьбе просвещения башкир и татар на территории данных губерний. Однако документы начала XX в. убеждают нас в обратном. Так, в докладе Уфимской губернской земской управы 1907 г. говорится, что «расходы уездных земств на народное образование составляют 1/3 всего бюджета», а «расходы губернского земства не превышают 12%»⁶. В деле с программой обследования мектебов 1912 г. указывается, что «мусульмане составляют 49% от общего населения губернии, и вопрос об образовании должен занять почетное место. Мы должны будем признать, что земство сделало очень немного и очень немного потрачено средств для образования мусульман».

По новому законодательству было завоевано право открытия и содержания начальных учебных заведений органами местного самоуправления и общественностью, что должно было ускорить создание массовой народной школы. Процедура выглядела следующим образом: сельский сход принимал решение об открытии школы. На нем же обсуждались вопросы обеспечения помещением, назначения учителя и текущее содержание (отопление, освещение и ремонт) учебного заведения. Далее решение направлялось мировому посреднику для заверения, после чего документы попадали попечителю Оренбургского учебного округа. Последней инстанцией было Министерство народного просвещения, которое давало разрешение на открытие школы либо отказывало в этом. Весь процесс занимал в среднем около полугода. Но сложности начинались после этого. Основные проблемы при открытии школы составляли отсутствие подходящего помещения, слабое финансирование, кадровый дефицит и нежелание местного населения отдавать своих детей в эти школы.

Несмотря на указанные сложности к начальному периоду реформирования относятся появление русско-башкирских и русско-татарских школ в деревнях Асяново, Байгужа, Бураево, Каршино, Маскаково Бирского уезда,

¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 1110.

² ПСЗ РИ. – Т. 39. – Отд. II. – № 40457

³ Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия». – 672 с.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). – Т. 38. – Отд. II. – № 41068.

⁵ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – Уфа: Китап, 2006. – 484 с.

⁶ ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 13.

Илтабаново, Рахматово, Темясово Верхнеуральского уезда¹.

На количество поступающих в народные училища положительно отразилось принятие закона о всеобщей повинности 1874 г., по которому сокращался срок воинской службы для закончивших начальные училища.

31 мая 1865 г. было утверждено «Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний: Уфимской и Оренбургской» «... для устранения затруднений и неудобств в управлении нынешней Оренбургской губернией». С этого времени в г. Уфе была сосредоточена военная, гражданская и школьная администрация. Создание из крупной административно-территориальной единицы более мелкой способствовало мобильности в системе государственного регулирования. Первым губернатором только что образованной губернии стал Г.С. Аксаков.

В конце 1865 г. Г.С. Аксаков сообщил о проведении в жизнь постановления Сената от 2 июня 1865 г. относительно распространения русской грамотности среди башкир Уфимской губернии². Государственной школой, согласно данным губернатора, было охвачено 233 представителя коренной национальности (190 мальчиков, 43 девочки, учившиеся в Бирском женском училище). Государственный Совет отпустил 13 713 руб. серебром в год на обучение этих детей. Г.С. Аксаков ходатайствовал о том, чтобы средства, отпущенные правительством, расходовались исключительно на обучение башкирских детей в уездных и приходских училищах³. А сельские мектебы, которыми была охвачена 1/3 мусульманского населения мужского пола, по мнению губернатора, «не имели образовательного значения»⁴. Поэтому рассчитывать на земское финансирование они могли только после «введения в них русской грамоты». Простейшее средство в осуществлении этого замысла Аксаков видел в знании русского языка самим духовенством.

Реализация программы народного образования была сопряжена с серьезными трудностями. Остро стояла проблема с помещением для новых школ. Как правило, дома арендовались у частных лиц или сельских обществ. Население несло так называемую «квартирную повинность» по содержанию школ. Распространенным было явление, когда ученики жили в одном помещении с учителем. Как сообщал Директору народных училищ учитель Кара-Якуповской школы: «Ученики из другой деревни живут частью в моей комнате, частью в сенях». Собственные здания для школ были большой редкостью даже в конце XIX в. Отпечаток наложило и тяжелое финансовое положение земств, в котором они оказались в последней трети XIX в. Учитель параллельно с обучением детей занимался отоплением и ремонтом помещения. Изменения наступили на рубеже XIX–XX вв., когда началось строительство новых школьных зданий. За 9 лет (с 1899 г. по 1907 г.) в Уфимской губернии было открыто 230 школ.

Учреждение новых школ требовало качественной подготовки учительских кадров. Для этого в 3-м пункте части 2 «Правил» ставилась задача создания татарских учительских школ⁵.

27 марта 1872 г. было утверждено «Положение о татарских учительских школах в городах Уфе и Симферополе»⁶. Пункт 5 «Положения» приравнивал учительские школы к разряду средних учебных заведений и наделял общими правами с прогимназиями ведомства Министерства народного просвещения. Во главе школы стоял инспектор, имеющий педагогическое образование и опыт работы, знающий татарский язык. Срок обучения в школе составлял 4 года (по году в каждом классе). Учебный курс татарской учительской школы состоял из следующих предметов: русский язык; арифметика, с кратким курсом геометрии и черчением; география, преимущественно русская, с краткими сведениями о важнейших исторических событиях, изучаемых стран, особенно России; объяснение местных произведений и явлений природы; основания педагогики и дидактики; чистописание и рисование; магометанское вероучение. Также воспитанники

¹ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – Уфа: Китап, 2006. – 484 с.

² Леонов Н.И. Реформа народного образования 1864 г. в Башкирии. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI–XX вв. – Уфа, 1994.

³ Там же.

⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-9. – Оп. 1. – Д. 1675.

⁵ ПСЗ РИ. – Т. 45. – Отд. I. – № 40457.

⁶ ПСЗ РИ. – Т. 48. – Отд. I. – № 50660.

обучались гимнастике и некоторым ремеслам (переплетному, токарному и т.п.). «Обучение ремесел должно быть серьезно поставлено во всех учебных заведениях, приготавливающих учителей». Оно способствует развитию «ловкости и силы в руках и пальцах, сметливости и т. п.», – замечает преподаватель Казанской татарской учительской школы П.В. Траубенберг¹. Далее он указывает, что ученики с большой любовью занимались столярным и переплетным мастерством, так как «будущий учитель народной школы должен непременно уметь сам переплести прочно и изящно книгу, сделать тетрадь, склеить папку, геометрическую и минералогическую модель, сделать простую классную мебель, классную доску»². Таким образом, на учителя возлагалась обязанность полностью обеспечивать учебный процесс: изготавливать наглядные пособия, книги и тетради, даже мебель. Учительская школа изначально готовила своего выпускника к жизни в существующей реальности и обеспечивала его необходимыми навыками для работы в условиях бедной, необеспеченной школы.

За короткий срок в регионе были созданы три учительские школы по обучению учителей «инородческих училищ»: Уфимская, Бирская «инородческая» и Орско-Оренбургская киргизская учительские школы. Выпускники этих школ в перспективе «должны были не только учить детей своих соплеменников русской грамоте, но и служить между ними проводниками русской цивилизации, быть передовыми деятелями в деле обрусения татар». То есть они становились основным средством в реализации целей, намеченных «Правилами о мерах к образованию инородцев».

В Уфимском уезде было открыто 7 инородческих училищ, в том числе 4 для мусульманских детей. По описанию действительного члена Уфимского статистического комитета и члена уфимской уездной земской управы К.Ф. Комара, составленному по материалам X ревизии, в Караякуповской волости «находятся две инородческие школы ведомства народного просвещения: одна в деревне Араслановой и в ней 20 учеников, а другая в деревне Кара-

якуповой с 8 учениками, почему знающих русскую грамоту почти нет»³. В тех селениях, где русско-инородческие классы пустовали, работали переполненные мектебы и медресе, где муллы обучали детей без всякого вознаграждения. К.Ф. Комар пишет, что «в дер. Араслановой находится с давнего времени медресе, в которой ежегодно зимой бывает до 200 учеников»⁴.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что население относилось к государственной «инородческой» школе если не «крайне настороженно», то по меньшей мере «равнодушно». Учащиеся «неаккуратно посещали занятия» в них. Существовало несколько причин для повсеместного распространения подобного явления. Основная заключалась в широкой популярности традиционного образования, получаемого в мусульманских религиозных школах, их многочисленность и относительная доступность. Другая причина крылась в недоверчивом отношении местного населения к новым школам, как к очагам христианизации. Депутат IV Государственной Думы И.А. Ахтямов в своем докладе на заседании Школьной комиссии при Уфимской губернской земской управе заявил: «Правительственные школы игнорируют бытовые, религиозные, этнографические особенности населения».

В конце XIX в. было прекращено учреждение русских классов при медресе, все чаще ставился вопрос об их закрытии. Предлогом становилось нежелание местного населения изучать русский язык.

Земство в силу своих возможностей старалось предпринимать меры для оживления инородческой школы. Земством финансировались все русские классы при медресе. Вносились предложения по привлечению к преподаванию мусульманского вероучения «по-русски грамотных мулл». Это должно было повысить рейтинг новых учебных заведений среди местных жителей. С 80-х годов XIX в. инспектора русско-инородческих училищ с санкции директора народных училищ стали обращаться к уездным земствам с просьбой о выделении жалования

¹ Казанская татарская учительская школа. 1876–1917. Сборник материалов.

² Там же.

³ Комар К.Ф. Ревизия и описание Караякуповской волости Уфимского уезда. // Вестник Уфимского земства. – Вып. 6.

⁴ Там же.

мусульманским вероучителям¹. Существование государственной школы и мусульманского общества на договорных началах, взамен принудительного характера, вызвало некое потепление в их отношениях.

Ситуация значительно изменилась после введения образовательного ценза для кандидатов на получение духовного звания. Это увеличило приток в русские классы не только мусульманских детей, но и взрослых шакирдов. Русские классы при медресе «Усмания» (г. Уфа), в Белебеевском, Бузовьязовском, Стерлибашевском и Стерлитамакском медресе стали центрами обучения мулл, здесь же сдавались экзамены на получение звания. За период с 1896 г. по 1914 г. русский класс при Белебеевском медресе подготовил 299 кандидатов на звание мулл.

Численность русско-инородческих школ до конца XIX в. увеличивалась медленно. В 1896 г. по Уфимской губернии насчитывалось 34 русско-башкирские и русско-татарские школы из 133 инородческих². Башкиры и татары были охвачены государственной школой в меньшей степени, чем другие инородцы края. Русско-башкирские и русско-татарские школы составляли 37% всех правительственных школ, в то время как мусульмане по переписи 1897 г. составляли 84,35% нерусского населения губернии. Плачевная картина состояния инородческого образования подтверждается другими данными. «В Караякуповской волости было 27 населенных пунктов, число жителей в которых составляет 14 882 чел. обоего пола. При этом школ всего три – 2 земских и одна церковно-приходская: Берказакское 75 чел., и Караякуповское (русско-татарское) 54 чел. И Ново-Троицкая церковно-приходская 47 чел. Всего в трех школах обучались 176 чел. обоего пола»³. В 1900 г. в Уфимском уезде «на 8310 душ обоего пола христианского инородческого населения – чувашей, мордвы, крещеных татар и латышей – было 4 инородческих училища или 1 училище на 2077 человек. На 133 390 тыс. душ башкир и татар-магометан было

4 русско-башкирских училища и 2 русских класса при медресе, или одно училище на 22 232 человека»⁴.

Таким образом, являясь основными плательщиками земских налогов, башкиры и татары на рубеже XIX–XX в. были ограничены в возможностях учиться в земских школах. Итоги политики просвещения «инородцев» были отрицательными. К 1 января 1905 г. оставались за бортом начальной школы и не получали грамоты 85,9% инородческих мальчиков и 97,8% инородческих девочек⁵. Уфимская губерния занимала 33-е (предпоследнее) место по обеспеченности государственной школой и одно из последних – по расходам на образование⁶.

Известный общественный деятель Г. Тергулов был обеспокоен тем, что «правительственное русско-инородческое училище не стало удовлетворительным типом начальных учебных заведений для башкир и татар, так как являлось «орудием» обрусения».

А. Семигановский считал, что «лучшим средством для образования инородцев-магометан могут служить интернаты»⁷. Эта фраза наталкивает на мысль о том, что властям не чуждо было желание вырвать мусульманских детей из родной среды, изолировать их, поместив в чуждую им русскую среду.

Указ от 17 апреля 1905 г. «О свободе вероисповедания» и Манифест 17 октября 1905 г. активизировали политические движения среди мусульман России⁸. Общественный подъем 1905–1907 гг. оказал непосредственное влияние на состояние образования в Уфимской губернии. Мусульманское население неоднократно обращалось в земские учреждения с ходатайствами о введении в русско-башкирские и русско-татарские школы преподавания родного языка.

После первой революции была сформирована солидная законодательная база по вопросам «инородческого образования». За короткий

⁴ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 534.

⁵ ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 13.

⁶ Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.). Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа: Гилем, 2005.

⁷ ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 72.

⁸ Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009.

¹ Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в первое сорокалетие XX в. – Уфа: Издание Башкирского государственного университета, 2000. – 212 с.

² ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 564.

³ ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 644.

срок было издано несколько законов: Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» (от 31 марта 1906 г.), «Правила» от 1 ноября 1907 г. и «Правила» от 14 июня 1913 г. Все они были составлены в духе обрусительной политики и подтверждали намеченный курс в вопросах национального образования.

«Правила» от 31 марта 1906 г. об инородческих училищах с самого момента своего появления вызвали отрицательное к себе отношение со стороны мусульманского населения тем, что они совершенно не соответствовали истинным нуждам в области просвещения мусульман, они устанавливали систему, в основание которой положено стремление ни естественными, а крайне искусственными мерами приобщить мусульман к общерусской культуре.

В то же время мусульманская общественность признавала, что «создавая особые училища, необходимо было принять во внимание существование мусульманских духовных школ – мектебов и медресе, служивших и служащих до ныне единственными учебными заведениями для умственного и религиозно-нравственного развития мусульман»¹.

Программа начальных училищ для мусульман, имеющих свою литературу и культуру сравнительно высокую с другими инородцами, должна была быть составлена применительно к особенностям религиозного быта мусульман как духовно самостоятельной единицы.

В августе 1906 г. в Нижнем Новгороде прошел III Всероссийский мусульманский съезд, который постановил преобразовать начальные школы для мусульман². Предполагалось ввести всеобщее начальное обучение на родном языке по единым программам, русский язык включить как предмет, содержать школы за счет государства, земства и городских самоуправлений.

Мусульманская общественность подготовила проект реформы мусульманских учебных заведений. По нему предполагалось обучение мусульманских детей на родном языке, расширение учебной программы за счет светских

предметов, русский язык вводился как предмет обучения по желанию учащихся³.

В 1908 г. был издан закон о всеобщем обучении. Активное участие в организации сети «всеобуча» принимало земство. В этот период было открыто множество новых «инородческих» школ. Обсуждались проекты включения мусульманских учебных заведений в сеть «всеобуча».

Таким образом, образовательная политика царского правительства по введению «инородческих школ» для нерусских народов юго-восточной окраины России имела определенную историческую роль. В 1903–1904 гг. из общего количества 240 инородческих школ 80 были для башкир и татар. В 1907 г. 106 школ из 304 были русско-башкирско-татарскими. По школьной переписи 1911 г. в крае функционировала 371 инородческая школа, из них 173 русско-башкирские и русско-татарские. В 1917 г. было 863 инородческие школы из них 321 русско-башкирская и русско-татарская⁴.

Государственная школа для мусульман, представленная на рассматриваемой территории комбинированными русско-башкирскими и русско-татарскими учебными заведениями, объективно имела исторически прогрессивное значение. Она сыграла значительную роль в просвещении мусульманских народов. Преподавание в них государственного языка открывало широкие возможности для безболезненной интеграции мусульманского населения в социально-экономические и политические отношения страны.

Прогрессивная мусульманская общественность отчетливо понимала необходимость изучения русского языка. Ортодоксально настроенная часть мусульманского общества видела в этом тенденцию к обрусению тюркских народов. Здесь крылась основная причина неприятия правительственных школ.

К середине XIX в. башкиры и татары накопили огромный культурно-образовательный пласт: имели собственный язык, богатые литературные традиции. Этим они значительно отличались от других нерусских народов нашего региона. Поэтому индифферентное отношение

¹ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622.

² Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009.

³ ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. Т. 1. – Д. 1115.

⁴ Обухов М.И. Народное образование в Уфимской губернии к 1917 г. – Уфа, 1917.

правительства к вопросам «инородческого» образования без учета национальных особенностей было недопустимо. Школы системы Ильминского могли заполнить образовательный вакуум. Но, к сожалению, они оказались неспособными подменить собою традиционную религиозную школу. Тем более, что русско-инонациональные школы в большей степени были ориентированы на решение миссионерских задач, а не образовательных. Об этом свидетельствует ряд аргументов: отсутствие преподавания на родном языке, преподавания родной литературы и соответствующей подготовки кадров. К тому же, время учреждения «инородческих школ» наложилось на период реформирования мектебе и медресе, которые решали задачи светской школы и национальной.

Литература

1. Азаматова Г.Б. Уфимское земство (1874–1917 гг.). Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. – Уфа: Гилем, 2005.
2. Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия». – 672 с.
3. Вестник Уфимского земства. – Вып. 4. – Уфа, 1882.
4. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России / Сост. А. Юнусова. – Уфа, 2009.
5. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – Уфа: Китап, 2006. – 484 с.
6. Казанская татарская учительская школа. 1876–1917. Сборник материалов.
7. Комар К.Ф. Ревизия и описание Караякуповской волости Уфимского уезда // Вестник Уфимского земства. – Вып. 6.
8. Леонов Н.И. Реформа народного образования 1864 г. в Башкирии // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI–XX вв. – Уфа, 1994.
9. Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. Часть первая. – М.-Л., 1936.
10. Мусульманские депутаты Государственной Думы России 1906–1907 гг. Сборник документов и материалов.
11. Обухов М.И. Народное образование в Уфимской губернии к 1917 г. – Уфа, 1917.
12. Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). – Т. 38. – Отд. II. – № 41068
13. ПСЗ РИ. – Т. 39. – Отд. II. – № 40457.
14. ПСЗ РИ. – Т. 41. – Отд. I. – № 48185.
15. ПСЗ РИ. – Т. 45. – Отд. I. – № 40457.
16. ПСЗ РИ. – Т. 48. – Отд. I. – № 50660.
17. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах. – Казань, 1898.
18. Сулейманова Л.Ш. Национальные учебные заведения в первое сорокалетие XX в. – Уфа: Издание Башкирского государственного университета, 2000. – 212 с.
19. Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период 60–90-е гг. XIX в. – 144 с.
23. Фархшатов М.Н. Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.) – Уфа, 2000. – 259 с.
24. ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 564.
25. ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 644.
26. ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 534.
27. ЦГИА РБ. – Ф. И-132. – Оп. 1. – Д. 13.
28. ЦГИА РБ. – Ф. И-9. – Оп. 1. – Д. 1675.
29. ЦГИА РБ. – Ф. И-113. – Оп. 1. – Д. 444.
30. ЦГИА РБ. – Ф. И-11. – Оп. 1. – Д. 1110.
31. ЦГИА РБ. – Ф. И-109. – Оп. 1. – Д. 72.
32. ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 11. – Д. 622.
33. ЦГИА РБ. – Ф. И-295. – Оп. 6. Т. 1. – Д. 1115.
34. Ямаева Л.А. Вопросы школьного образования и мусульманская фракция в Государственной Думе России (1906–1912 гг.) // Яд-карь. – 1996, № 1. – С. 134–138.

КУЛЬТУРА И ЦЕННОСТИ РЕЛИГИЙ

УДК 37.018

К ВОПРОСУ О РОЛИ СЕМЬИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Сизоненко Зарина Лероновна,
Ст. научный сотрудник НИИ ДБ и РРО
БГПУ им. М. Акмуллы,
канд. социол. наук, доцент*

Несмотря на достижения науки и техники, роль религиозных институтов в обществе по-прежнему значима. Обращение к вере почти половины населения страны детерминировано желанием современного человека найти ответы на вопросы нравственного характера. Присутствующее у многих людей убеждение в материальности мира не вытесняет веру как некую точку опоры, по всей видимости, необходимой людям. Как отмечают социологи, «многолетние данные мониторинга социальных ориентаций российского населения свидетельствуют о том, что в числе факторов, оказывающих постоянное воздействие на адаптацию жителей страны к новой постсоветской реальности, важное место занимают их религиозно-мировоззренческие предпочтения. Лица, заявляющие о своей приверженности разным религиям, как и нерелигиозным мировоззрениям, зачастую по-разному реагируют на те или иные события социально-политической, экономической и культурной жизни и по-разному пытаются отыскать свое место в современном обществе»¹. При этом важно понимать, что определенная часть верующих под прикрытием религиозных принципов может демонстрировать отклоняющиеся от норм модели поведения либо обладать скрытым протестным потенциалом, реализация которого чревата негативными последствиями.

Роль религиозных институтов представляется весьма существенной для формирования каналов социализации в «эпоху перемен», особенно в социально значимых проекциях. С научной точки зрения исследовательские интересы могут быть сосредоточены в поиске ответов на вопрос о том, насколько значим религиозный фактор в личностном самоопределении, как формируются этноконфессиональные установки и ориентиры, какие факторы доминируют в данном процессе? Согласно результатам общероссийского репрезентативного исследования Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N=4000), проведенного в апреле 2015 г., были выявлены некоторые аспекты воздействия религиозной веры на социально-культурное и духовно-нравственное состояние современного российского общества и, как следствие, ее возможности в качестве механизма социальной адаптации именно в России.

В Республике Башкортостан присутствует ряд особенностей, которые следует принять во внимание при оценке состояния межконфессиональных отношений. Это, в первую очередь, ярко выраженный полиэтничный состав населения (здесь можно выделить три наиболее крупные диаспоры – русские, башкиры, татары), во-вторых – большая, по сравнению со средне-русской, численность сельского населения. При этом в сельской местности проживают преимущественно башкиры – представители

¹ Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., Кофанова Е.Н. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 – С. 472.

титального для республики этноса. В итоге проблемы сельского населения в определенных ситуациях проецируются на этнонациональную структуру, создавая иллюзию неравенства в отношении некоторых народов, задавая тем самым импульс для разного рода оценочных суждений, в том числе с негативным оттенком. Религиозные организации, обладая некой духовной властью, могут реализовать функцию формирования этнотолерантных отношений в обществе. Но, с другой стороны, названный фактор может быть использован и в противоположном направлении, провоцируя не только межэтническую, межконфессиональную, но и межнациональную напряженность.

Во избежание негативных явлений и тенденций в сфере этноконфессиональных отношений необходимо принять во внимание сам механизм формирования первичных представлений об этнической и конфессиональной принадлежности. Фундаментальные мотивационные установки личности закладываются в семье, значимость которой трудно переоценить как для личности, так и для социума в целом. Индивиды, как элементы семейной системы, инкорпорируются в социум, принимая и усваивая его нормы и правила, что происходит в процессе социализации. В итоге формируется личность, осведомленная о «правилах игры», которые навязывает социальная система. При этом не следует игнорировать активное начало самой личности, способной влиять на социальные нормы, со временем добиваясь их трансформации, но эта активность также может «вызреть» в семейной системе посредством получения определенных знаний, умений, навыков, передаваемых от родителей детям, от старших – младшим, от ядерной группы к остальным элементам. В идеале семейная система должна воспроизводить не просто личность, адаптированную к жизнедеятельности в определенной природной и социальной среде, но и способную сохранять, преумножать и содействовать позитивному развитию общества. Такая задача, в свою очередь, предполагает не просто социализацию индивида, а его инкультурацию.

В научной литературе термины социализация и инкультурация зачастую выступают в качестве синонимов, с той лишь оговоркой, что социализация – категория социологическая,

а инкультурация – культурологическая. В то же время исследователи допускают, что инкультурация также может быть предметом социологических исследований, но, в отличие от социализации, речь идет о вхождении индивида в определенную культуру. Социализация также предполагает включение индивида в социум с определенной культурой. Различие здесь, скорее, в другом: социализация допускает копирование образцов поведения, иллюзию принятия норм, что позволяет «уметь казаться», но не «быть» таковым в действительности. Можно «произвести впечатление» образованного человека, грамотного и как будто бы компетентного, создать имидж, что вполне реально в современном обществе с развитыми технологиями и средствами коммуникации. Инкультурация предполагает не просто принятие норм (чисто механическое, как неких шаблонов поведения) или копирование образцов, но и критичность, избирательность по отношению к ним, понимание их приемлемости в конкретных ситуациях. Производной инкультурации является интеллигент – субъект мыслящий, критичный, рефлексирующий. Соответственно воспроизводство социальной системы осуществляется посредством социализации индивида, но качественное воспроизводство и позитивное развитие предполагает инкультурацию. Последняя выступает в определенной мере индикатором качества сформированных личностных характеристик индивида, мерилем его субъектности, наличия активного деятельностного начала, готовности к социальной деятельности. Социализированность достаточна для воспроизводства социальной системы как некий нормативный минимум, но инкультурированность есть движущая сила дальнейшего развития. Соответственно инкультурация может рассматриваться как наиболее «качественная социализация».

Учеными проанализированы стратегии социального воспроизводства посредством социализации как процесса формирования личности «по заказу» общественных структур. Успешность процесса определялась степенью соответствия «предложения» (конформной личности) – «спросу» (потребностям социума). «Неуспешность» социализации можно объяснить физиологией, генетикой самого индивида либо отсутствием четких требований

со стороны надсистемы – социума (иными словами, состоянием аномии). Психологами описаны симптомы отклонения от нормального течения социализации, обозначены участники процесса – агенты и институты социализации. Важно понимать, что во многом определяющими для социального продвижения индивида являются стартовые позиции, включающие как материальные, так и интеллектуальные ресурсы, а также наличие самой семейной системы, априори обеспечивающей «включенность» индивида в социальную систему и ее социально-стратификационную структуру. Поэтому сам факт наличия семьи уже характеризует стартовую позицию рожденного индивида, а ресурсы, предоставляемые семейной системой, в определенной мере детерминируют саму возможность усвоения социальных норм и их рационального отбора.

В современном социуме каждая семья в зависимости от ее стартовых позиций, наличных и потенциальных ресурсов формирует определенную соционормативную культуру, под влиянием которой индивид получает знания, умения, социокультурные навыки и практики:

- 1) человеческих отношений и самоопределения, в том числе культуры этноконфессиональных отношений;
- 2) обучения;
- 3) профессиональной деятельности;
- 4) организации быта и хозяйственной деятельности;
- 5) потребления;
- 6) сохранения здоровья и безопасного поведения;
- 7) политического участия и правового поведения;
- 8) экологического поведения;
- 9) организации и проведения досуга;
- 10) самореализации.

В итоге в определенной культурной среде должна сформироваться личность, обладающая соответствующими знаниями – как субъективными представлениями о реальности, умениями – как способностями к какой-либо деятельности и навыками как умениями, доведенными до автоматизма. Рассмотрим подробнее содержательный аспект и ожидаемые результаты, ресурсное обеспечение социокультурных практик человеческих отношений и самоопределения,

в том числе культуры этноконфессиональных отношений (гуманистическая культура).

Содержательный аспект и ожидаемые результаты. Ребенок учится выстраивать и оформлять отношения в разных системах – супружеских, родительских, родственных, дружеских. В домашней обстановке им наблюдаются и усваиваются ритуалы приветствия/прощания, прикосновения, обращения, просьбы, указания, понимание очередности вступления в разговор и пр. В процессе семейной социализации и воспитания приобретаются навыки самоидентификации: ребенок узнает, кто он есть по расовой, этнической, религиозной/конфессиональной, половой (гендерной) принадлежности. В семье формируются первые представления о Своих и Чужих, в чем состоят различия, насколько они значимы; усваиваются практики отношения к старшим, ровесникам и младшим, толерантного отношения к Другому (человеку другой расы, гражданства, этноса, вероисповедания, физических и умственных способностей и возможностей). В социализационной норме ребенок должен получить навыки общения в разных группах, общностях, усвоить хотя бы один язык (литературный, «без жаргонизмов», либо специальный, если это ребенок с ограничениями речевых и слуховых функций). В идеале – ребенок должен не просто усвоить навыки нормального общения, но и научиться «манерам»: быть вежливым, учтивым, предупредительным, толерантным. Это уровень инкультурации, измеримый посредством субъективных оценок. В современном мире актуализируется потребность в навыках общения в виртуальном Интернет-пространстве: по электронной почте, в социальных сетях.

Ресурсное обеспечение. Для обретения указанных навыков наибольшую важность имеет структурный ресурс семейной системы: наличие в ней элементов (членов семьи), способных демонстрировать образцы различного рода отношений: супружеских, родительских, родственных, дружеских, гендерных, поколенческих; а также степень «зрелости» самой семейной системы. Если члены семьи ведут семейный образ жизни, но не практикуют семейных отношений, ребенок (дети) с рождения наблюдают и усваивают модели конфликтных, агрессивных, нежелательных для воспроизвод-

ства отношений. Отсутствие в структуре семейной системы какого-либо элемента (матери или отца, прародителей, братьев/сестер) априори лишает возможности постичь особенности соответствующих отношений, обрести навыки общения. Разумеется, это не исключает возможности получения информации о сути тех или иных отношений: о них можно узнавать из литературы, СМИ, из услышанных жизненных историй и пр. Но в этом случае у ребенка будут формироваться Представления, Знания об отношениях, но в дальнейшем возможны сложности с практическими Навыками их реализации. Семейная система стремится компенсировать отсутствие некоторых элементов в своем составе путем перераспределения ресурсов и функциональных обязанностей, но насколько возможны и успешны такие замены, вопрос для психологов. Скорее всего, гендерные диспропорции (преобладание в семейной системе представителей одного пола), возрастные (отсутствие представителей старшего, среднего или, напротив, младшего поколения) детерминируют объективные сложности формирования соответствующих социокультурных практик. Для обретения навыков общения в Интернет-пространстве необходимы материальные ресурсы: наличие компьютера, доступ к Интернету, мобильная связь и пр.

Немаловажное значение имеют качественные характеристики членов семейной системы (уровень образования, кругозор, интеллект). Прежде всего ребенок усваивает язык, используемый в семейной системе, учится понимать возможность и допустимость публичного употребления некоторых слов и выражений. Например, навык правильного произношения слов, постановки ударения в предложении, связывания слов и построения предложений по цели высказывания и т.д. Обладание этими навыками на высоком уровне может стать предпосылкой для овладения в будущем соответствующей профессией (артист, лектор и пр.). Если взрослые члены семьи не обладают соответствующими навыками, они могут специально обучать ребенка у профессионалов, но самостоятельно овладеть навыками грамотной речи в быту, не имея образца, крайне сложно. Уровень инкультурации в усвоении указанных

практик требует наличия в семейной системе интеллектуальных, структурных и материальных ресурсов.

Особо следует выделить семью, в которой родители – верующие. В такой семье первые представления о вероучении ребенок получит от родителей и их ближайшего окружения. Сложно обозначить какие-либо закономерности о приверженности к вере со стороны ребенка, но можно предположить, что отношение к неверующим, либо к представителям других конфессий будет сформировано под влиянием родительских практик. На данный момент социологи не располагают результатами репрезентативных исследований, чтобы выявить здесь корреляции: например, между образованием, материальной обеспеченностью родителей, полнотой семьи и строгим следованием традициям. Наблюдения показывают, что в полных семьях с высоким уровнем образования родителей, гармоничными отношениями между ними у ребенка формируются скорее толерантные установки. Исследования по девиациям, напротив, подтверждают, что потенциальные преступники росли в неполных семьях, чаще у родителей, осужденных за совершение преступления(ий).

Главенствующую роль семьи в формировании навыков подчеркивают П. Бергер и Т. Лукман: «Например, технические, магические и моральные знания охотников могут передавать дядя по материнской линии своим племянникам определенного возраста посредством специальных процедур инициации. Типология знающих и незнающих, подобно «знанию», которое предполагается дать им, – дело социального определения. И «знание» и «незнание» связаны с тем, каково социальное определение реальности, а не с какими-то внесоциальными критериями когнитивной значимости. Грубо говоря, дядя по материнской линии не потому передает этот определенный запас знания, что знают его, но знают его (то есть определены в качестве знающих), *потому что* являются дядями по материнской линии. Если по каким-то причинам институционально предназначенный для этого дядя по материнской линии не может передавать это знание, он перестает быть дядей по материнской линии в полном смысле слова

и может быть лишен этого институционально признанного статуса¹.

В целом, культурный, интеллектуальный, духовный потенциал родителей во многом определяют векторы развития ребенка. Способности, талант ребенка могут раскрыться при наличии соответствующих условий, что требует определенных усилий со стороны воспитателей. Понимание важности выявления способностей у ребенка, предоставления условий для его самореализации требует наличия определенных качеств у родителей. Речь идет о так называемой «жизненной энергии», придаваемой растущему индивиду. Особенно ярко она проявляется в отношении к ребенку с ограниченными физическими возможностями: его практики самореализации в максимальной степени детерминированы усилиями взрослых из ближайшего окружения. Материальные ресурсы здесь значимы, однако их наличие не может гарантировать успешность усвоения практик самореализации. Весьма значимы доверительные отношения между родителями и детьми, авторитет взрослых членов семьи, демонстрация заслуженной и признаваемой успешности и достижений. В противном случае возможно формирование социокультурных практик отклоняющегося поведения: стремление к «легким» деньгам, славе, незаслуженным наградам и т.д.

Вышеназванные социокультурные практики, приобретенные в семейной системе, обеспечивают не только вхождение индивида в общественную жизнь, но и навыки жизнеобеспечения. Здесь формируются не просто знания, умения, навыки, необходимые человеку, но и представления о «разумном и достаточном». Способность к рефлексии по этому поводу свидетельствует об инкультурированности индивида. В свою очередь, возможность семейной системы обеспечить инкультурацию следующего поколения можно представить как наиболее качественное воспроизводство социальной системы. Сопоставление данных об имеющихся и требуемых ресурсах позволяет примерно оценить качество семейного и социального воспроизводства.

Для формирования большинства практик семейной системе необходимы не только материальные, но и интеллектуальные ресурсы. Более того, наличие только материальных ресурсов без соответствующего культурного образца – «значимых» взрослых членов семейной системы, способных показать пример-образец нормативного поведения в рамках того или иного института (сферы деятельности). Важно понимать, что соционормативным может считаться простое следование установленным правилам, «слепое» копирование моделей поведения без понимания меры соответствия и его целесообразности. Рефлексия по поводу самих норм суть свидетельство интеллектуального развития и, соответственно, наиболее качественного социального воспроизводства.

Материальные ресурсы имеют максимальную значимость при формировании практик организации быта, хозяйственной деятельности и досуга, предоставляя индивиду большее или меньшее право выбора, комфортные условия жизнедеятельности, при этом умения и навыки приобретаются по мере необходимости освоения соответствующих объектов материальной культуры. Минимальную значимость материальные ресурсы имеют для формирования гуманистической культуры и политико-правового поведения: действительно, материальная необеспеченность не оправдывает нарушений норм человеческих отношений, «незнание законов (здесь: например, отсутствие сборника законов в домашней библиотеке) не освобождает от ответственности». Однако материальная необеспеченность, неустроенность прежде всего детерминируют агрессию, делинквентное поведение и пр., но наличие достатка опять же не гарантирует соблюдение указанных норм и принципов. Формирование перечисленных социокультурных практик требует условий, как внешних, определяемых уровнем развития общества, так и состоянием самой семьи: уровнем интеллектуального развития родителей, гармонией в семейных отношениях, сплоченностью семейной группы, единством целей в процессе семейного воспитания. Соответственно, социум, как надсистема, посредством своих институтов должен обеспечить семейную систему, с одной стороны, материальными ресурсами, с другой – поддерживать определенную

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. С. 117-118.

систему ценностей, благодаря которой семейная система пополняет интеллектуальные ресурсы и может нормально функционировать. Важно понимать, что в социальной эволюции навыки, умения, знания и опыт не передаются генетически, а усваиваются, приобретаются, наследуются в ходе воспитания и обучения в социальных группах и организациях. Если в биологической эволюции происходит наследование признаков родителей, то в социальной – опыта традиций социальных коллективов и общества в целом. Роль семьи, как первичной социальной группы и среды, в названных процессах трудно переоценить.

Литература

1. Абдрахманов Д.М., Асадуллин Р.М. Развитие исламского образования и профилактика экстремизма в Башкортостане: новые акценты и инновационные проекты // Ислам в современном мире. 2016; № 12 (4):215-228. DOI:10.22311/2074-1529-2016-12-4-215-228.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с.
3. Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., Кофанова Е.Н. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – М.: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 – С. 471–490.
4. Юлдашева О.Н. Семейная социализация детей с ограниченными физическими возможностями: условия и факторы: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Юлдашева Оксана Николаевна; [Место защиты: Уфим. гос. авиац.-техн. ун-т]. – Уфа, 2010. – 159 с.

ТЕОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ

УДК 165

ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗУМА?

*Хазиев Валерий Семенович,
Зав. кафедрой философии, социологии
и политологии, научный сотрудник
НИИ ДБ и РРО РМО БГПУ им. М. Акмуллы,
доктор филос. наук, профессор*

Новизна статьи в предлагаемой схеме – разделить абсолют на две части: трансцендент и природу, что даст рациональное объяснение противоречивого единства катафатичности и апофатичности абсолюта.

На этот вопрос можно ответить по-разному.

«Да», – отвечает агностик, ссылаясь или на слабость человеческого мышления (неоплатоники), или на особенности действительности (Кант), или на то и другое (теософы).

«Нет», – заявляет не менее уверенный в своей правоте сторонник безграничной познаваемости мира и приводит свои аргументы.

Спор этот длится уже не один десяток веков. Пугливый агностицизм укрепляет свои позиции, ссылаясь на трудности, возникающие перед оппонентами. Есть одна крепость, перед которой энтузиазм тех, кто верит в безграничные возможности разума, сильно ослабевает, и тени от ее стен омрачают их восторги. Но тысячетлетняя осада пока не закончилась. Штурмы периодически возобновляются.

Имя этой до последнего времени казавшейся неприступной для разума крепости – Бог. В философии использовались и иные термины для обозначения Высшей реальности. Например, такие как «брахман», «небо», «дао», «ли», «апейрон», «единое», «максимум», «абсолют», «перводвигатель», «первичная субстанция», «материя» и другие. При всех различиях многие концепции в одном аспекте в той или иной мере сходились. Утверждалось: чем ближе разум подступает к черте, разделяющей бога и тварной мир, тем чаще начинается познание спо-

тыкаться об апории (Зенон Элейский), наталкиваться на противоречия (Н. Кузанский), ушибаться об антиномию (И. Кант), запутываться и вязнуть в парадоксах (Б. Рассел), использовать принципы дополненности (современная философия науки). И, наконец, дойдя до порога абсолюта (супранатурального, сверхприродного, трансцендентного и т.д.), он, обессилевший, замолкает совсем (исихазм).

Границы нашей природы можно обозначить с помощью различных категорий. К примеру, указав границы возможных в нашем мире скоростей: максимальный предел равен скорости света, т.е. 300 000 км/сек, минимальный предел будет бесконечно приближаться к нулю, но никогда не будет ему равен. Абсолютный покой в нашем мироустройстве так же невозможен, как и скорость выше скорости света. Таковы низшие и высшие границы скоростей, в промежутке между которыми осуществляется бытие конечных вещей и событий. Приближение к этим границам сопровождается усилением частоты встречи с парадоксально устроенными вещами и событиями. Чем дальше от этих границ к центру нашего мира, тем яснее логика, тем реже наталкиваемся на парадоксы.

Эта точка стала для апологетов безграничности познания развилкой двух дорог. Одни, уставшие и отчаявшиеся в борьбе с апориями, антиномиями и парадоксами, оценили создавшуюся ситуацию как доказательство непригодности разума для штурма Высшей реальности и, побросав разумные средства познания, решили на крыльях внеразумных форм познания перелететь через рвы и стены, отде-

ляющие Трансцендент от Конечной природы. Они решили, что там, в зоне сверхприродного, правила разума не действуют и что познание осуществляется качественно иным способом. Разум, мол, должен у черты парадоксов отдать эстафетную палочку познания интеллектуальному экстазу, озарению, интуиции, вере, плачу, молитве, любви, врожденным идеям, воле, подсознательному и т.д. Познание продолжается, но уже якобы сверхразумными способами в зоне сверхприродного (трансцендентного).

Другие, оставшиеся верными исходным принципам, продолжают настаивать на том, что Высшая реальность должна покориться разуму без оговорок. И как бы они не назывались – рационалисты, сциентисты, когнитивисты, интеллектуалисты, менталисты и т.д. – суть их позиции в одном: разум, не теряя своей *specific differentia*, может постичь тайны абсолюта. И веря в то, что капля камень точит, продолжали и продолжают свое дело. Часть трудностей возникла, на наш взгляд, из-за не совсем верной диспозиции. Старая философская традиция, вычлняя природу из Абсолюта, забывала почему-то сделать то же самое и по отношению к Трансценденту. Высшая реальность за пределами конечного мира почему-то сливалась с Абсолютом, который сливался неразличимо с Трансцендентом. Мы предлагаем несколько иную схему бытия: Абсолют состоит из единства Трансцендента и Природы, отличаясь от каждого из них. Тогда поход познания выглядит тоже иначе. Если мы выходим за пределы конечной Природы, это означает переход в зону Трансцендента, а не Абсолюта. Мы находимся в Абсолюте и тогда, когда мы пребываем в Природе, ибо Абсолют объемлет все: и природу, и Трансцендент.

Абсолют – это понятие, которым мы обозначаем мироустройство как абстрактное всеобщее целое в единстве двух его конкретных частей: Природы и Трансцендента. Поиск такой категории начался не сегодня. Описательный контур начерно был уже намечен давно: «Великая пустота», «Логос», «Нус», «Бог», «Материя» и прочие, что мы выше уже перечисляли. Все они солисты одного хора. Многообразие терминов формально, оно отражает особенности исторических эпох и языков, степень разработанности тех или иных групп категорий, симпатии

и антипатии авторов. Абсолют ест все, и в силу чего он антиномичен. «Вся тьма вещей абсолютно тождественна и абсолютно различна», – писал Чжуан-цзы¹. Точка бифуркации трудно уловима в философской догматике, т.е. в системе однозначно определенных и фиксированных понятий. Он един и множественен, апофатичен и катафатичен. Абсолют дуален. Одну из его сторон Дешан обозначил термином «Все», другую – «Целое». «Все есть вечность, – писал он, – есть то, что не имеет ни начала, ни конца. Целое есть время, альфа и омега, начало и конец»². Мы дихотомию Абсолюта видим иначе. Природа и Трансцендент имеют несколько иные параметры и характеристики. Природа – конечная, организованная, упорядоченная, системная, негэнтропийная, логичная сторона Абсолюта. Трансцендент – сверхприродный порядок (*trans naturam*), энтропийная сторона Абсолюта, сверхсимметрия, хаотична. Как писал Вольтер: «Хаос был беспорядочным движением, а космос – движением упорядоченным, которое господин мира сообщил всем телам»³. Апории, антиномии, парадоксы есть демаркационная линия между Природой и Трансцендентом. По одну сторону порядок и логика, по другую хаос и абсурд.

Модель хаоса проста: полное описание любого элемента совпадает с описанием всей системы. Принцип голограммы. Классический пример – теоретическая схема абсурдного триединства христианского божества или пример Рассела с множеством всех множеств. Абсурд является выражением хаоса, как логос космоса. Абсурд есть доведенная до логического предела картина усиливающейся частоты антиномичности мира, где единство противоположностей (противоречие) становится полным, абсолютным без исключений. Единство противоположностей дозревает до полного тождества всего со всем и во всем.

Если рассматривать отдельно, только как абстрактное всеобщее целое, то Абсолют один и апофатичен, непознаваем и неизречим, без эклезии и эпистем. А есть А – этой краткой

¹ Древнекитайская философия. М., 1972. Т.1. С. 292.

² Дешан. Истина, или истинная система. М., 1973. С. 460.

³ Вольтер. Философские сочинения. М., 1989. С. 680.

тавтологией все исчерпывается. Тощее, в терминах Гегеля, определение оказывается исчерпывающим и законченным – и в силу этого конкретным. Абсолют одновременно и абстрактен, и конкретен в самом себе. Полюса в пределе сходятся. Абсолют и есть всеобщий предел всего. Если воспользоваться снова терминологией Гегеля, абсолют в этом аспекте есть «в-себе-бытие, тождественное с самим собой бытие, лишенное формы, объективное вообще. Это – материя как нечто индифферентное, как безразличное существование»¹. Эмпедокл говорил, что целое, которое составляет мироздание, незримо оку, невнятно уху, необъемлемо умом. Это предчувствие и интуиция Абсолюта как непостижимого и недостижимого всеобъемлющего целого, являющегося началом всего сущего и существующего, возможного и действительного (на языке Аристотеля «потенции и акта») восходит из глухой древности до наших дней.

Если рассматривать отдельно, только как абстрактное всеобщее целое, то Абсолют апофатичен. Если рассматривать отдельно другую сторону Абсолюта – единство Трансцендента и Природы, то он, Абсолют, катафатичен. Природа и Трансцендент тоже имеют эскорт из исторических синонимов. Около Природы находятся философический «профанный мир», натурфилософский «фюзис», ветхозаветный «тварной мир», пифагорейский «украшенный мир», научный «космос» и «конечный мир». У Трансцендента свое окружение, которое, как мы выше уже отметили, часто приписывали Абсолюту: «сакральный мир», «супранатуральное», «сверхъестественное», «потустороннее», «вакуум», «квантовая пустота».

Не нарушая и не отрицая множества великих прозрений в массиве старых представлений о связи Абсолюта и Трансцендента, мы настаиваем на главном – необходимости выделить Трансцендент как особую часть Абсолюта наряду с Природой. Новизна может показаться ничтожной. Но этот незначительный творческий конструкт принципиально важен, ибо позволит поставить задачу познания Трансцендента, не путая его ни с Абсолютом, как напри-

мер, в религиозной философии, ни с Природой, как, например, у В.С. Соловьева.

Абсолют, рассматриваемый вне своих сторон – Трансцендента и Природы – апофатичен, а рассматриваемый в их единстве – катафатичен. Апофатичная целостность Абсолюта такова лишь сама по себе, взятая отдельно от всего. И мы знаем о ней косвенно через познание конкретных его сторон – Трансцендента и Природы. Следовательно, путь к пониманию наличия апофатики Абсолюта идет через познание Природы и Трансцендента.

Трансцендент и Природа в отличие от абстрагированного их тождества – Абсолюта – катафатичны и познаваемы. Правда, каждый по-своему. Более того, в определенном смысле они диаметрально противоположны. При первом приближении демаркационную линию между ними можно было бы провести с помощью понятий «бесконечное» и «конечное» или «сверхъестественное» и «естественное». Последняя пара предпочтительнее, ибо их определение и разграничение проще и яснее. Когда говорим о сверхъестественном (Трансценденте), речь идет не о чем-то мистическом, а только о том, что за пределами, скажем, тех границ скоростей, возможных в Природе. Но для познавательной корректности еще лучше использование понятий «Хаос» и «Космос».

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия религии. М., 1976. Т. 1. С. 261.

ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА

УДК 316.334.2

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

*Малахов Юсуф Ильдарович,
Специалист по научной работе
НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы*

Человеческой цивилизации приходится иметь дело с экстремизмом и терроризмом на протяжении многих веков. Свою актуальность эти понятия не утратили и сегодня: буквально 3 апреля 2017 года прогремел взрыв в Петербургском метрополитене, унесший жизни более десятка ни в чем неповинных людей. Особую тревогу в настоящей обстановке вызывает молодежь, которая пополняет экстремистские и террористические группировки, что в очередной раз подтверждается расследованием теракта в Санкт-Петербурге, проведенным Следственным комитетом Российской Федерации: террористу-смертнику на момент террористического акта едва исполнилось 22 года¹.

Как объяснить происходящее? Почему молодежь столь подвержена воздействию негативной деструктивной информации? Для ответа на поставленные вопросы прежде всего необходимо уточнить и разграничить понятия «экстремизм» и «терроризм».

Экстремизм (от лат. *extremus*) – крайний, чрезмерный. Иными словами, это теория и практика, направленная на достижение цели «крайними», недозволенными способами. Под способами понимают использование силы, насилия и посягательств на права и свободы человека и гражданина, запрещенные законодательством Российской Федерации. Соглас-

но Федеральному закону от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», среди преступлений, квалифицирующихся как экстремизм, присутствуют:

- насильственные изменения основ конституционного строя и нарушение целостности РФ;
- публичные оправдания терроризма и другая террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни².

Терроризмом называют определенную политику, в основе действий которой лежит террор, т. е. насилие, устрашение и запугивание человека. Важно понимать, что терроризм – это очень старая политика, использование которой началось еще со времен Древнего Рима.

Экстремизм – более широкое понятие, составной частью которого является терроризм. Ключевым направлением борьбы с террористическими проявлениями экстремизма в обществе является профилактика. Однако решать такие глобальные проблемы следует комплексно, так как одно мероприятие не даст и 10% нужного эффекта, даже при добросовестном исполнении всех предписаний³.

Российская Федерация, благодаря многонациональному и многоконфессиональному

² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»

³ Долингер Н.В. Законодательное обеспечение противодействия экстремизму в молодежной среде / Н.В. Долингер, А.И. Дуров, А.С. Доставалова. // Вестник Уральского института экономики, управления и права – 2006. – № 6. – С. 18–22.

¹ Следствие назвало имя смертника, устроившего взрыв в Петербурге [Электронный ресурс] // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/incidents/20170404/1491470335.html> (дата обращения: 21.04.2017).

составу населения, находится среди тех стран, в которых риск возникновения экстремистских настроений достаточно высокий. Распространение экстремизма является одной из острейших проблем нашей страны. Причиной возникновения экстремистских проявлений в молодежной среде принято считать обострение социальной напряженности, криминализацию ряда сфер общественной жизни, изменение ценностных ориентаций, проявление так называемого «исламского фактора», использование сети Интернет в противоправных целях и других факторов. Помимо прочего, молодые люди привержены психологии максимализма. Вкупе с социальными, политическими, экономическими и другими обстоятельствами, влияющими на молодое поколение, формируются радикальные взгляды и убеждения.

Таким образом, молодежь пополняет экстремистские и террористические организации, которые активно используют в своих политических интересах разрозненность российской молодежи и разобщенность исламской уммы в частности¹.

В молодежной среде проявления экстремизма имеют свои особенности. Его природу определяют социально-групповые характеристики сознания молодежи, а проявление связано со специфичным социальным поведением. Молодежный экстремизм – это социально обусловленная форма отклонения от развития экстремального сознания молодежи и нарушение меры в подборе адекватной модели поведения, приверженность к крайним взглядам и действиям, опасным для окружающих².

В структуре молодежного экстремизма присутствуют три аспекта: идеология, организация и деятельность. Для разделения экстремизма выделяют следующие основания: направление активности и сформированность экстремистских установок. Развитие информационных технологий приводит к появлению нового типа экстремизма – информационного.

При формировании системы профилактики экстремизма необходимо учитывать возраст-

ные и социально-экономические особенности молодых людей. Следует внедрять инновационные методы профилактической работы, в которых должны содержаться косвенные, «мягкие» способы включения молодежи в позитивные, конструктивные, социально приемлемые действия.

Изучая молодежь, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров пришли к выводу, что предпосылка молодежного экстремизма – это экстремальность сущностного свойства сознания и поведения молодежи. Согласно их мнению, экстремальность представляет собой разную форму проявления максимализма в сознании и крайности в поведении на групповых и индивидуально-личностных уровнях.

На базе социологического исследования, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров выделяют тенденции динамики экстремальных настроений, которые проявляются в разных областях жизнедеятельности:

– образование и труд молодежь рассматривает равнодушно, например, образование считает как «обязаловку»;

– в бизнесе экстремальные настроения отражают отношение к предпринимательству, осуществляемому незаконным способом и отношением к богатству;

– в политической жизни проявление экстремальности видно в недоверии молодежи к существующей власти и общественным организациям;

– в досуге экстремальные настроения выражаются в удовлетворении «тусовками», в том числе музыкальными, спортивными и другими.³

Экстремальные настроения можно четко проследить и в жизненной ориентации молодежи. Это отношение к:

- выбору жизненной позиции;
- современным отношениям;
- мигрантам;
- богатым людям;
- чиновникам и бюрократам;
- представителям иных этносов и конфессий.

Таким образом, экстремальные настроения молодежи можно отметить в разных областях

¹ Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины [Текст] / Ю.М. Антонян // М.: Логос – 2010. – 288 с.

² Зиядова Д.З. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму [Текст] / Д.З. Зиядова // Юридический вестник ДГУ. – 2011. – № 1. – С. 54–57.

³ Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю. А. Зубок, В.И. Чупров // СОЦИС. – 2008. – № 5. С. 21.

ее жизни, в групповом и личностном самоопределении, в отношениях с социальным окружением и выборе жизненной позиции¹.

Анализ молодежного экстремизма позволяет выделить следующие основания для его типологии.

1. Принято различать по направленности:

- в межэтнических отношениях (национализм, фашизм, межнациональные конфликты);
- религиозный – межконфессиональные и межрелигиозные конфликты среди жителей одной территории;

- политический – социально-экономическая идея против политической системы страны, ее представителей или оппозиции;

- в области молодежной субкультуры – конфликты между разнообразными молодежными субкультурами;

- социальный – конфликты различных социальных групп, искоренение и уничтожение некоторых сообществ².

2. Экстремизм по степени сформированности:

- стихийный – проявляется эпизодами, в основании стереотипы, архетипы, традиционные социокультурные образы и мифы. Спонтанное, аффективное выражение, в сознании носителя нет четких когнитивных установок экстремистского толка;

- организованный – экстремистская активность рассматривается как один или единственный способ улучшить мир и решить существующие проблемы. Реализуется в пределах экстремистской субкультуры, радикальной организации, секты³.

Известно, что разумнее предотвращать проблемы, чем их решать. Предотвратить, не допустить возникновения разных проблем является сутью принципа превентивности мер. Это необходимость предупредить причину об-

щественных социальных проблем, устранить их на начальной ступени создания, предупредить создание ситуации риска.

Исходя из этого, следует проводить целенаправленную, планомерную, систематическую профилактику современных общественных проблем.

В основе профилактической деятельности лежит ряд принципов, важнейшие из которых:

- долгосрочность и непрерывность – профилактика становится эффективной только при ее непрерывном проведении в течение длительного периода времени;

- последовательность и систематичность – проводится поэтапная работа, все мероприятия взаимосвязаны и образуют систему;

- гуманность – необходимо внимательно и с добротой относиться к каждой категории, являющейся объектом профилактики;

- профессионализм – профилактические мероприятия должны подготавливать и проводить специалисты, имеющие соответствующее образование и подготовку;

- адресность, учет возрастных и индивидуальных особенностей – профилактику следует направлять на определенную целевую аудиторию, с учетом которой составляется ее содержание, форма, способы и средства реализации;

- сотрудничество и согласованность – работа должна быть комплексной и проводиться на различных уровнях;

- своевременность – точное определение времени начала профилактической работы;

- личная заинтересованность и ответственность;

- активность – не воздействовать на объект, а взаимодействовать с субъектами⁴.

В данный период времени можно говорить о разных методах социальной профилактики.

Так, медико-социальные методы создают необходимые условия для поддержки нормального уровня физического и социального здоровья людей (использование медико-социального просвещения, пропаганды здорового образа жизни, медико-социального патронажа).

Организационно-административные методы социальной профилактики формируют си-

¹ Кузнецова Л.П. Основы технологии социальной работы: учебное пособие, – Владивосток: Издательство Виктория плюс, 2012, 240 с.

² Ершова Н.Н. Добровольчество – школа гражданского становления молодежи: учебно-методическое пособие / Н.Н. Ершова, М. Н. Бородатая. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 193 с.

³ Смирнов В.А. Основы молодежной политики в сфере профилактики экстремизма / В.А. Смирнов // Вестник Челябинского государственного университета – 2008. – № 14. – С. 78–87.

⁴ Волченкова Е.В. Профилактика девиантного поведения [Текст]: учебное пособие / Е. В. Волченкова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – 122 с.

стему социального контроля, разрабатывают соответствующую правовую и законодательную базу, создают систему органов и учреждений для проведения работы по социальной профилактике (проведение социального контроля и социального надзора, социального управления и социального планирования и пр.).

Правовые методы разрабатывают и формируют соответствующую систему правовых норм и правил поведения и деятельности человека во всех сферах социальной жизни и создают эффективную и действующую систему контроля за выполнением этих норм и правил (применение правового просвещения, правового контроля, правовых санкций и пр.)¹.

Для создания у разных социальных субъектов социально-приемлемой системы ценностей, норм, стереотипов и идеалов, повышения знаний и увеличения кругозора используют педагогические способы. В их число входит образование, воспитание и просвещение.

Экономические методы поддерживают приемлемый и достойный уровень жизни человека и создают необходимые условия для удовлетворения его потребностей (например, с помощью экономического стимулирования, экономического поощрения, экономических льгот и экономической поддержки и пр.)².

Социальная эффективность применения данных методов профилактики на практике будет значительно выше при условии их комплексного применения, то есть при проведении разработки и реализации системы социально-профилактических мер. В зависимости от целей, на которые направлены данные мероприятия, выделим следующие их виды:

- нейтрализующие – пресекают какие-либо тенденции, возможности;
- компенсирующие – восполняют понесенную субъектом утрату;
- предупреждающие – не допускают возникновения обстоятельств, которые способ-

ствуют социальному или личностному отклонению;

- устраняющие – устраняют подобные обстоятельства;
- контролирующие – наблюдают за эффективностью социально-профилактических мероприятий³.

Мероприятия профилактики представляются необходимыми и важными во всех областях жизнедеятельности человека. Это обуславливается тем, что каждый участок социального отношения, социальной связи и взаимодействия всегда связан со столкновением разных точек зрения и разных интересов, несовпадающими мнениями и позициями, стремлением достигнуть разные цели⁴.

При этом выбор средств для достижения поставленных целей не всегда соответствует существующим социальным нормам. Правильная организация, грамотная и своевременная работа, обладающая социально-профилактическим содержанием поможет избежать появления этих и им подобных явлений.

Например, в Республике Башкортостан проблемой духовно-нравственного воспитания и поддержания межнационального согласия, а также противодействием проникающих в умы молодежи идей радикализма и экстремизма консолидировано занимаются государственные органы, духовенство и научное сообщество. Так, БГПУ им. М. Акмуллы совместно с Центральным духовным управлением мусульман России, Духовным управлением мусульман Республики Башкортостан при поддержке Башкортостанской Митрополии Русской православной церкви, Антитеррористической комиссии Республики Башкортостан и Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан регулярно проводит конференции, семинары, круглые столы, выездные лектории в муниципальных районах республики, направленные

³ Павлинов А.В. Особенности проявлений экстремизма в молодежной среде и меры противодействия ему / А. В. Павлинов, Е.Ю. Дятлова. – Вестник Владимирского юридического института – 2008. – № 4. – С. 208-209.

⁴ Хайнц Р., Бюринг О. Молодежь в центре внимания // Per Concordiam. Борьба с Насильственным Экстремизмом. Европейский Центр по исследованию вопросов безопасности имени Джорджа К. Маршалла. Том 4, № 1.

¹ Сазанова Е.Г. Молодежный экстремизм как социальный феномен / Е. Г. Сазанова // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация – 2008. – С. 43–46.

² Кузнецова Л. П. Основы технологии социальной работы: учебное пособие, Издательство: Виктория плюс, 2012, с. 240.

на профилактику экстремизма и снижение уровня социальной напряженности среди молодежи. ДУМ РБ и Башкортостанская Митрополия на постоянной основе организуют встречи с учащимися и студентами, проводят профилактические беседы, а также устраивают концерты и культурно-массовые мероприятия, целью которых является уменьшение количества радикально настроенной молодежи и предотвращение роста идей экстремизма и терроризма в молодежной среде Республики Башкортостан.

Довольно эффективными в профилактике экстремизма представляются социальные акции, направляющие активность молодежи в позитивное русло, позволяющие им набирать опыт общественно-полезной деятельности, организации работ, в том числе управления, творчества, интеграции усилий. Социальная акция представляет собой один из типов социальной деятельности, цели которой могут заключаться в следующем:

- привлечение внимания общества к имеющейся социальной проблеме. Это может быть проблема населения определенной территории, проблемы, требующие внимания исполнительной и законодательной власти.

Ключевой момент социальной акции – это работа, направленная на привлечение общественного внимания к существующим проблемам, в том числе путем простого информирования.

- понимание того, чьи это проблемы, определение организатора, исполнителя и целевую аудиторию планируемых социальных акций. Например, использование акций «Взаимоуважение и межнациональный конфликт. Какая связь между ними?», «Мы жители многонационального региона!» связаны с профилактикой экстремизма среди молодежи;

- изучение отношения общества, различных его групп, органов исполнительной и законодательной власти к имеющимся проблемам.

К данному разделу относят следующие акции: «Профилактика и разрешение конфликта», «Взаимоуважение в правовой стране», которые проходят в Республике Башкортостан во всех средних учебных заведениях, колледжах и вузах. Знание правовых основ государства, особенностей культуры и религии, населяющих республику народностей, делает молодежь не-

терпимой к проявлению национализма, экстремизма. Поэтому мусульманское и православное духовенство проводят много социальных акций среди молодежи и подростков.

- распространение информации среди различных групп населения. Например, использование региональных конкурсов презентаций, которые пропагандируют взаимоуважение и диалог культур: «Узнаем народы России и мира – узнаем себя», «День правовой грамотности»;

- содействие созданию общественного сознания;

- использование Единого дня профилактики в школе, колледже, вузе, акций в виде флешмоба, проведение конкурсов и лекций, например, «Возьмемся за руки, друзья»¹. Инициатором подобных акций является Федеральное агентство по делам молодежи, они проходят по всей России, в том числе и в Республике Башкортостан.

Как целенаправленная деятельность, социальная акция обладает субъектами и объектами. Субъекты социальной акции – это ряд государственных, коммерческих и общественных организаций, объединений, учреждений, органов исполнительной власти, организаций – партнеров, меценатов и физических лиц. Объектами социальной акции являются различные социальные группы населения, исполнительная и законодательная власть, население определенной территории.

В данное время можно выделить следующие виды социальных акций:

- исследовательская: опрос различных групп населения;

- рекламная: пиар планируемых мероприятий, новых учреждений, служб, социальных и традиционных ценностей и пр.;

- благотворительная: сбор денег, вещей, литературы и прочего для последующей передачи их целевым группам;

- социально-педагогическая, воздействующая на изменения сознания, поведение, отношение некоторых категорий населения к чему-либо;

¹ Ершова Н.Н. Добровольчество – школа гражданского становления молодежи]: учебно-методическое пособие / Н.Н. Ершова, М. Н. Бородатая. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 193 с.

– социально-профилактическая, содержание которой предупреждает развитие ситуации социальной запущенности молодежи.

Во всех регионах созданы комиссии по борьбе с малолетними нарушителями законов. Под эгидой полиции и министерств образования идет регулярное проведение акций по правовому воспитанию подростков:

– патриотических, воспитывающих любовь и уважение к Родине, ее истории;

– социокультурных, влияющих на культуру, воспитывающих интерес к собственной национальной культуре и культурам других народностей, актуализирующих значение праздника, традиции и обычаи народа.

Таким образом, все разнообразие социальных акций имеет направленность на создание в обществе нетерпимости к проявлениям экстремизма, терроризма и сплачивает население вокруг принятых в обществе социокультурных ценностей.

Социальные акции можно рассматривать как эффективную технологию профилактики социальных проблем, в частности экстремизма среди молодежи. К преимуществам применения акций относят ненавязчивый и непрямой характер влияния. Это технологии непрямого влияния, когда молодой человек принимает участие в мероприятиях добровольно, а цель достигается за счет того, что он сам открывает для себя новые знания о традиционном взаимоуважении и культурном диалоге народов нашей страны, делает выводы о последствиях экстремистской деятельности, присваивает ценности, включившись в специально организованную деятельность в специальной среде. При этом молодой человек самостоятельно определяет степень личного участия в этой акции¹.

Также, к достоинствам социальных акций можно отнести и то, что эффективность мер замечают не только ее участники, но и те, кто читает про акции в СМИ и знакомится с итоговым продуктом. В ходе акции часто начинает работать «сарафанное радио», когда молодежь самостоятельно привлекает других к участию, отмечая полезные и результативные действия.

¹ Перепелкин Г.Е. Молодежный экстремизм как угроза общественной безопасности / Г.Е. Перепелкин // Правовая культура. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России – 2009. – № 1 (6). – С. 147–155.

Существует множество различных форм проведения акций, которые различаются формой проведения и конечным продуктом: игры, квесты, митинги, флешмобы, конкурсы, концерты, встреча в школе со знаменитыми людьми, листовки и пр., которые можно реализовывать в реальности или в пространстве глобальной сети Интернет.

Профилактика молодежного экстремизма требует организации социально-педагогических и социально-профилактических акций в форме флешмоба, раздачи листовок, проведения митингов, уличных мероприятий, которые:

– устраняют экстремальность (максимализм и крайность) как свойство сознания и поведения молодых людей;

– формируют толерантное, терпимое отношение к окружающей реальности;

– предупреждают социальную запущенность молодежи;

– обеспечивают распространение профилактических и информационных материалов (буклетов, брошюр, памяток).

Таким образом, проблема профилактики идей экстремизма и терроризма среди молодежи в настоящее время актуальна, даже в обстановке относительного спокойствия, что на первый взгляд характеризует Республику Башкортостан. Однако тревожные тенденции просматриваются и у нас, что, в свою очередь, требует внимания и поиска новых форм работы, максимально эффективных именно в молодежной среде. В данном контексте целесообразно обращение к технологии социальных акций, обладающих преимуществами как в организационном плане, так и экономическом.

Литература

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

2. Афанасьева, Р.М. Социокультурные аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде / Р.М. Афанасьева // Журнал Власть – 2007. – № 5. – С. 51–56.

3. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика / В.И. Власов. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 175 с.

4. Волченкова Е.В. Профилактика девиантного поведения [Текст]: учебное пособие / Е. В. Волченкова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – 122 с.
5. Зиядова Д.З. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму / Д.З. Зиядова // Юридический вестник ДГУ. – 2011. – № 1. – С. 54–57.
6. Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // СОЦИС. – 2008. – № 5. – С. 21.
7. Кузнецова Л.П. Основы технологии социальной работы: учебное пособие, Издательство: Виктория плюс, 2012, 240 с.
8. Павлинов А.В. Особенности проявлений экстремизма в молодежной среде и меры противодействия ему / А.В. Павлинов, Е.Ю. Дятлова. – Вестник Владимирского юридического института – 2008. – № 4. – С. 208–209.
9. Перепелкин Г.Е. Молодежный экстремизм как угроза общественной безопасности / Г.Е. Перепелкин // Правовая культура. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России – 2009. – № 1 (6). – С. 147–155.
10. Сазанова Е.Г. Молодежный экстремизм как социальный феномен / Е.Г. Сазанова // Экстремизм и другие криминальные явления. – М.: Российская криминологическая ассоциация – 2008. – С. 43–46.
11. Смирнов В.А. Основы молодежной политики в сфере профилактики экстремизма / В.А. Смирнов // Вестник Челябинского государственного университета – 2008. – № 14. – С. 78–87.
12. Абдрахманов Д.М. Духовно-нравственная безопасность современного общества и развитие исламского образования / Д.М. Абдрахманов // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи – 2017. – С. 70–83.

РЕЛИГИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПОЛИТИКА

УДК 21

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

*Уразметов Тимур Закирович,
Заместитель декана по учебной работе
Социально-гуманитарного факультета
БГПУ им. М. Акмуллы, канд. культурологии*

С XIX в. в Западном, а с середины XX в. в остальном мире очень многое начинает меняться в структуре верующего населения. Появилась огромная группа малознающих, пассивных и не практикующих верующих. В то же время четко выделились, на контрасте с пассивной массой, небольшие группы религиозных практиков, как консерваторов, так и радикалов. Последствием этого стало то, что современная религиозная культура, как в мировом масштабе, так и в России находится в состоянии глубокого кризиса, обремененного серьезными трансформациями численного состава и уровня религиозного самосознания, а также нежеланием признать кризисность существования собственной конфессии самими ее носителями.

На фоне полного падения власти церкви над обществом в христианском мире, где многие нормы религиозной морали отвергнуты или забыты (гетеросексуальность брака, запретность азартных игр, высший авторитет пастера, соблюдение постов и др.), растет количество верующих – «захожан», которые, ничего не зная о христианстве, готовы внимать любым пасторам, привлекательным внешне или умеющим говорить о необычных вещах. Иисус Христос может быть, по их мнению, «великим американцем» или «украинцем», Библия – основой сценария для мюзикла, Коран – карикатурой комиксов, бывший костел становится театром и даже автостоянкой, а имам получает назначение туда, где нет прихожан. Шейхи, гуру и пророки становятся крайне значимыми для незначительной, но очень активной и часто агрессивной группы религиозного населения.

До конца 80-х гг. XX в. этнический и конфессиональный факторы общественного развития в нашей стране были, по сути, независимы. Более того политика государства была фактически интернациональна и антиклерикальна. Это было связано с официальной атеистической позицией государства, где законодательный принцип отделения государства от церкви не просто строго соблюдался. Религиозность населения через систему образования, культурно-досуговые и социально-экономические рычаги государственной политики всячески вычищалась из сознания, и иных сфер жизни людей, становилась препятствием в карьере.

С нач. 90-х гг. XX в. ситуация в этой сфере начала кардинально меняться. Конституционный принцип разделения государства и церкви формально сохранился, но время антиклерикальной политики ушло. Фактически государство начало проводить покровительственную политику по отношению к религиозным организациям. В армии появились полковые священники, аналогичные структуры появились в системе исполнения наказаний. В системе среднего и высшего образования появляются курсы, связанные с религиозной тематикой, и религиозоведческие/теологические направления обучения как в системе государственных, так и негосударственных образовательных учреждений. Чиновники стали напоказ активно демонстрировать свою религиозность. СМИ начали активно освящать религиозную жизнь, фактически, осуществляя пропаганду религиозности.

На этом фоне фактор этнической принадлежности стал сближаться с маркером конфес-

сиональности на обыденном уровне. Этноконфессиональная принадлежность вновь стала играть значительную роль в повседневных отношениях, например, при формировании семейно-брачных союзов.

В последние три десятилетия активизировались практически все конфессиональные группы. Это произошло в силу установленного равенства на основе принципа свободы вероисповедания. Атеизм же превратился из позитивной характеристики личности в порицаемую, отодвигаясь в «андеграунд» общественной, политической и культурной жизни.

Большинство населения России было религиозно безграмотно, представления о религиозной культуре часто вовсе отсутствовали до нач. 90-х гг. XX в. При этом в кон. XX в. начала расти религиозность людей. Это происходило в силу возникновения необходимости в духовном самоопределении, в условиях духовного вакуума, образовавшегося, в том числе, и в связи с деидеологизацией, установленной Конституцией РФ. Этим воспользовались религиозные организации и их лидеры, которые часто принадлежали к совершенно незнакомым россиянам конфессиям. Представители различных «новых» для России культов преследовали часто совсем не религиозные цели, занимаясь мошенничеством, вымогательствами и т. д.

Еще одной важной группой изменившей свое место в этноконфессиональном пространстве в течение последних двух столетий стали атеисты. И если еще столетие назад атеисты, агностики и близкие к ним люди составляли микроскопические включения, то к сегодняшнему дню вчерашние «изгои» превратились в одну из самых крупных групп людей.

Сейчас на фоне пассивного большинства одетого одинакового от США до Японии, появляющиеся в этой толпе хиджабы¹ становятся чрезмерно заметными. И если до конца эпохи Просвещения конфессионально ориентированный костюм в общей массе людей был обычным явлением, то сейчас он выглядит ярким пятном. Внешний маркер для опознания «своих» и «чужих» вновь обрел на внутринациональном уровне свою силу в новом качестве. Теперь воз-

никает иной страх, уже не перед представителем другой конфессии. Он сменяется страхом пассивно-религиозного большинства перед религиозно-активной частью, причем без относительно того, соотносится или нет религиозно настроенный индивид с конфессиональной принадлежностью представителя пассивного лагеря. Пассивный боится активного. Хиджаба боится мусульманин, а рясы – христианин. Детей стараются уберечь от углубления в «религиозное мракобесие» и от хиджаба и рясы даже верующие родители. Этому способствует и информационный поток, в котором утрируется происходящее в исламском мире, где рост религиозности населения сопровождается жестким неприятием не только иноконфессиональных общностей, но ненавистью по отношению к инакомыслящим единоверцам. При этом уровень спекуляций религиозными истинами зашкаливает. Мусульмане призывают к единству (Таблиги Джамаат, Хизб-ут Тахрир аль-Ислами, Братья-мусульмане и др.) и при этом убивают друг друга, как никто в мире. Новые же религии, возникшие в XVI–XXI вв. на базе более древних конфессий (Международное общество сознания Кришны, Свидетели Иеговы и др.) или без привязки к ним (Церковь саентологии) не желают диалога и согласия, а, по сути, живут и питаются конфликтом с остальными конфессиональными группами. Все это пугает даже лояльных к религии и клерикалам верующих, которые находятся в окружении спекуляций на телевидении и в интернете. Не исправляет ситуацию даже то, что в систему образования России включаются предметы, имеющие целью познакомить подрастающее поколение с религиозной культурой. Самое большое количество детей и родителей выбирают изучение светской этики. В этих условиях духовенство продолжает заявлять о том, что, среди социальных институтов, по уровню доверия церковь стоит на первом месте в обществе.

«Резкое понижение коммуникативности, создающее ситуацию, при которой взаимопонимание между отдельными личностями затрудняется вплоть до полной изолированности, составляет, бесспорно, социальную болезнь»².

¹ Хиджаб – мусульманский костюм в соответствии с требованиями норм шариата.

² Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры [Текст] / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – 480 с.

Эта социальная болезнь поражает и порождает все новые и новые общности. Человечество когда-то имело четкие границы и по конфессиональному признаку. Напряжение и конфликты по конфессиональному критерию были сплавивающей для конфликтующих религий силой. Сейчас же внутрiconфессиональные разрывы стали такой же реальностью как межконфессиональные.

В эти конфликты вовлекаются большие массы людей, которые можно поделить на два лагеря. Первый класс верующих одного лагеря – это высококомпетентные в религиозных вопросах индивиды. Для них манипуляции религиозными истинами – основа их деятельности. Борьба с ними невероятно трудно, ибо они прекрасно знают, где истина и ложь в их размышлениях. Ошо, Набхани, Кандехлави, Прабхупада апеллировали к мнению ученых, сами называли себя таковыми, ссылались на самые авторитетные священные тексты, но их трактовки иногда поражают жестокостью, а чаще всего количеством подмен понятий. Наставить таких авторитетов и их преемников на путь истинный невозможно, ибо они намеренно сошли с него именно для того, чтобы достигнуть меркантильных целей. В этой среде достаточно много тех, кого можно назвать авантюристами, тех, кто исходит из личных амбиций, желания власти, финансового благополучия и т.п. Они создают новые религиозные движения и учения именно с целью обретения славы, власти и денег. Примером тому являются Ю. Кривоногов и М. Цвигун, создавшие «Белое Братство» и бесславно закончившие религиозную карьеру. Не это ли стало мотивом деятельности создателя одной из самых одиозно известных церквей XX в., если, создав продолжение своей науки о «сверхразуме», он написал одному из друзей, что удалось придумать «новую технологию превращения людей в рабов». Такого рода лидеры могут толкать людей на преступления ради высших целей, после совершения которых «ученикам и последователям» попросту нет дороги назад. И тогда, даже поняв свои ошибки и распрощавшись с иллюзиями, члены экстремистских организаций уже не могут уйти.

Лидеры поделили мир на вилайаты, конференции, провинции и регионы, подчиняющиеся амирам, апостолам и даже президентам.

Такие лидеры заявляют о том, что правительства, правящие не по шариату, регламентам или заповедям не достойны подчинения. Эти люди обуреваемы жаждой власти над паствой в масштабах деревни, страны и мира. И право на эту власть обосновывается ложью и подтасовками, переворачиванием смысла и вытаскиванием из контекста. Эта ложь изливается в невероятном количестве печатной литературы, аудио и видео продукции, которая раздается и продается на улице, зазубривается на собраниях, семинарах и халакатах¹. Заставить их отказаться от религиозной деятельности можно только на время, путем применения репрессивных санкций. Этот класс религиозных деятелей ответственен за появление второго.

Второй класс составляют малознающие фанатики, кругозор которых замыкается на известных, зазубренных ими истинах. Все выходящее за пределы таких истин ими просто не воспринимается или воспринимается как заведомая ложь, клевета и заблуждения противников. Борьба с этой группой, пожалуй, возможно только с помощью репрессий по отношению к первым, ибо вторые имеют невысокий потенциал саморазвития, канал которого им открывают/перекрывают первые. Ярким примером тому является «Имарат Кавказ»². К концу 2014 г. были ликвидированы или погибли наиболее опытные руководители и полевые командиры организации. «Кадровый» голод и страх перед ликвидацией привели к расколу «Имарата Кавказ» и присяги значительной части боевиков «Исламскому государству». Так окончился важный этап борьбы с сепаратизмом

¹ Халакат – заседание партийной ячейки, запрещенной в России международной террористической организации Хизб ут-Тахрир аль-Ислами (Партия исламского освобождения).

² Имарат Кавказ – исламистская террористическая организация, целью которой являлось создание независимого исламского государства. ИК основана в 2007 г. президентом Чеченской Республики Ичкерия Д. Умаровым. Организация ведет партизанскую деятельность на Северном Кавказе и в ряде других регионов (вилаят Идель-Урал включает Поволжье и Урал). В 2015 г. боевики «Имарата Кавказ» присягнули халифу Исламского государства. Жертвы нападений – военнослужащие, сотрудники силовых структур, государственные чиновники, духовенство, предприниматели и др. Основные формы деятельности – террористические акты, обстрелы и подрывы и т.п.

на Северном Кавказе. Безусловно, религиозный экстремизм и терроризм не был побежден. Радикально настроенные мусульмане уже приобретают опыт в новейших горячих точках мира и возвращаются на родину.

Возвращаясь к вопросу о сущности рассматриваемой проблемы, необходимо сказать, что пасторы, старшины и мушарифы¹ ведут работу, связанную с пережевыванием и вдалбливанием нужных мыслей, основанных на доводах безумных «ученых», не названных «исследованиями», примерах абстрактных святых, отсылках к несуществующим, пересказанным или вырванным из контекста цитатам. Так решение всех проблем становится возможным только в теократии халифата, а истина раскрывается только в комментариях к Бхагават-гите или в переводе Библии Нового мира². Критика со стороны «крыс», кяфиров³, ПЛ и ПИН⁴ воспринимается с агрессией и не конструктивно, как доказательство правоты (пророков и искателей истины всегда преследовали и ненавидели).

Другой лагерь внешне дистанцирован от религиозных конфликтов. Первый класс людей этого лагеря – это высокообразованная интеллигенция (и верующие, и атеисты), чей собственный жизненный опыт и накопленные научные знания не позволяют их сделать марионетками в религиозно-идеологических играх. Однако их опыт, соединенный с пассивностью в религиозной жизни делает их врагами первого лагеря и тем самым вовлекает в конфликт (в качестве отступников, неверных, неверующих и т.п.). Таких людей призывают уничтожать, запугивают и стремятся сделать своими сторонниками, прежде всего радикалы. Возможен и их переход в класс манипуляторов. Так Ошо, получивший серьезное философское образование, стал основателем собственного религиозно-философского учения с массой по-

следователей по всему миру. Юрий Кривоногов⁵, являвшийся сотрудником НИИ специалистом в сфере психологического воздействия на личность, воспользовавшись наступившей религиозной свободой, основал активно действующую религиозную организацию в СССР и СНГ в 1990–1993 гг.

Второй класс данного лагеря – это пассивное малознающее большинство. Им хочется плыть по течению общественной жизни в максимально спокойных и материально комфортных условиях. Вопросы религии для них важны только как маркировка в быту, самоидентификация или во время праздников. Этот класс людей также представляется враждебным по отношению к первому лагерю, ибо составляет основной массив людей, которых нужно преодолевать изнутри фанатикам и манипуляторам. Нарушение же стабильности существования, к которой стремится эта пассивная масса, заставляет их искать виновников своего неблагополучия, что часто и приводит их в лагерь фанатиков. Так потеря бизнеса, доступа к карьере, отсутствие хорошо оплачиваемой работы и даже проблемы личностного характера приводят к поиску источника проблем. Человек обращается к религии, о которой часто мало, что знает. Тогда такой верующий и становится добычей радикалов.

Остаться спокойным и безучастным в религиозных конфликтах сегодня можно только намеренно избегая их. И это в прямом смысле слова заставляет перемещаться отдельных людей и большие массы из очагов напряжения. Но это же постепенно формирует очаги напряжения на все новых и новых территориях (мусульмане в Европе и США). «Но человек удивляется также и самому себе, тому, что он не может научиться забвению, и что он навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним»⁶. Поэтому в условиях глобализации и роста мобильности населения оставаться в стороне каких-либо конфликтов, в том числе и религиозных, приоб-

¹ Мушариф – в исламе наставник, во многих радикальных группах – старший, опытный член организации.

² Библия в переводе Нового мира – перевод Ветхого и Нового Заветов, созданный и Церковью Свидетелей Иеговы.

³ Кяфир в исламе – неверный.

⁴ Подавляющая личность (ПЛ) – человек, который не поддается саентологической агитации и ведет деятельность, препятствующую им; потенциальный источник неприятностей (ПИН) – человек, поддерживающий общение с ПЛ, находящийся под его влиянием.

⁵ Юрий Кривоногов (1941 г.р.) – основатель Белого Братства, по образованию инженер-кибернетик.

⁶ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вне нравственном смысле [Текст] / Ф. Ницше. – Минск: Харвест. 2003. – 384 с.

ретших огромную остроту, возможно лишь временно и очень недолго. Два лагеря, о которых шла речь выше, борьба внутри них и противостояние между собой создает источник напряжения в любом уголке Планеты.

Перейдем к более конкретному взгляду на структуру религиозного населения. Здесь мы не обойдемся без цифр, которые позволят увидеть пестроту и неоднозначность данной проблемы. Цифровое выражение численности той или иной конфессиональной группы имеет огромное значение для религиозных организаций, которые на основании обнародуемых величин заявляют о своем месте (преимущественно значительном) в структуре населения региона, страны и мира. Эти же цифры позволяют претендовать на преференции в отношениях с государством, льготы и, наконец, власть не только духовную, но и политическую.

В своей статье «Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность»¹ С.Б. Филатов и Р.Н. Лункин выделяют три подхода в исчислении размеров конфессиональных общин. Первый – этнический дает 120 млн православных, мусульман – до 20 млн чел., последователей армянской апостольской церкви – более 1,1 млн чел., буддистов – более 900 тыс. чел., католиков – до 600 тыс. чел., лютеран – до 500 тыс. чел., иудаистов – более 230 тыс. чел.² Таким образом, итоговая численность последователей только старейших или известных конфессий зашкаливает за 143,3 млн человек. Такой подход наиболее далек от действительности, принимать всерьез этническую принадлежность при выяснении конфессиональности можно было в более ранние эпохи, но никак не в XX–XXI вв. Исходя из численности населения России в 2002 г. на всех последователей прочих конфессий и атеистов остается чуть более 2 млн чел. Это, разумеется, не соответствует действительности. Здесь играет значение то, что многие представители этносов, «традиционно» связанных с одной религией, исповедуют другие, отстраненно верят в бога «вообще», а также распространенность

неокультов, атеизма и агностицизма в любой этнической среде.

Второй подход к вопросу о численности адептов той или иной религии – религиозная самоидентификация, которая дает гораздо более скромные результаты. Так, православных «остается» уже 70–85 млн чел., последователей Армянской Апостольской церкви – 0,45 млн чел., католиков – 1 млн, протестантов – до 1,8 млн, мусульман – 6–9 млн чел., иудаистов – 50 тыс. чел., буддистов – 0,55 млн, последователей неокультов – до 0,3 млн³. При рассмотрении такого подхода неясно насколько человек религиозен, углублен в знание основ религиозного учения и ритуалистику. Выявить подобное возможно только через некое подобие экзамена, который в светском государстве невозможен. Кроме того, здесь много и таких, кто идентифицирует себя автоматически, исходя из того же этнического критерия. Часто применение второго подхода может предполагать то, что человек в силу особенностей культурного развития, совершенно не зная о религии, считает должным причислять себя к той или иной конфессии, желая видеть себя среди духовной части общества, а не среди бездуховных «свиной»-атеистов.

Третий подход заключается в исчислении религиозных практиков. Здесь мы видим от 3 до 15 млн чел. православных, 1,5 млн чел. – протестанты, 2,8 млн – мусульмане, 0,5 млн – буддисты, 0,3 млн – последователи неокультов⁴. Наверняка, среди религиозных практиков есть и антиклерикалы, и просто те, кто пользуются правом не обнародовать свое вероисповедание. Число приходов также не может дать более-менее точную цифру верующих. Касаясь же религиозных практиков в тех цифрах, которые приведены, если мы вспомним то, что говорилось о понятии «религиозность» в первом разделе, то количество их снизится на порядки. Когда же речь идет о последователях неокультов, то нужно понимать, что организационно оформленные (часто за рубежом, а не в России) общины завышают или, напротив, скрывают свою численность.

Если же коснуться представителей радикальных религиозных групп, то мы не можем

¹ Лункин Р. Н. «Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность» [Текст] / Лункин Р.Н., Филатов С.Б. // Социологические исследования. – № 6. – 2005.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

даже догадываться и строить какие-либо предположения об их численности. Это связано с законспирированностью их деятельности, противостоянием власти и обществу, а также с разрастанием по типу гидры, когда активно, легально или подпольно прозелитистская деятельность ведется даже в местах лишения свободы. Кроме того, часто радикально настроенные верующие, которые, безусловно, относятся к религиозным практикам, называют себя истинными суннитами ханафитского мазхаба или православными, но смешивать их с основной массой суннитов или православных было бы ошибкой.

Авторы указанной публикации обращают внимание на то, что исследователи-социологи сами не всегда компетентны в религиозных вопросах, как, и большинство верующих, кроме того, есть еще и масса позиций во взглядах на содержание понятия «религиозная практика». Адекватность оценки численности и перечня конфессиональных групп в этой ситуации стремится к минимуму при изучении всех трех подходов.

Мы видим предельную неоднозначность способов и результатов исчисления последователей той или иной конфессии. Это открывает широчайший простор для любой магии цифр, позволяет обнаружить любую ложь при полном понимании невозможности проверить и уж

тем более привлечь к ответственности за предоставление неточных, да и вовсе недостоверных сведений. Политика, желание в ней участвовать, иметь влияние на общество заставляет обращать внимание элиты на конфессиональные общины, так как эмоциональная составляющая в религиозной и политической сфере очень велика, а, следовательно, использование сразу двух инструментов деятельности по достижению власти удваивает и ее эффективность. Апелляция к цифрам или к кажущимся наиболее многочисленными конфессиям в этом случае становится крайне необходимой.

Литература

1. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры [Текст] / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – 480 с.
2. Лункин Р.Н. «Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность» [Текст] / Р.Н. Лункин, С.Б. Филатов // Социологические исследования. – № 6. – 2005.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вне нравственном смысле [Текст] / Ф. Ницше. – Минск: Харвест. 2003. – 384 с.

УДК 2:34

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

*Даянова Эльза Мунавировна,
Начальник юридического отдела,
н.с. НИИ ДБ и РРО БГПУ им. М. Акмуллы*

С момента вступления в законную силу Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 г. (далее Федеральный закон об образовании) прошло более двух лет, тем не менее проблемы практического применения отдельных норм закона остаются неразрешенными. Заявляя об образовании как об общественном благе, закладывая в его содержательное наполнение такие составляющие, как духовно-нравственное развитие личности, законодатель ввел специальную статью 87 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации. Особенности получения теологического и религиозного образования»¹. Включение отдельной статьи в закон об образовании представляется вполне оправданным шагом, поскольку элементы религиозного образования проникают как в общеобразовательные, так и профессиональные образовательные программы, получение религиозного и теологического образования возможно теперь как в государственных, муниципальных, так и в частных и духовных образовательных организациях. Однако применение статьи 87 Федерального закона об образовании в действующей редакции, на наш взгляд, весьма затруднительно.

Понятие «религиозное образование» встречается в различных нормативных правовых актах, но легальное его определение отсутствует.

Федеральный закон № 125-ФЗ от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» (далее Федеральный закон о свободе совести) оперирует различными понятиями: «религиозное образование» (ч. 1 ст. 5),

«обучение религии» (ч. 4 ст. 5), «духовное образование» (ст. 19)². В Федеральном законе об образовании встречается понятие «теологическое образование».

Между тем, согласно образовательному законодательству различные формы получения знаний о религии имеют различные цели, могут быть получены в различных образовательных организациях, имеют различное содержательное наполнение, и отсутствие понятийного аппарата во многих случаях затрудняет применение на практике правовых норм, ставит под сомнение соблюдение принципа светскости образования.

Рассмотрим, к примеру, понятие «обучение религии». В своей книге «Правовые основы светскости государства и образования» к.ю.н. И.В. Понкин дает, на наш взгляд, вполне удачное определение. Обучение религии, по мнению автора, – несветская форма религиозного образования, осуществление под управлением или контролем определенной религиозной организации узкопрофессиональной подготовки служителей культа, а также катехизации и воцерковления либо аналогичных процессов в нехристианских религиозных объединениях, направленных на привлечение обучаемого в религиозное объединение. Главное отличие обучения религии от других форм преподавания знаний, касающихся религий и религиозных объединений, указывает автор, состоит в том, что обучение религии обязательно предполагает и включает в себя обучение религиозной практике и саму религиозную практику – отправление религиозного культа, совершение

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // «Российская газета», № 303, 31.12.2012.

² Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // «Собрание законодательства РФ», 29.09.1997, № 39, ст. 4465.

богослужений и иных религиозных обрядов и церемоний¹.

Соглашаясь с данным определением, полагаем, что предоставление права обучать религии в государственном и муниципальном образовательном учреждении в соответствии с частью 4 статьи 5 Федерального закона о свободе совести и приказом Минобрнауки РФ от 01.07.2003 г. № 2833 не соотносится с принципом светскости образования. Несовершенство понятийного аппарата, вернее, его отсутствие, позволяет делать необоснованные выводы о том, что данная норма позволяет совершать богослужения в стенах государственных (муниципальных) школ. Поэтому практика применения указанных нормативных актов встречается весьма редко. Между тем, во многих населенных пунктах, особенно в сельской местности, именно муниципальные школы являются культурным центром, в которых было бы возможным организовать процесс обучения и воспитания детей, направленный на формирование качеств личности и образа жизни человека на основе соответствующего религиозного вероучения. И здесь уместно было бы говорить о религиозно-культурологическом образовании, а не об обучении религии.

Вышеуказанные нормативные акты регулируют вопросы, связанные с реализацией дополнительных образовательных программ. Но в последнее время элементы религиозного образования проникают во все уровни основного образования, и каждая форма получения религиозного образования требует детального правового регулирования.

Так, Приказом Минобрнауки России от 31 января 2012 г. № 69 «О внесении изменений в федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования, утвержденный Приказом Министерства образования Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1089» внесены изменения в федеральный компонент государственных образовательных стандартов: утвержден стандарт начального общего образования по комплексному курсу «Основы религиозных культур и

светской этики», в вузах стали вводить отдельные направления подготовки «Теология» по всем уровням высшего образования, развивается деятельность духовных образовательных организаций.

Ст. 87 Федерального закона об образовании направлена преимущественно на регулирование порядка реализации основных образовательных программ с содержанием религиозного компонента.

В содержательном плане ст. 87 Федерального закона об образовании определяет, в какой степени религиозные организации или централизованные религиозные организации могут влиять на содержание религиозного образования.

В этой связи можно выделить три уровня воздействия религиозных организаций на содержание образования, на процесс формирования образовательных программ.

Во-первых, централизованные религиозные организации вправе проводить экспертизу основных общеобразовательных программ, реализуемых в государственных и муниципальных образовательных организациях и основных образовательных программ высшего образования по направлениям подготовки в области теологии, реализуемых в образовательных организациях высшего образования. Порядок проведения такой экспертизы статьей 87 не установлен, однако в ней содержится отсылочная норма, в соответствии с которой становится ясным, что порядок проведения экспертизы образовательных программ устанавливается Министерством образования и науки Российской Федерации.

Здесь же отметим, что централизованные религиозные организации вправе участвовать в учебно-методическом обеспечении образовательного процесса в части соответствующих учебных курсов и дисциплин, причем как на уровне общего, так и на уровне профессионального образования (п. 6 ст. 87 Федерального закона об образовании).

Во-вторых, религиозная организация или централизованная религиозная организация может включить религиозный компонент в основную образовательную программу, реализуемую частными образовательными организациями.

В-третьих, религиозная организация или централизованная религиозная организация

¹ Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования [Текст] / И.В. Понкин. – М.: Прогресс, 2003.

самостоятельно формирует содержание образования, реализуемого в созданных ею духовных образовательных организациях, утверждая образовательные программы, направленные на подготовку слушателей и религиозного персонала и осуществляя учебно-методическое обеспечение указанных программ.

Таким образом, новый закон об образовании отводит главную роль в формировании содержания религиозного образования, религиозным организациям или централизованным религиозным организациям. Однако полагаем, что ст. 87 Федерального закона об образовании не дает ответа на основной вопрос, какой именно религиозной организацией будет проводиться экспертиза, осуществляться учебно-методическое обеспечение и пр. Ведь только в рамках одной конфессии на территории Российской Федерации существует множество централизованных религиозных организаций и, вряд ли попытка государственных органов управления определить, какая именно религиозная организация будет проводить экспертизу, приведет к желаемому результату.

В Порядке разработки примерных основных образовательных программ, проведения их экспертизы и ведения реестра примерных основных образовательных программ Министерство образования и науки Российской Федерации, утвержденном Приказом от 28 мая 2014 г. № 594 предусмотрена лишь аналогичная со ст. 87 норма, не позволяющая определить централизованную религиозную организацию. Кроме того, мы склонны согласиться с мнением, что проведение экспертизы образовательных программ, реализуемых в государственной школе религиозной организацией не соотносится с принципом светскости образования¹.

Полагаем, эту проблему можно было бы решить, привлекая к процедуре экспертизы, созданные при органах государственной власти субъектов Российской Федерации совещательные органы по делам религии. Это бы позволило, с одной стороны, не ставить под сомнения

принцип светскости, а с другой учесть специфику каждого региона.

Аналогичные вопросы возникают при процедуре лицензирования образовательной деятельности в духовных образовательных организациях, поскольку последнее также имеет свою специфику.

Так, в соответствии с нормами Положения о лицензировании образовательной деятельности, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 28.10.2013 г. № 966 для духовных образовательных организаций при подтверждении соответствия образовательного ценза педагогических работников духовной образовательной организации установленным требованиям, учитываются богословские степени и богословские звания, присужденные (присвоенные) и (или) признанные (подтвержденные) в порядке, установленном соответствующей централизованной религиозной организацией, зарегистрированной на территории Российской Федерации в установленном порядке.

Здесь, на наш взгляд, возникают две основные проблемы.

Во-первых, если предоставлять каждой религиозной организации право определять порядок присуждения богословских степеней и богословских званий, то, каким образом лицензирующему органу, который является государственным органом, принять указанные (скорее всего, различные по своему содержанию) степени и звания.

Но с другой стороны, если предоставлять какому-либо государственному органу право определять богословские степени и богословские звания, также как право проводить экспертизу содержания религиозного образования, не будет ли это нарушением принципа светскости государства.

Несовершенны, на наш взгляд, нормы Федерального закона об образовании относительно организаций, участвующих в преподавании знаний о религии. Рассмотренная нами статья 87 Федерального закона об образовании позволяет выделить следующие образовательные организации, участвующие в преподавании знаний о религии:

– общеобразовательные организации, в том числе созданные в форме государственных или

¹ «Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) (Волкова Н.С., Дмитриев Ю.А., Еремина О.Ю., Жукова Т.В., Кирилловых А.А., Павлушкин А.В., Пуляева Е.В., Путило Н.В.) («Деловой двор» 2013) // СПС Консультант Плюс.

муниципальных учреждений (при преподавании дисциплины «ОРКСЭ»);

– образовательные организации высшего образования, в том числе созданные в форме государственных учреждений (при реализации программ по направлению подготовки «Теология»);

– частные образовательные организации, в том числе созданные религиозными организациями (с включением религиозного компонента при реализации основных образовательных программ различных уровней);

– духовные образовательные организации (созданные для реализации программ профессионального религиозного образования)

Правовой статус первых трех групп образовательных организаций определяется преимущественно нормами законодательства в сфере образования и, полагаем, нашел детальное регулирование в новом Федеральном законе об образовании. Путаница может возникнуть с частными образовательными организациями, созданными религиозными организациями и духовными образовательными организациями, поскольку и в первом, и во втором случае учредителем выступает религиозная организация. Ситуация усугубляется еще тем, что согласно п. 4 статьи 22 образовательная организация в зависимости от того, кем создана, является государственной, муниципальной или частной. То есть про духовные образовательные организации в данном пункте статьи не упоминается. Несмотря на то, что в статье 22 Федерального закона об образовании содержится отдельный пункт, посвященный духовным образовательным организациям (п. 2), речь в нем идет о порядке создания последних, но никак не о регулировании их деятельности.

Указанные неточности в формулировках уже позволяют органам юстиции оформлять предписания относительно того, что все духовные образовательные организации должны быть переименованы в частные, что на наш взгляд представляется необоснованным решением, нарушающим действующее законодательство и противоречащим здравому смыслу.

В свете вышесказанного установление вида (хотя такая терминология в Федеральном законе об образовании отсутствует) образовательной организации (частная она либо духовная)

имеет важное значение, поскольку в случае отнесения ее к духовной образовательной организации, правовое регулирование ее подпадает под сферу регулирования Федерального закона о свободе совести и религиозных объединениях. Указанный закон предполагает особенности правового регулирования не только создания духовных образовательных организаций, что специфику имеют все правоотношения указанной организации: и трудовые, имущественные, земельные, финансовые, и собственно образовательные правоотношения.

Общеизвестной является проблема стандартизации духовного образования. Известно, что предмет «Основы религиозной культуры и светской этики» предусмотрен федеральными государственными образовательными стандартами общего образования, разработаны стандарты по направлению подготовки «Теология». В этой связи полагаем, что основной проблемой в данной сфере остается проблема разработки и внедрения образовательных стандартов для духовных образовательных организаций. Именно образовательных стандартов, а не государственных образовательных стандартов, иначе мы вновь столкнемся с проблемой вмешательства государства в деятельность религиозных объединений.

В этом плане не совсем понятен смысл принятия Федерального закона от 28 февраля 2008 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)», предоставившего духовным образовательным учреждениям реализовывать аккредитованную государством образовательную программу. На практике это привело к тому, что духовные образовательные организации стали лицензировать и реализовывать иные образовательные программы, нежели программы по подготовке служителей религии, зачастую не обладая необходимыми для этого ресурсами.

Что же касается образовательных программ, непосредственно связанных с подготовкой священнослужителей, они вновь остаются за пределами правового регулирования, и зачастую реализуются даже без учета требований со стороны учредителя – централизованной ре-

лигиозной организации, не учитывая потребности потребителей – обучающихся, работодателей, государства и общества. Здесь, безусловно, нужно отметить, что пп. 10–12 статьи 87 содержат в себе попытку урегулирования обозначенных вопросов, хотя на практике пока остаются нереализованными.

Таким образом, проанализировав содержание основных нормативных актов, направленных на правовое регулирование религиозного образования мы приходим к выводу, что если рассматривать систему религиозного образования через призму ст. 10 Федерального закона об образовании, ни один элемент системы религиозного образования не выдерживает серьезной критики. Если законодателем принято решение вывести вопросы правового регулирования религиозного образования в отдельную главу, предусматривающую особенности реализации отдельных видов образовательных программ, то, полагаем, нужно руководствоваться четким понятийным аппаратом и предложить реальные механизмы внедрения религиозного компонента в содержание образования.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015 г.) // «Российская газета», № 303, 31.12.2012.
2. Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 13.07.2015 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // «Собрание законодательства РФ», 29.09.1997 г., № 39, ст. 4465.
3. Федеральный закон от 28.02.2008 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.12.2012 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)» // «Собрание законодательства РФ», 03.03.2008 г., № 9, ст. 813.
4. Приказ Минобрнауки РФ от 01.07.2003 г. № 2833 «О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ» // «Российская газета», № 160, 13.08.2003 г.
5. Приказ Минобрнауки России от 17.02.2014 г. № 124 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 48.03.01 Теология (уровень бакалавриата)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.04.2014 № 32069) // «Российская газета», № 101, 07.05.2014 г.
6. Приказ Минобрнауки России от 17.02.2014 г. № 125 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 48.04.01 Теология (уровень магистратуры)» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.04.2014 г. № 32068) // «Российская газета», № 106, 14.05.2014 г.
7. Приказ Минобрнауки России от 15.04.2014 г. № 317 (ред. от 30.04.2015 г.) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 48.06.01 Теология (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.05.2014 г. № 32214) // «Российская газета», № 113, 22.05.2014 г.
8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 594 от 28 мая 2014 г. «Об утверждении порядка разработки примерных основных образовательных программ, проведения их экспертизы и ведения реестра примерных основных образовательных программ» // «Российская газета», № 186, 19.08.2014 г.
9. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования [Текст] / И.В. Понкин. – М.: Про-Пресс, 2003.
10. «Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (постатейный) (Волкова Н.С., Дмитриев Ю.А., Еремина О.Ю., Жукова Т.В., Кирилловых А.А., Павлушкин А.В., Пуляева Е.В., Путило Н.В.) («Деловой двор» 2013) // СПС Консультант Плюс.

ФОРУМЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ

СОСТОЯЛАСЬ ПЕРВАЯ СЕССИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»

4 мая в Межведомственном научно-исследовательском центре развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы (в июле 2017 года на базе МНИЦ РМО создан **Научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования**) состоялась первая сессия методологического семинара «Духовная безопасность современного российского общества».

Формат методологических семинаров предполагает обсуждение на высоком научном уровне актуальных проблем современного общества, связанных с духовной безопасностью, развитием исламского образования и профилактикой деструктивных явлений.

Первым докладчиком выступил модератор семинара доктор философских наук, профессор, научный сотрудник МНИЦ РМО заведующий кафедрой философии, социологии и политологии БГПУ им. М. Акмуллы Валерий Хазиев с темой: «Историческое и логическое в исламском научном познании».

В семинаре приняли участие директор МНИЦ РМО БГПУ им. М. Акмуллы Данияр Абдрахманов, проректора РИУ ЦДУМ России Ринат Калимуллин и Дамир Нафиков, профессор кафедры педагогики БГПУ им. М. Акмуллы Тахир Аминов и другие сотрудники БГПУ им. М. Акмуллы и РИУ ЦДУМ России.

Следующая сессия состоится 25 мая, на которой докладчиком выступит доктор педагогических наук, профессор Тахир Аминов. Тема доклада «Система мусульманских учебных заведений дореволюционной России как одна из моделей национального образования».

В БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ ЗАВЕРШИЛАСЬ ПЕРВАЯ СЕССИЯ ПРОГРАММЫ ПРОФПЕРЕПОДГОТОВКИ «ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА»

Обучение прошли более 30 сотрудников духовных управлений мусульман и религиозных деятелей ЦДУМ России и ДУМ РБ.

Слушателям были прочитаны лекции и проведены практические занятия по актуальным вопросам, в частности: «Исследование тематики религиозного экстремизма: методология и методы», «Законодательство РФ о свободе совести и религиозных объединениях», «Педагогические идеи формирования толерантности в мусульманских первоисточниках», «Формирование культуры безопасности в современной семье», «Психологические приёмы защиты от манипулирования сознанием», «Вербовочные стратегии НРД и террористических организаций», «Уголовно-правовые последствия совершения правонарушений экстремистской направленности» и др.

Слушатели высказали сильную заинтересованность в программе и выразили благодарность за проведение занятий на высоком научном и методическом уровне.

В октябре ожидается вторая сессия с приглашением ведущих лекторов республики, представителей государственных и общественных организаций.

МЕДРЕСЕ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ: СОСТОЯЛСЯ СЕМИНАР В ИСЛАМСКОМ КОЛЛЕДЖЕ ИМ. М. СУЛТАНОВОЙ

18 мая 2017 года состоялась очередная (вторая) сессия научно-практического и методологического семинара «Система исламского образования в Республике Башкортостан: современное состояние и перспективы развития». Основными участниками мероприятия стали директор медресе ДУМ РБ, осуществляющие образовательную деятельность на территории Башкортостана, руководство и сотрудники Межведомственного научно-исследовательского центра развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы, сотрудники Духовного управления мусульман Республики Башкортостан и исламского колледжа им. М. Султановой. Модератором семинара выступил первый заместитель председателя-муфтия ЦРО ДУМ РБ Айнура Арсланова. С приветствиями и докладами выступили советник Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе РБ

Руслан Карамышев, директор Межведомственного научно-исследовательского центра развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы, канд. филос. наук, доцент Данияр Абдрахманов, начальник юридического отдела БГПУ им. М. Акмуллы Эльза Даянова, методист колледжа БГПУ им. М. Акмуллы Наталья Будрина, директор медресе им. М. Султановой Ильдар Малахов, директор медресе «Нур аль Иман» Ришат Рафиков, директор медресе «Галия» Ильяс Мухаммадеев.

Участники обсудили проект унифицированной образовательной программы, реализуемой в средних специальных мусульманских учебных заведениях, актуальные вопросы развития системы мусульманского образования в регионе. Участники семинара с удовлетворением отметили актуальность и значимость проделанной работы: переход к единому образовательному стандарту и формирование образовательных программ для подготовки священнослужителей в медресе позволит выйти на качественно новый уровень преподавания и в целом исламского образования. Выступавшими не раз отмечалось, что опыт и поддержка светского вуза – БГПУ им. М. Акмуллы в процессе правового оформления образовательного пространства для медресе является определяющей.

Принято решение о рекомендации проекта образовательных стандартов среднего, профессионального, религиозного, мусульманского образования Республики Башкортостан к утверждению религиозной организацией – Духовным управлением мусульман Республики Башкортостан.

ИМАМЫ ЮЖНОГО УРАЛА, ЗАУРАЛЬЯ И ОРЕНБУРЖЬЯ ПРОШЛИ ОБУЧЕНИЕ ОСНОВАМ УПРАВЛЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

19 мая в Институте дополнительного образования БГПУ им. М. Акмуллы завершила обучение очередная группа менеджеров мусульманских религиозных организаций по программе профессиональной переподготовки «Основы управления мусульманской религиозной организацией» для имамов и мухтасибов Южного Урала, Зауралья и Оренбуржья.

Данная программа успешно реализуется уже не первый год и представлена различными образовательными модулями в области стратегического менеджмента, управления профессиональным развитием персонала, правовыми и экономическими аспектами управления, документооборота, технологических аспектов организации воспитания молодежи и другими. Прошедшие курсы были насыщены современными практико-ориентированными формами обучения, такими как тренинги, онлайн-конференции, проектные и стратегические сессии, мастер-классы, интерактивные занятия, мозговые штурмы.

Итогом совместной работы управленцев в области ислама и преподавательского состава программы стала защита индивидуальных портфолио образовательных достижений с наилучшими разработками слушателей, которые в скором времени будут реализованы на практике. По окончании обучения слушателям был выдан диплом о профессиональной переподготовке с квалификацией «Менеджер религиозной организации».

В БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ ОБСУДИЛИ ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

24 мая 2017 года в Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи».

Конференция проходила при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, Центрального Духовного управления мусульман России, Духовного управления мусульман Республики Башкортостан, при активном содействии Национального антитеррористического комитета Российской Федерации, руководства Республики Башкортостан, в том числе Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан, Межведомственного совета общественной безопасности Республики

Башкортостан, Министерства образования Республики Башкортостан, Министерства молодежной политики и спорта Республики Башкортостан. Соорганизатором конференции выступил вуз-партнер БГПУ им. М. Акмуллы – Российский исламский университет Центрального духовного управления мусульман России.

Очное и заочное участие в конференции приняли более 500 человек. Несмотря на статус межрегиональной конференции, ее участниками стали ученые и практики из разных регионов России и ближнего зарубежья (Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана), в том числе Москвы, Астаны, Бишкека, Великих Лук, Владикавказа, Владимира, Дальнего Востока, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Казани, Костромы, Нальчика, Н. Новгорода, Оренбурга, Самарской области, Тверской области, Челябинска, Ялты. С докладами выступили руководители духовных управлений мусульман, члены муниципальных антитеррористических комиссий, члены межведомственных комиссий по государственно-конфессиональным отношениям, специалисты по работе с молодежью, учителя общеобразовательных школ – преподаватели «Основ религиозной культуры и светской этики» и «Основ духовно-нравственной культуры народов России», специалисты муниципальных образований по работе с молодежью, лидеры общественных и религиозных молодежных объединений, научная и вузовская общественность.

Почетными гостями конференции стали заместитель директора Департамента государственной службы и кадров Министерства образования и науки России Вера Самородова, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере высшего образования Министерства образования и науки РФ Сергей Пилипенко, заместитель руководителя Администрации Главы Республики Башкортостан, кандидат юридических наук Максим Михайлов, верховный муфтий, председатель Центрального духовного управления мусульман России Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин, профессор Международного исламского университета науки, Советник ректора Булгарской исламской Академии, профессор Абдурразак Абдурахман Ассади, секретарь Межведомственного Совета общественной безопасности Республики Башкортостан Алексей Касьянов,

научный консультант аппарата Национального антитеррористического комитета Российской Федерации Сулейман Новрузов, глава Башкортостанской митрополии Русской Православной Церкви, управляющий Уфимской епархией, митрополит Уфимский и Стерлитамакский Никон, ректор Российского исламского университета ЦДУМ России Артур Сулейманов, советник Управления мониторинга, анализа и прогноза Федерального агентства по делам национальностей, доктор философских наук Валентина Лаза, председатель Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан Вячеслав Пятков, первые заместители председателя Духовного управления мусульман Республики Башкортостан Аюп Бибарсов, Айнур Арсланов, министр молодежной политики и спорта Андрей Иванюта.

Организаторы конференции отошли от стандартных форм работы: после пленарной части конференция проходила в формате большого проектного офиса. На панельных сессиях и интерактивных площадках БГПУ им. М. Акмуллы работали молодые ученые, специалисты муниципальных образований по работе с молодежью, лидеры общественных и религиозных молодежных объединений, научная и вузовская общественность, члены муниципальных антитеррористических комиссий, члены межведомственных комиссий по государственно-конфессиональным отношениям, специалисты по работе с молодежью, учителя общеобразовательных школ – преподаватели «Основ религиозной культуры и светской этики» и «Основ духовно-нравственной культуры народов России», мусульманская молодежь, религиозные деятели, ученые, студенты и преподаватели Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России.

Мастер-классы, организованные Межведомственным научно-исследовательским центром развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы, провели психологи и педагоги из БГПУ им. М. Акмуллы, УГАТУ, Министерства молодежной политики и спорта РБ, БашГУ, ЦДУМ России: Людмила Родионова, заведующая кафедрой «Финансы, денежное обращение и экономическая безопасность»

УГАТУ, доктор экономических наук, профессор, Михаил Сомов, доцент, Рашит Валеев, ст. преподаватель, Ахмад Ахмеров, имам-хатыб Первой соборной мечети Центрального духовного управления мусульман России, Виктор Курунов, декан факультета психологии, доцент кафедры прикладной психологии и девиантологии, заведующий лабораторией инженерной психологии, эргономики и организационных отношений БГПУ им. М. Акмуллы, кандидат психологических наук, доцент, Елена Хазимуллина, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы, руководитель Центра лингвистических экспертиз и редактирования, судебный эксперт, Зульхиза Исламова, директор Института педагогики БГПУ им. М. Акмуллы, кандидат педагогических наук, профессор, Тимур Уразметов, доцент кафедры культурологии БГПУ им. М. Акмуллы, кандидат культурологии, доцент, судебный эксперт, блогер Михаил Бреслер, Анжелика Нурмухаметова, директор ГБУ «Республиканский социально-психологический и информационно-методический центр».

Особый интерес слушателей вызвал мастер-класс «Информационная гигиена и безопасность» руководителя Тверского регионального отделения межрегиональной общественной организации «Кибердружина» Григорий Пашенко. Отдельная сессия по профилактике экстремизма среди мусульманской молодежи прошла в Российском исламском университете ЦДУМ России. Там же состоялся мастер-класс по выявлению экстремистских призывов доцента Дамира Шагавиева, заведующего отделом истории религий и общественной мысли Института истории им. С. Марджани Академии наук Республики Татарстан, кандидата исторических наук.

Пленарное заседание завершилось интерактивным опросом. Организаторы предложили участникам ответить на вопрос о наиболее эффективных способах противодействия распространению идеологии экстремизма в молодежной среде. Большинство признало максимальную эффективность работы с молодежью в образовательных учреждениях. «Значит, мы на правильном пути», – заключил ведущий пленарного заседания ректор БГПУ им. М. Акмуллы, профессор Раиль Асадуллин.

Благодарственными письмами и почетными грамотами Межведомственного Совета общественной безопасности Республики Башкортостан были награждены ректор БГПУ им. М. Акмуллы Р.М. Асадуллин, директор Межведомственного научно-исследовательского центра развития мусульманского образования Д.М. Абдрахманов, проректор РИУ ЦДУМ России Р.Х. Калимуллин, проректор БГПУ имени М. Акмуллы доцент А.Ф. Мустаев, ректор РИУ ЦДУМ России А.Р. Сулейманов, профессор БГПУ им. М. Акмуллы Т.М. Аминов, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Республики Башкортостан А.Н. Арсланов, начальник отдела воспитания молодежи БГПУ им. М. Акмуллы А.М. Оразова.

Участники конференции сошлись во мнении о важности использования инновационных эффективных форм работы с молодежью и особо отметили традиционно-безупречную подготовку всех мероприятий в рамках конференции, проводимой БГПУ им. М. Акмуллы, выразив большую благодарность ее оргкомитету, всем рабочим группам за проделанную работу.

В НЕФТЕКАМСКЕ ПРОШЕЛ ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ОБУЧЕНИЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ МУСУЛЬМАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

25 мая в городе Нефтекамске состоялась очная сессия образовательной программы «Теория и практика управления религиозной организацией» с применением дистанционных технологий для мусульманских религиозных деятелей северо-западных районов республики. С приветственным словом к участникам семинара обратилась Ахмадишина Ирина – исполняющий обязанности первого заместителя главы администрации городского округа город Нефтекамск. С обстоятельными докладами перед слушателями выступили первый заместитель председателя-муфтия ЦРО ДУМ РБ Айнур Арсланов и директор Межведомственного научно-исследовательского центра развития мусульманского образования БГПУ им. М. Акмуллы, канд. филос. наук, доцент Данияр Абдрахманов.

Живой интерес у слушателей вызвала лекция начальника юридического отдела БГПУ им. М. Акмуллы Эльзы Даяновой. Ею были затронуты правовые аспекты деятельности религиозной организации в условиях изменений законодательства Российской Федерации. Многочисленные вопросы докладчикам свидетельствовали об актуальности проблемы и понимания аудиторией значимости рассматриваемых вопросов. Слушатели были снабжены раздаточным материалом.

По единодушным отзывам имамов все услышанное послужит серьезной базой для дальнейшей практической деятельности. Ими было отмечено, что просветительская деятельность является одной из важнейших задач имамов.

По завершении сессии в торжественной обстановке слушатели получили удостоверения о прохождении курсов.

Затем состоялся научно-практический семинар «Роль религиозных организаций в духовно-нравственном воспитании и развитии религиозного образования». Участниками было отмечено, что просветительская деятельность является одной из важнейших задач имамов. Были подняты актуальные темы, затрагивающие просвещение в вопросах религии, профилактику асоциальных явлений, духовно-нравственное оздоровление и совершенствование общества.

**СОСТОЯЛАСЬ ВТОРАЯ СЕССИЯ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА
«ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА»**

1 июня в здании Российского исламского университета ЦДУМ России состоялась вторая сессия методологического семинара Межведомственного научно-исследовательского центра развития мусульманского образования «Духовная безопасность современного российского общества».

На этот раз докладчиком выступил сотрудник МНИЦ РМО, профессор кафедры педагогики БГПУ им. М. Акмуллы, доктор педагогических наук, профессор Тахир Аминов с темой:

«Система мусульманских учебных заведений дореволюционной России как одна из моделей национального образования». Были раскрыты вопросы возникновения институтов мусульманского образования в Башкортостане, вопросы периодизации развития мусульманского образования, а также значение мусульманских учебных заведений в развитии грамотности населения.

В семинаре приняли участие сотрудники и студенты БГПУ им. М. Акмуллы и РИУ ЦДУМ России, а также гости из Казахстана, представляющие Актюбинский университет им. С. Баишева. Наиболее активным участником второй половины семинара стал студент 5 курса РИУ ЦДУМ России Марат Хасанов, задававший докладчику грамотно сформулированные вопросы и показавший блестящие знания в области системы религиозных учреждений дореволюционной России.

Следующим докладчиком выступит проректор РИУ ЦДУМ России по учебной работе Ринат Калимуллин с темой: «Трёхуровневое исламское образование: истоки и перспективы». Формат методологических семинаров предполагает обсуждение на высоком научном уровне актуальных проблем современного общества, связанных с духовной безопасностью, развитием исламского образования и профилактикой деструктивных явлений.

**БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ СОВМЕСТНО
С ДУМ РБ ОБУЧИЛИ ИМАМОВ ОСНОВАМ
ИСЛАМСКОГО ПРАВА ПО МЕТОДОЛОГИИ
ХАНАФИТСКОЙ ШКОЛЫ**

В начале апреля 2017 года БГПУ им. М. Акмуллы совместно с Исламским колледжем им. Марьям Султановой Духовного управления мусульман Республики Башкортостан запустил программу профессиональной переподготовки «Основы исламского права (методология ханафитской школы)» объемом 72 часа. На протяжении трех месяцев имамы со всей Башкирии посещали занятия по исламским и светским дисциплинам как очно, так и дистанционно.

29 июня в Исламском колледже им. Марьям Султановой состоялось торжественное

заккрытие программы профессиональной переподготовки. С приветственными словами и поздравлениями перед слушателями выступили председатель ДУМ Республики Башкортостан Нурмухамет Нигматуллин, директор колледжа Ильдар Малахов, директор Межведомственного научно-исследовательского центра развития мусульманского образования Данияр Абдрахманов и другие. Далее участникам курса были выданы удостоверения, а завершилось мероприятие чтением отрывка из Священного Корана.

Стоит отметить, что БГПУ им. М. Акмуллы уделяет большое внимание развитию не только высшего, но и среднего профессионального исламского образования, так, совместно с Духовным управлением мусульман Республики Башкортостан ведется активная работа по повышению профессионального уровня исламских священнослужителей во всем регионе.

Программа «Основы исламского права (методология ханафитской школы)» организована в рамках реализации Федерального проекта подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама и направлена на профессиональную переподготовку работников духовных образовательных организаций, религиозных деятелей, имамов и сотрудников Духовного управления мусульман Республики Башкортостан.

СОСТОЯЛСЯ ВСЕРОССИЙСКИЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЙ КОНКУРС «Я ПОЗНАЮ ИСЛАМ»

5 июля 2017 года в рамках ежегодного Схода мусульман Республики Башкортостан состоялся Всероссийский детско-юношеский конкурс «Я познаю Ислам». Данный конкурс прошел в рамках реализации Федерального проекта подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, участниками которого являются вузы-партнеры БГПУ им. М. Акмуллы и РИУ ЦДУМ России.

В конкурсе приняли участие более 180 участников от 5 до 16 лет со всей России. Мероприятие началось с чтения сур Священного Корана. Проректор Российского исламского университета ЦДУМ России Мурсаль Ахметов

объявил регламент работы, а имам-мухтасиб Чишминского района Зуфар Субхангулов обратился с кратким приветствием к участникам праздника, пожелав всем прекрасного настроения и самых искренних намерений в этот день. Затем, разделившись на номинации, в зависимости от возраста и уровня подготовки, дети и подростки продемонстрировали жюри свои знания.

Первые места заняли Мансурова Ясмينا, Убайдова Шукрона, Таджуддинова Амина, Мартынов Карим и Хаматдинова Алина.

Стоит отметить, что во время конкурса у мавзолея имама Хусейн-бека состоялась церемония, посвященная великому имаму. Шейх-уль-Ислам, Верховный муфтий, Председатель ЦДУМ России Талгат Сафа Таджуддин обратился к имамам и шакирдам с проникновенной речью, в которой напомнил, каким должен быть истинный служитель Ислама. Глава российской уммы призвал хазратов своевременно готовить себе достойную смену и помнить о тех, кто радел за веру задолго до нас: «Хусейн-бек приехал к нам издалека, из Средней Азии. Приехал, чтобы рассказать нам об Исламе, и он так проповедовал и столько сделал для людей, что через много поколений мы помним его». После торжественной части состоялся коллективный намаз. Затем представители СМИ устроили небольшую пресс-конференцию с главой российской уммы, где задали актуальные вопросы. В завершении праздника всех гостей накормили пловом, а затем желающие отправились в Соборную мечеть имени Хусейн-бека на экскурсию и совершения молитвы.

ЮБИЛЕИ

ИСЛАМСКИЙ КОЛЛЕДЖ ИМ. М. СУЛТАНОВОЙ И МЕЧЕТЬ «ИХЛАС» ОТМЕЧАЮТ 20 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ

В 1997 г. по инициативе Духовного управления мусульман Республики Башкортостан в Уфе было учреждено Медресе им. Марьям Султановой, названное именем выдающейся башкирской просветительницы Марьям Султановой. Директором медресе был назначен Ильдар Малахов. При поддержке Правительства Республики Башкортостан учебному заведению было передано здание бывшего СПТУ–62 по ул. Социалистической 3, где был произведен капитальный ремонт, оборудованы учебные классы, компьютерный класс, помещения для проживания студентов, библиотека.

Основная задача медресе – подготовка кадров мусульманского духовенства для Республики Башкортостан, но не менее важной является задача помочь социально неблагополучной молодежи встать на путь истинный, найти свое место в жизни. Обучение в медресе проводится в комплексе с формированием духовной и просвещенной личности, воспитанной в традициях толерантности, межрелигиозного согласия. Преподавание в медресе ведется по программам и методикам обучения, разработанными в БГПУ им. М. Акмуллы.

На базе медресе проводится ежегодный республиканский конкурс чтецов Корана, каллиграфии. Налажен хороший контакт с исламским университетом «Аль-Азхар». В настоящее время миссия «Аль-Азхара» из пяти человек, преподает студентам медресе религиозные науки и арабский язык. Ежегодно наиболее успевающие студенты медресе направляются для продолжения исламского образования в «Аль-Азхар».

С целью обеспечения организационного единства учебного и научного процессов, преподаватели медресе активно корректируют и создают новые учебно-методические материалы. Например, в медресе были подготовлены и изданы десятки учебно-методических пособий на башкирском, русском и татарском языках, среди них – «Төрки хөтбэләр», «Духовные мате-

ри мусульман», «Хэзрэт Мөхәммәд», «Пророки Аллаха», «Коранические рассказы для детей», «Личность мусульманки», «Әхкәм ислам».

На базе медресе регулярно проводятся научно-практические конференции, круглые столы, семинары. Также с 1998 г. издается религиозно-просветительская газета «Рисалят» (Послание).

Работа медресе имени Марьям Султановой и его руководства получила признание в обществе, директор медресе Ильдар Малахов отмечен Благодарственным письмом Совета по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан.

Также в 1997 году была основана мечеть «Ихлас», когда мусульманской религиозной организации Кировского района г. Уфы было передано здание бывшего кинотеатра «Луч». Здание было перестроено, и 6 июля 2001 г. мечеть была торжественно открыта. Значительная роль в открытии мечети принадлежит имам-хатибу Мухаммету Галлямову.

В настоящее время проводятся работы по реконструкции главного здания мечети, строятся два 40-метровых минарета. Готовится к открытию мусульманская библиотека на 6 тысяч книг.

С 2004 года работает издательство «Ихлас», в котором отпечатаны несколько десятков религиозных брошюр и книг. С 2009 году при мечети «Ихлас» действует творческая группа «Иляхилар», которая исполняет религиозные песнопения, башкирские и татарские песни. При мечети действует «мектеб» и курсы основ Ислама, чтения Корана, арабской грамоты.

«Ихлас» является не только духовным, но и культурным центром. В мечети регулярно проводятся богослужения, организованы регулярные выступления российских и зарубежных религиозных деятелей и исламоведов, проводятся различные научно-практические конференции, выступления представителей культуры, искусства и науки.

Источник: IslamRB.ru

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Научно-исследовательским институтом духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы издается журнал «**Образование и духовная безопасность**». Издание посвящено проблемам духовной безопасности современного общества, теоретического и практического развития религиозного образования, научному осмыслению культуры и ценностей ислама, укреплению межнационального и межконфессионального согласия, гармонизации государственно-конфессиональных отношений и имеет следующие рубрики:

- Проблемы духовной безопасности современного общества
- Теология и философия
- Религия, идентичность и политика
- Тенденции развития отечественного образования
- Исламское образование в России и за рубежом
- Культура и ценности ислама
- Арабо-мусульманский мир
- Мониторинговые исследования
- Интервью
- Форумы, конференции, семинары

Требования к предоставляемым в журнал статьям:

Статьи должны освещать актуальные, ранее не опубликованные результаты исследований по перечисленным выше разделам и соответствовать техническим требованиям, предъявляемым к публикации в журнале. Публикуются материалы проблемного, обзорного и информационного характера, рецензии, хроника и т.д.

Материалы предоставляются в редакцию в двух экземплярах (распечатанном и электронном) с пронумерованными страницами. Шрифт Times New Roman (размер 12, интервал 1). Объем статьи не более 15 машинописных страниц (включая фотографии, таблицы, схемы, карты, графики и рисунки). Каждая статья сопровождается краткой аннотацией (4–5 предложений), ключевыми словами и названием на русском и английском языках.

Указываются Ф.И.О. автора, почтовый и электронный адреса, телефоны, место работы, должность, ученая степень и подпись.

В тексте ссылки оформляются в виде сносок, сноски должны приводиться в виде верхнего индекса и иметь постраничную нумерацию по всей работе (1, 2, 3 и т.д.). При ссылке на один и тот же источник несколько раз в списке литературы он указывается лишь один раз.

Пристатейный список использованных источников и литературы помещается в конце статьи и должен оформляться в соответствии с ГОСТом. Автор несет ответственность за правильность данных, приведенных в пристатейном списке литературы.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов для публикации. Поставив свою подпись под статьей, автор тем самым передает права на издание и перевод своей статьи редакции. Автор гарантирует, что статья оригинальная: ни статья, ни рисунки к ней не были опубликованы в других журналах. Мнения автора(ов) могут и не совпадать с мнением редакции. Авторский гонорар не выплачивается. Рукописи авторам не возвращаются.

Статьи необходимо высылать на e-mail: 21odb@mail.ru и по адресу: 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а, каб. 506. По всем вопросам обращаться к заместителю главного редактора Малахову Юсуфу Ильдаровичу. Тел.: (347) 276-26-14.

ISSN 2587-6457

Журнал подготовлен в рамках реализации Плана мероприятий по развитию исламского образования и обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама на период с 2017 по 2020 год, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р.

ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БГПУ ИМ. М. АКМУЛЛЫ**

Выпуск № 1 (1)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Данияр Мавлиярович Абдрахманов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Юсуф Ильдарович Малахов
21odb@mail.ru

Учредитель журнала – Научно-исследовательский институт духовной безопасности и развития религиозного образования БГПУ им. М. Акмуллы. Журнал основан в 2017 году.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Точка зрения авторов публикуемых материалов может
не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Подписано в печать 13.10.2017. Формат 60x84 ¹/₈.
Усл. печ. л. 11,6. Тираж 300 экз. Заказ № 170945.

Отпечатано в КП РБ Издательство «Мир печати».
450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 45. Тел.: 251-72-95.

ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
№1 (1) - 2017

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
НИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БГПУ им. М. АКМУЛЛЫ

ISSN 2587-6457

9 772587 645707